

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

O++ 3328.35.5 (1-2)

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

Bought from the Fund for
CURRENT MODERN POETRY
given by
MORRIS GRAY
CLASS OF 1877

ОЧЕРКИ

КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

ОЧЕРКИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

СОЧИНЕНІЕ

КОНСТАНТИНА НАВИА.

Le seul moyen de voir un pays
tel qu'il est, c'est de le voir
avec ses traditions et ses sou-
venirs.

Chateaubriand.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по оппечаташии представляемы были въ Цен-
сурный Комитетъ три экземпляра.

Санктпетербургъ, 16 Ноября, 1835 года.

Ценсоръ *Петръ Корсаковъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ГЛАВА I. Приличностьъ лани. — Озероъ Лезикта. — Песирота. — Древній Грекъ и современный Италіецъ. — Неопришность. — Слѣва: Генузацевъ — Судьба Косарей. — Скука и шабакъ. — Оспрогъ и картина Гюна. — Шарость и юность. — Албанцы. — Архивскрапія въ оспрогъ. Религія и прозелитизмъ. 1

ГЛАВА II. Ръшность. — Приснавь. — Преобразование Турецкихъ головъ. — Археологическія погръшности Турокъ. — Посуда, оружіе и надгробный камень. — Табачная промышленность и народное сочувствіе. — Очеркъ базаровъ. — Дерзость Турчарокъ. — Маленькіе епаньики и урокъ благочинія. — Книги и богословскія прѣлія. — Судьба шипографін и манифестъ о ней. — Силлогизмъ улемъ. — Государственная газетша — Бумага. — Сабля, ножъ палача и кинжалъ. — Кабалистическая надпись. — Хань. — Экипажи. — Разносчики и закодированный шкапъ. 19

ГЛАВА III. Невольничій рынокъ. — Арапы. — Женцимъ въ вѣшкахъ. — Возвышеніе цѣвъ. — Греческія пѣвницы. — Впечатлѣнія дыпсша и религія. — Ангелика. — Ея приключенія. — Черешечки и ихъ надежды. — Нѣжность купцевъ. — Кавказская красота. — Происхожденіе Турецкихъ вельможъ. — Евнухъ полководецъ и евнухъ въ Сенапъ. — Рабство въ Турціи и его преимущества. . . . 48

ГЛАВА IV. Выгоды сумасшествія. — Воспорженный деришь и ругашельсша. — Излеченіе безумія побоями. — Безуміе ожиданія, безуміе логики и безуміе вора. — На-

ходка для черепослововъ. — Опъ на двухъ Султанить. — Народная черта въ безуміи. — Полиція и шпорымы. — Ариемешическое правосудіе. — Тюремная промышленность. — Съвспыные припасы. — Ухащренія хлбвняковъ. — Привилегированныя казни. — Спунка для Улемъ, и преданіе о ней. — Пышки. — Живость Турецкаго правосудія. — Балконы-вислицы. — Слбды прогулокъ. . 89

ГЛАВА V. Тюрьма преданная проклятію. — Братья Мурузи и ихъ судьба. — Географическія познанія Турецкихъ Министровъ. — Фанатизмъ честилюбія. — Роквое племъ. — Оружіе и столовые ножи. — Обвиненіе архиепископа. — Радости Пасхи, и Пасха 1824 года. — Патриархъ Григорій. — Его жаны. — Евреи. — Ихъ нестерпимость. — Тѣмъ Патриарха. — Эмигранты. — Ошибка Порты. — Флотъ. 117

ГЛАВА VI. Четыре народа. — Взимная ненависть. — Личерная спянка. — Советъ величій. — Упадокъ Фааритовъ. — Патриархъ Комшанній. — Его соборъ и Греческія деришны. — Типографія и посвященіе Музъ. — Аришье, военныя Англичане. — Религиозныя распри. — Голосіе Каполиковъ. — Вероника Тенкирь-Оглу и Князь Г***. — Ихъ приключенія. — Турецкій Кадъ. — Черы. — Столица Израиля. — Разказы объ Евреяхъ. — Книга Раббана. — Кладбище Евреевъ и долина Юсофаша. 145

ГЛАВА VII. Разряды Пушешешвенниковъ. — Искарелы приключеній. — Медики. — Медицина дервишей. — Докторъ Балы. — Кривизельныя. — Медицина въ гаремахъ и изыны Турчалокъ. — Приключенія двухъ мичмановъ. — Министръ медицины, и его вліаніе на полнижку. — Анатомическія свидѣнія Турокъ. — Удивительный рыбакъ. 181

ГЛАВА VIII. Поприще искарелей приключеній. — Калосо, пивоварня и Султанская лошадь. — Пера и ея населеніе и ея нація. — Каполики-вузверы и аббашъ Жаксонъ. — Лѣтніе вечера и кладбище. — Дервиши Мевлени. — Ихъ религиозныя пляски. — Ихъ поповки. 215

III

СТР.

ГЛАВА IX. Спарина. — Сила воспоминаній. — Колонна Констанциана и геній искусства въ пльву. — Колонна дѣвы и преданіе. — Колонна въ Серагь. — Θεодосіева колонна. — Спашуя Юстиніана и вышавка головы. — Дворецъ Велиссарія. — Вуколеонъ и злегическое воспоминаніе. — Влахеры. — Богословское совѣщаніе. — Обувь Св. Софія и преданіе. — Архитектура религій. — Торжесство Юстиніана и послы св. Владимира. — Нагоша мечней. — Театральное освѣщеніе — Конь Магомета. 245

ГЛАВА X. Древніе храмы. — Гробъ Анны Комниной. — Звѣринецъ, и леопарды зацщивники Визанціи. — Арсеналь, Римскіе орлы и знамена Крестоносцевъ. — Церковь Крови. — Гипподромъ. — Обелискъ. — Дельфійская колонна. — Колонна Порфирогенеша. — Венеціанскіе кони. — Мѣдныя спашуи и ихъ судьба. — Воспоминанія. — Гладиаторъ. . . . . , 268

О ЧЕРКИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

Г Л А В А I.

Прилипчивость лъни. — Очеркъ Леванта. — Пестрота. — Древній Грекъ и современный Италияецъ. — Неопрятность. — Стѣна Генуэзцевъ. — Судьба Кесарей. — Скука и табакъ. — Острогъ и картина Гоппа. — Старость и юность. — Албанцы. — Аристократія въ острогъ. — Религія и прозелетизмъ.

Есть Европейцы, которые живутъ по нѣскольку лѣтъ въ Перѣ, и не рѣшаются переправиться чрезъ заливъ *золотога рога* и посѣтить Стамбуль. Царственные его холмы лежатъ предъ ними величественнымъ амфитеатромъ, широкіе куполы, башни и минареллы вѣнчаютъ Мусульманскій городъ каменнымъ вѣн-

Часть II.

цемъ Цибеллы, и эта чудная мозаика мелкихъ и колоссальныхъ зданій, древнихъ спѣнь и водопроводовъ обросшихъ садами, массивныхъ базаровъ и легкихъ азіяшскихъ дворцовъ, спелешся предъ ними на необозримое пространство, и они каждое устро любующся этимъ видомъ съ высоты Перскаго холма, и съ истинно Турецкимъ безстрастіемъ не рѣшаются заглянуть въ таинственную внутренность Спамбула. Можетъ быть воздухъ Воспока внушаетъ въ посѣпителей Восточное равнодушіе ко всему, можетъ быть Турецкое безстрастіе прилипчиво, какъ Турецкая чума. Удивительное явленіе! Европейцы въ Азіяшскихъ городахъ почти всегда представляютъ чудныя крайности: или мечущся съ предприимчивостію и неушомимостію искапелей приключеній, или предались глупой лѣни Азіяшца. Въ Галашь увидите пеструю толпу со всѣхъ концевъ Христіанскаго Міра, кошорая съ мерцающимъ заблѣпствомъ на лицахъ, съ безпокойнымъ взоромъ, усталая поплннхся въ грязныхъ улицахъ, базарахъ и пристаняхъ, шепчешся на двадцати языкахъ сполпотворенія, торгуется съ шкиперами, бранится съ факторами, нагружаетъ, выгружаетъ съ какою нибудь судорож-

ною поропливостію, со всею мелочною дѣлательностію челоуѣка въ жишейскихъ его заботахъ. Эпоа часпъ города сохраняетъ, во всей первоначальной песпрошѣ своего древняго населенія, суешно предприимчивый духъ шорговыхъ республикъ Ишалин. Эпо не Воспокъ, не Мусульманскій городъ, а то что Европа назвала *Левантомъ*; — случайный сбродъ Ишалиянцевъ, Нѣмцевъ, Славянъ Адриатическаго залива, Грековъ съ Ионическихъ ошпрововъ, Французовъ, Испанцевъ, Англичанъ, Шведовъ и Американцевъ; между ними исчезающъ почти коренные жишели Востока, или служатъ только для живописной обстановки разнонародныхъ группъ на всемирной биржѣ Галашы. Потому что вся Галаша, душная, темная, крикливая, представляетъ въ огромномъ размѣрѣ шорговую биржу, предъ кою сплошъ дѣвъ тысячъ кораблей, подъ флагами всѣхъ возможныхъ цвѣшовъ, гошовые опельшп въ всѣ концы земнаго шара.

Я любилъ въ моемъ воображеніи сравнивать эту каршину съ колоніями древняго Міра, расположенными на сихъ же берегахъ ошъ Геллеспонша до Евриды. И въ тѣ вѣки какъ и теперь не было суждено коренымъ ихъ жише-

ламъ бышь дѣйствовашельми собственнѣйшей
 промышленности. Здѣсь сходились народы
 предприимчивой Греціи, мореплаватели Фидикіи,
 Карфагена и Сициліи съ народами внутренней
 Азіи, на непрерывную ярмарку. Промышленный
 рой чужеземцевъ жужжалъ среди колоній на
 всѣхъ нарѣчіяхъ древняго міра; гармоническій
 языкъ Іоніи сливался съ горпаннымъ выгово-
 ромъ Африки и съ языками Азіатскихъ племенъ;
 шюга Афинянина красиво драпировалась среди
 яркихъ цвѣтшвъ восточныхъ костюмовъ; жи-
 вость Эленическихъ племенъ представляла ра-
 зительную противоположность съ наслѣдствен-
 нымъ спокойствіемъ Азіатца; такъ и шеперь
 въ базарахъ Галапы узнаеше но быспрымъ шло-
 движеніямъ, по выразительности жестовъ, по
 разговору подобному речешашивамъ Испаліян-
 ской оперы, жипеля Неаполя или Венеціи, ког-
 да онъ, въ куршкѣ моряка, въ широкой соломен-
 ной шляпѣ, полкуешъ, на испорченномъ нарѣчій
 своего поэшическаго языка, о цѣнѣ сала и сель-
 дей съ тучнымъ Армянскимъ факшоромъ, кошо-
 раго каменная недвижность предшашаетъ ра-
 зительный контрастъ съ гримасною живосшію
 Испаліянца.

Не знато впрочемъ были ли въ древности города эпихъ колоній шакъ неопрятны какъ нынѣшняя Галаша. Тѣсноша улицъ, кошорыя со времени взятія Константинополя не были ни перемощены ни вычищены, и безъ проливныхъ дождей были бы совершенно непроходимы, отвращительное зловоніе многихъ узкихъ переулковъ, за коими рѣжутъ барановъ, или выдѣлываютъ кожи, и среди коихъ расположились семь собакъ кругомъ падины, длинный крикливый рынокъ, наваленный овощами, рыбою и грязною шлюпою народа — вопль первалъ каршина вась ожидающая, когда по прибытіи въ Константинополь ваша шлюбка причалишь къ пристани Галашы, и ваше воображеніе, еще сохраняя роскошныя впечатлѣнія панорамы Спамбула и Босфора, коею любовались съ палубы корабля, предскажутъ вамъ эпу спрану подобною плодамъ береговъ Мершваго Моря, прекраснымъ снаружи — и наполненнымъ гадинами. Не одинъ путешественникъ, проходя въ первый разъ зловонную Галашу, отъ души жалѣлъ, зачѣмъ не проспился съ эшою спраною послѣ перваго взгляда на нее съ корабля, и не уѣхалъ съ Босфора, какъ шопъ Англичанинъ, кошорый бивъ преду-

вѣдомленъ о картинахъ ожидавшихъ его на берегу, остался безвыѣздно нѣсколько дней на корабль, въ ожиданіи попутнаго вѣтра, и поплылъ обратно, чтобы сохранить такимъ образомъ несравненное впечатлѣніе панорамы Константинополя и Босфора въ ея магическомъ совершенствѣ. Послѣ роскошнаго проспора видовъ и картинъ, среди коихъ разгульно блуждали ваши взоры отъ пейзажа въ пейзажъ, отъ причудливой архитектуры кіосокъ, отъ свѣжести садовъ и отъ необъятныхъ мраморныхъ массъ мечей въ дрожащее ихъ отраженіе въ волнахъ, и въ глубокій куполъ неба — вы спѣснены въ узкихъ улицахъ, ваше зрѣніе спрадаетъ отъ пасмурнаго цвѣта уродливыхъ зданій, вашъ слухъ отъ крикливыхъ продавцевъ, и болѣе всего ваше дыханіе, ваше обоняніе отъ духоты, кошорая какъ зараза впила въ улицы Галаты. Всѣ ваши впечатлѣнія безжалостно убиши; вы хотише ушѣшиться блестящимъ колоритомъ неизмѣннаго неба, и спросиши: ужели это та самая страна, кошорую обѣгали недавно ваши очарованные взоры! — чтоже? — такъ какъ живительное дыханіе Босфорскихъ зефировъ не долетаетъ до этихъ мѣстъ, такъ какъ виды бере-

говъ и моря закрылись вешими кучами домовъ въ извивистыхъ улицахъ, шакъ и небо заслонилось высокими зданіями, и едва просвѣчивается его узкая полоса въ изломанной рамѣ широкихъ карнизовъ, далеко выдавшихся надъ домами.

Мѣстами среди домовъ показывается старинная крѣпостная стѣна, построенная Генуэзцами, и вы приходите подъ воротами кошорыя никогда не запираются. Она оспаеется дряхлымъ, разорваннымъ памяникомъ мореходной республики; въ одномъ изъ ея угловъ поднимается шлжелая башня, на коей во времена владычества Генуи развивался ея алыи крестъ на супротивъ устарѣлыхъ орловъ Византіи. Мѣстами стѣна совершенно развалилась; ея машеріалы послужили для построения новыхъ домовъ и мечетей; каждая развалина, оставленная какъ слѣдъ прешедшихъ народовъ, служить каменоломнею для народовъ заступившихъ ихъ мѣсто. Большою частію привлечены къ стѣнѣ въ обихъ споронъ дома, конхъ кровли сосавляютъ надъ нею пестрый вѣнецъ.

Было время когда эша грязная, мерканшиль-ная Галаша, сосавлявшая вмѣстѣ съ холмомъ Неры XIII и послѣдній регионъ Константинопо-

ля, предписывала законы *Всемирной столиць*. Кулическое племя Генуэзцевъ и Венеціанъ успѣло выпросить, попомъ купишь, попомъ завоевашь привиллеги, копорыя давали имъ въ полное владѣніе эпо предмѣстїе. Правда, они признавали себя вассалами Императорской короны, шакъ какъ Венеція вспарину признавала себя подъ безильнымъ скипешромъ Кесарей; но когда ихъ мешрополїи располагали судьбами Имперїи, повиновенїе коммерческихъ колонїй соспоало въ пущыхъ обрядахъ, коими могущеспвенное племя купцевъ льспило Византїйской гордоспи. Когда Михаилъ Палеологъ изгналъ изъ Конспаншинополя Балдуина II, послѣдняго изъ Французскихъ Императоровъ дома Куршеней (1264), онъ, въ ознаменованїе своей признательности Генуэзцамъ, за оказанное ему пособїе, подарилъ имъ Галапу, разрушивъ прежде ея укрѣпленїя. Въ эшу эпоху глашатаи и возвѣщали народу, что одни Императорскїе эдикты внушали врагамъ Имперїи болѣе страха, нежели самыя многочисленныя войска; а Императоры искали золота у шорговыхъ республикъ, и воиновъ для защиты престола — въ сбродѣ искашелей приключенїй; для удовлешворенїя первыхъ — своихъ алчныхъ заимодав-

цевъ, они дарили и продавали участки своей Имперіи, и рвали лоскутья распадавшейся порфиры; а наемные пѣлохранители сами, какъ хищные звѣри, шерзали злополучную Имперію. Византійское щеславіе ушѣшалось призракомъ древняго величія; Палеологъ шребоваль у Генуэзцевъ шолько, чшобы ихъ *Подеста*, или правитель колоніи назначенный опѣ Республики, по прибышій въ Конспанпинополь дважды преклоняль коленно въ Аудіэнцъ-залѣ, и попомѣ цѣловаль руку и ногу Кесаря; сенаторы Генуэзскіе должны были соблюдать пошѣ же обрядѣ при своемъ представленіи, а Генуэзскіе корабли, проходя подѣ окнами дворца, должны были привѣщивовашѣ восклицаніями.....*

Вскорѣ попомѣ ударили новыя шревоги, и междуособіе' двухъ Андрониковъ, коимъ воспользовались Венеціянцы, чшобы вмѣшательство въ шапкія судьбы Имперіи, подало поводѣ Генуэзцамъ обвеспи спѣною Галашу; шогда дерзоспѣ эпихъ бунцевъ скщнула личину; они вели войну съ вѣч-

* Эшотъ любопытный шракташѣ, кошорый болѣе говоритѣ о сосшоявіи Имперіи въ шу эпоху и о духѣ Императоровъ, нежели цѣлые томы комментарій, сохраненѣ у Пахимера и у Грегораса.

ными своими соперниками Венеціанцами въ глазахъ Греческаго Императора, въ его столицѣ; однажды даже хотѣли арестовать самаго Императора за долги. Но нѣсколько Генуэзцевъ съ храбрыми Джуспиніани были единственными предсавителями Христіанской Европы при великой драмѣ, копорая рѣшала судьбы Востока.

Самыя историческія воспоминанія Галапы внушаютъ мрачное впечатлѣніе; я спѣшилъ на холмъ Перы, чтобы съ высоты его насладиться вновь видомъ Сшамбула, копорый открылся моимъ усталымъ взорамъ въ рамѣ могильныхъ кипарисовъ и развалинъ, оставленныхъ недавнимъ пожаромъ. Другихъ впечатлѣній я въ Перѣ не искалъ; лучшее пребываніе здѣсь наводитъ убійственную скуку; лучшее общество — Европейскія миссіи проводятъ льшо на Босфорѣ; оспаешся одинъ торгующій классъ; немногіе Европейцы поселенные здѣсь такъ свыклись съ празднымъ спокойствіемъ Азіянца, такъ довольны вечернею прогулкою на кладбищѣ, что не чувствуютъ ни скуки ни лишенія общества. Когда я спрашивалъ: гдѣ вы проводите вечерь? — всегдашній отвѣтъ былъ: посижу у себя, выкурю трубку табаку; и совѣщавали мнѣ дѣ-

лашь поже. Въ продолженіе немногихъ дней проведенныхъ мною въ Перть, послѣ долгихъ моихъ прогулокъ въ Сипамбуль и въ окрестностяхъ, я былъ въ необходимости довольствоваться однимъ вечернимъ развлеченіемъ шрубки, и какъ говоряшь Осмапы «разгоняшь облако скуки облаками дыма».

Я осмошрѣлъ арсеналь, и за умѣренную плату получилъ позволеніе войти во внутренность адмиралтейскаго оспрога, объ которомъ носилась въ Европѣ сполько ужасныхъ слуховъ. Мое воображеніе живо хранило еще мрачное описаніе эшихъ мѣспъ въ прекрасномъ романѣ Гоппа. Высокія спѣсны, мрачные своды и башни, подземные ходы, и среди всего эшаго поражающій звукъ цѣпей и спонъ спрадальца — вопъ картина, оспавленная въ моей памяти но прочпніи *Анастасія*, и шеперь получившая новую жизнь, когда я гопшвился всшупишь въ это жилище спраданія. Но вообразите себѣ спѣсны, не многимъ выше того забора, чрезъ который въ дѣшспѣ случалось вамъ украдкою перепрыгнушь за грушами, деревянные ворота, подѣ ними на цыновкѣ нѣсколько грязныхъ солдатъ, пошомъ обширный дворъ, и въ немъ сонни двѣ пли три

преступниковъ. Не знаю что я почувствовалъ при видѣ эпои прозаической шюрмы, которая подала поводъ къ прекраснымъ описаніямъ Англійскаго романиста, и не споишь ни одной изъ шюремъ оставленныхъ Венеціанцами въ крѣпостяхъ, и напоминающихъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ преспиралось владычество республиканской инквизиціи, *свинцовые чердаки и колодцы Св. Марка**. И здѣсь меня ожидали картины несчастія, спраданія и порока, но онѣ не носили на себѣ печати поэтическаго ужаса.

Преступники употребляютъ въ арсенальскихъ работахъ; въ эпое время они гуляли, или лежа на солнцѣ отдыхали. Всѣ были въ кандалахъ, и даже нѣкоторые изъ нихъ связаны попарно тяжелыми и корешкими цѣпями; одинъ не могъ сдѣлать малѣйшаго движенія, не шревожа шоварища своихъ спраданій. Въ одной по-

* I riombi, i rozzi — такъ назывались шюрмы. Инквизиціи; первыя были вичто иное какъ шѣсные чердаки, покрышы свинцомъ, въ которыхъ мучились заключенники отъ солнечнаго зноя; вторыя — узкія, сырыя подземелья. Я видѣлъ подобныя шюрмы, въ которыхъ едва могъ помѣститься человекъ; въ гниломъ ихъ воздухѣ спраданія несчастныхъ оканчивались шолько съ жизнью. Были люди, которые прожили въ эпоихъ шюрмахъ 40 лѣтъ.

добной группѣ поразило меня соединеніе спарика, съ длинною бѣлою бородою, съ яснымъ лицомъ, цвѣтущимъ подъ румянцемъ здоровія, и съ взглядомъ, въ коемъ изображалась спокойная вѣра въ предопредѣленіе, презирающая всякое земное утѣшеніе, и молодаго спрадальца, измученнаго долгою неволею, одержимаго сильною лихорадкою, и убишаго подъ бременемъ своихъ спраданій нравственныхъ и физическихъ. Двѣ эпохи спрадальческой жизни сближались здѣсь между цѣпями въ разительной противоположности; старость въ самой неволѣ проявлялась во всей своей величественной красотѣ, исполненная жизни и утѣшенная вѣрою, а юность — изнеможенная, блѣдная, и лишенная даже подпоры мусульманскаго фашизма. Это были Янычары, осужденные кончить жизнь въ неволѣ адмиралшейскаго острога; почти половина пресупниковъ принадлежала къ разрушенному оджаку. Большая часть изъ нихъ, казалось, свыклись съ новымъ родомъ жизни, и преспокойно курили шрубки; ибо въ Турціи нѣтъ мѣша, въ которое не проникла бы благодѣтельная выдумка дикихъ Американцевъ, для утѣшенія челоушества.

Болѣе всѣхъ преступниковъ заключенныхъ въ острогъ меня поразили своими физиономіями Албанцы, посланные изъ Румеліи Верховнымъ Визиремъ за бунты, и за то что не хотѣли промѣнять свою красивую фуспанелу, классическую драпировку Гомеровыхъ героевъ, на прозаическій костюмъ *Магометовыхъ побѣдоносныхъ воиновъ*. И въ кандалахъ сидѣли они сохранивъ гордую пошупъ горцевъ; ихъ сухая улыбка напоминала воиновъ Аларика, привыкшихъ услаждать взоры видомъ областей усѣянныхъ развалинами.

Посреди острога поднимается старое, уродливое зданіе, въ которомъ проводятъ ночь преступники; верхній этажъ назначенъ для Музульманъ, нижній для другихъ народовъ подвласныхъ Порты; привилегированная нація и въ цѣпяхъ не распадется съ аристокрашическими своими припязаніями. — Черезъ все зданіе проходитъ узкій корридоръ; одно эпо мѣсто покрыто вѣчнымъ мракомъ, и внушаетъ нѣкошорый ужасъ, согласный съ впечатлѣніями шорьмы. Но эпогъ корридоръ служишь рынкомъ, и въ его пошьмахъ при блѣдной лампадѣ, преступники покупають свои провизіи; правительство даетъ имъ по

фуншу хлѣба и по кружкѣ воды; частныя подавнїя и пособїя, посылаемыя въ особенностн Христїанамъ опгь ихъ церквей, доставляющъ имъ средства существованїя; болѣе достаточныя изъ нихъ могутъ за нѣсколько паръ услаждашь свою неволю чашкою Аравїйскаго нектара.

Въ глубинѣ черной преспективы корридора падаетъ сомнительная полоса свѣта, какъ лучъ надежды среди печалей и спраданїй; тамъ укрылась небольшая Греческая церковь, и эшопъ свѣтъ — небесный свѣтъ той религїи, кошорая не покидаетъ несчастливца опчужденнаго опгь общесства, и приноситъ ему свои чисшыя успшенїя, и подкрѣпляетъ его вѣру, и внушаетъ ему лучшїя надежды. Старый священникъ читалъ молитвы по усопшемъ; около сорока чловѣкъ Грековъ, Албанцевъ, Босняковъ, Болгаръ — всѣхъ народовъ, соединенныхъ у олшаря православнои Церкви и свлзанныхъ узамн нещастїя и неволи въ одно семейство, окружали гробъ почившаго спрадальца. Не знаю были ли эши люди пресупники — но предъ величїемъ скорби и молитвы я видѣлъ въ нихъ только спадю Христїанъ, и принималъ участїе въ ихъ молитвѣ. Я

говоришь попомъ съ священникомъ, копорому Греческій Пашріархъ ввѣрилъ, по собснвенному его вызову эшо высокое и испино Хрисианское мѣсто. Чшо можешъ бышь прекраснѣе и благороднѣе самоопроверженія челоувѣка, копорый рѣшился поселиться въ эшо жилище спраданія и порока, раздѣляшь неволю пресступниковъ, бышь поспояннымъ свидѣтелемъ явленій, копорыя приводяшь васъ въ содроганіе при одномъ воспоминаніи, шерпѣшь опъ варварства и фанатизма Турецкой спражи — и эшо все безъ всякой земной цѣли, безъ всякаго земнаго возмездія! Такъ какъ въ полишическомъ мірѣ, въ эпохи народныхъ бѣдъ и скорбей, обыкновенно являющія великіе характеры и высокія призванія, шакъ и въ жизни народа, подлѣ каршины порока и спраданія, свѣщштся ушѣшишельная каршина добродѣтели.

Здѣсь и Каполики имѣли прежде свою капеллу; но духъ прозелитизма, одушевлявшій ихъ миссіонеровъ, нарушалъ даже могильное спокойствіе эшой пемницы, и Турки наконецъ ихъ выгнали. Турки не имѣють мечети въ оспрогъ; чшо можешъ сказашь спрадальцу религія, Магомеца? какое ушѣшеніе дашь челоувѣку, копорый

прежде всего долженъ вѣрнѣе, что часть его заключенія и его освобожденія, и все что опъ шерпишь давно начерпаны въ книгъ судьбы, а онъ — одно слѣпое орудіе неизмѣннаго рока?

Если Адмиралтейскій оспрогъ обманываетъ ваши ожиданія въ отношеніи къ ужасу, за то съ другой стороны отвращительная неопряшность, царствующая во всѣхъ углахъ, превосходитъ всякое описаніе. Здѣсь свирѣпствуютъ многія болѣзни; я видѣлъ несчастныхъ, копорые въ сильномъ пароксизмѣ лежали въ грязи и грѣлись на солнцѣ, едва прикрывая лохмотьями свою наготу; многіе были заняты испребленіемъ гадннъ, копорыя ползали на живыхъ ихъ трупахъ; иные просягивали руку, прося подаенія; я просилъ священника раздашь нѣсколько серебряныхъ монешъ болѣе достойнымъ сосраданія между ними.

Адмиралтейскій оспрогъ замѣняетъ въ Констанцинополѣ ссылку на галеры; сюда посылаются пресшупники всѣхъ народовъ подвластныхъ Поршѣ, и даже Европейцы, въ особенноти Италіянскіе моряки осужденные консулами своихъ націй; въ разнородной толпѣ пресшупниковъ показывалось нѣсколько бродягъ въ кру-

глыхъ шляпахъ. Духовные Главы Грековъ, Армянъ и Евреевъ, облеченные въ Турціи и гражданскою власшію надъ своимъ спадомъ, посылающъ также въ оспрогъ за важныя пресупленія, иногда на опредѣленное время, иногда на всю жизнь.

Г Л А В А П.

Рѣшимость. — Приспань — Преобразование Турецкихъ головъ. — Археологическія погрѣшности Турокъ. — Посуда, оружіе и надгробный камень. — Табачная промышленность и народное сочувствіе. — Очеркъ базаровъ. — Дерзость Турчанокъ. — Маленькіе фанатики и урокъ благотворія. — Книги и богословскія прѣнія. — Судьба типографин и манифестъ о ней. — Силлогизмъ улемъ. — Государственная газета. — Бумага. — Сабля, ножъ палача и кинжалъ. — Кабалистическая надпись. — Ханы. — Экипажи — Разнощики и заколдованный шкапъ.

Когда я намѣревался посѣтить базары Конспаншинополя, меня пугали опасеніями чумы. Она не свирѣпствовала въ эту эпоху въ Спамбуль опшкрыто и разгульно, какъ въ прошедшемъ году, но опъ времени до времени неожиданно появлялась въ разныхъ кваршалахъ, и какъ шапъ поражала одинокія жертвы. — Я не намѣревался просишиться съ Конспаншинополемъ, не посѣпивши еще разъ шъ мѣспа, кошорыя при всѣхъ преобразованіяхъ Махмуда сохраняющъ еще свой Восточный характеръ, среди коихъ въ обѣднѣвшей столицѣ Турецкой Имперіи, видя оспашки ея спаринной азіяшской роскоши, вы можете вообразишъ себя на рынкѣ Багдаша и древней

Испагани. Пришомъ въ Турціи надо непременно бышь фашалишпомъ; начиная опъ, вспрѣчи съ гробомъ на улицѣ до легкой головной боли—все будешъ васъ перевозишь и мучишь, во всемъ будешъ являшься ужасающей призракъ смерти. И попому я, со всею рѣшимостію спараго Дервиша, сълъ въ кайкъ у Топханы, и вмѣспъ съ Армяниномъ моимъ провожашымъ опсправилъ ся къ приспани Бакче-Капысы, недалеко ошъ Серала. Эшо самая многолюдная изъ Спямбульскихъ приспаней; въ раннее ушро сюда причалишь въ изяцномъ кайкъ вельможа, идущій въ засѣданіе Дивана, и просишель съ челобитнею; Армянскій банкиръ, служащій въ монешномъ дворѣ, купецъ, кошорый провелъ ночь въ загородномъ домѣ и возвращаешся къ своимъ дневнымъ занятіямъ, призванный къ Поршѣ за консприбуціею или посланный въ шюрѣму опальный богачъ, и иногда Франкъ, кошораго привлекаешъ одно любопытство въ эшу разнохарактерную шолпу.

Впрочемъ если вы въ Европейскомъ плашьѣ, у приспани непременно привѣшспвуешъ васъ слово *Базирьянъ*, купецъ; попому что Турокъ никогда не пойменъ, чшобы изъ далекой земли Франковъ вы шли къ нему съ другою цѣлію,

кроме надежды обогатиться на щепь правовѣрныхъ кармановъ; любопытство, которое бросаетъ Европейскаго путешественника въ раскаленные сѣни Африки, въ глушь Американскихъ лѣсовъ и въ спрану непающаго льда, останется всегда непонятнымъ для Азіянца.

Первая вещь, которая поразитъ васъ въ полѣ на площади, между приспанію и крѣпостными вратами Бакче-Капысы, первая перемѣна преобразованнаго Спамбула ша, что вмѣсто безконечнаго разнообразія фаннашической чалмы, вмѣсто *кавуковъ*, *колаковъ*, *колафовъ*, по которымъ узнавались всѣ классы Спамбульскихъ жителей, найдете одни алые фесы подѣ шелковыми синими кистями. Не одни только военные, но всѣ сословія Спамбула кроме Улемъ должны были опказаться опѣ шаринной чалмы, подѣ которой согрѣвался фаннашизмъ правовѣрныхъ головъ; даже Греческіе и Армянскіе купцы разлучились съ своими огромными шапками въ видѣ пузырей изъ Крымскихъ барашекъ, и надѣли фесы. На одни головы Евреевъ еще не подулъ въперѣ преобразованій.

Я опѣ души досадовалъ на эту спорону преобразованій, которая совершенно испортили

живописный эффектъ Сшамбульскихъ головъ; было прежде до шестидесяти различныхъ образовъ ношенія причудливой чалмы; понкая Англійская кисея, узорчашья шкани Малой Азіи и богашья шкани Кашемира.— все служило для красивыхъ складокъ и граціозныхъ круговъ на головъ правовърнаго; яркіе ихъ цвѣша зашпавили кого-шо сравнишь собраніе Музульманъ, когда на нихъ смотрише съ высокаго мѣста, съ цвѣшникомъ, въ коемъ рука бадовника небрежно разбросила всъ богашства Флоры. Теперь удачно сравниваюшъ шолпу Мусульманъ, подъ красными фесами и синими кисьями, съ полемъ усьяннымъ василькомъ и краснымъ макомъ. Не знаю ошпанешся ли на всегда эшошъ досадный фесь единшвеннымъ головнымъ уборомъ въ Турціи; но, не говоря уже о шомъ, что онъ некрасивъ для фронта и поршншъ введенный Сулпаномъ кошпомъ, онъ не можешъ полюбишься Туркамъ болѣе всего пошому что въ спранъ, где лучи солнца падаюшъ почти вершпикально на голову, онъ не предохраняешъ зрѣнія; а на шшаринныхъ чалмахъ въ пору лѣшняго зноя прибавлялись складки, и сосшавляли родъ козырка. Говоряшъ даже, что самъ Сулпанъ въ 1828 году, когда

былъ занявъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду войсками въ лагерь въ Даушъ-Паша, гдѣ во время войны съ Россіею спояло знамя Пророка, сильно спрдалъ главною болью. Но онъ въ швердомъ намѣреніи преобразовашъ свой народъ, началъ съ его головъ, или лучше сказаши съ головныхъ уборовъ; злые языки даже говорящъ, что покамѣспъ преобразование большей часши Турецкихъ головъ ограничилось фесомъ; можешъ быши это пошому что и шеперь подъ фесомъ, какъ прежде подъ чалмою, скрывается бришая голова, съ однимъ шолько клочкомъ волосъ посрединѣ, немногихъ волосъ, копорые Мусульманину всего дороже, пошому что за нихъ ангелъ смерти долженъ попациши его въ Магомешовъ рай.

Бакче-Капысы, или садовыя вороша, назывались во время Греческой Имперіи *прекрасными вратами*; и шеперь въ нихъ проглядываешъ спаринная ихъ красота, хоша Турецкія надписи ихъ покрывающъ. Турки весьма мало свѣдуци въ Археологіи, и безъ зазрѣнія совѣспи на памятникъ другаго народа часно выспавляютъ какой нибудь годъ своего лѣшосчисленія, какую нибудь надпись изъ своего корана, имя какого нибудь Сулпана; я ошъ души прощаю имъ эти

оскорбленіе свяшени, каждый разъ, когда оно выкупаешся живописнымъ эффектомъ мрамора и позолоты. Недалеко отъ востокъ, въ уютномъ баливъ, сполотъ парадныя шлюбки Серала; красивыя ихъ формы и роскошныя убранства, зеленый кіоскъ на берегу, огромный мраморный фонтанъ, мавришанской архитектуры, пошомъ набережная Серала и дряхлыя стѣны Конспанпинополя — все это соединилось въ одну очаровательную каршину.

За востокъ самая многлюдная часть города и центръ Спамбульской торговли; всѣ роды Спамбульской промышленности соединились въ широкія улицы, которыя выются между домовъ, прилѣпленныхъ къ стѣнѣ, и длинныхъ рядовъ деревянныхъ лавокъ, или ползающихъ по скампу первого холма Конспанпинополя до Гипподрома. Въ огромномъ дворѣ каменщики изсѣкаютъ изъ бѣлаго мрамора памятники различныхъ формъ для Мусульманскаго кладбища; вырѣзываютъ надписи и узоры, и покрываютъ позолотою; далѣе оружейные мастера гнутъ въ дугу Дамасскую саблю, и выдѣлываютъ перламутровыя и серебряныя украшения на Турецкихъ пистолетахъ; далѣе производится шумная рабо-

пы мѣдной посуды. Здѣсь вся жизнь въ прехъ картинахъ: средства кормить людей, ихъ убивать и камни для ихъ гроба. Спукъ молоха о, мѣдь, о спаль, о камень, слился въ оглушающій концерпъ; и не смотря на то, что въ Спамбуль вѣшь ни экипажей ни колоколовъ, но спеченіе сполькихъ шумныхъ промышленностей почти замѣняетъ колокольни Христіанскаго міра, и моспювья Европейскихъ столицъ.

Но я забылъ упомянуть о другомъ родѣ работъ; онѣ не оглушаютъ васъ; онѣ не наводятъ ни праурнаго впечатлѣнія надгробныхъ камней, ни кровавыхъ впечатлѣній Азіяпскаго оружія, ни гаспрономическихъ идей Мусульманской кухни. Онѣ напоминаютъ вамъ только услажденіе Турецкаго кейфа и его воспорженную лѣнь; поэтому-то эти работы производятся тихо, людьми, которыхъ можете принять за Восточныхъ мудрецовъ, смотря на спокойствіе ихъ физиономіи, на спаринные ихъ костюмы, на длинный рядъ лавочекъ, въ коихъ сидятъ они съ очками сжимающими ихъ носы, сложивъ ноги и сгорбившись въ недвижную дугу, и въ пространствѣ двухъ квадрапныхъ аршинъ помѣспились со всею своею шорговлею со всѣми инструментами сво-

его миролюбиваго занятія. Вы безъ сомнѣнiя угадали, что эши мудрецы заняты выдѣлыванiемъ янтарныхъ мушшуконъ, прубокъ изъ черешневыхъ и жасминныхъ шроспей и всѣхъ принадлежностей дымныхъ наслажденiй Турка. Это самая цвѣтущая промышленность Стамбула; ей вся природа плащитъ дань своихъ произведенiй: волны усердно выносятъ сокровища морскаго дна — лимонный или молочный янтарь для мушшуконъ; кораллы южныхъ морей и алмазы Калькуты служатъ для ихъ украшенiй; черешня и жасминъ Алепа доставляютъ садовнику прямыя и гладкiя шроспи, кошорыя Армянскимъ художникомъ невидимо связываются въ аристократически длинныя чубуки, или покрываются чехломъ изъ понкой шелковой ткани, съ шелковыми кисями; глина Богемiи и Венгрии обращается въ прубки безконечно разнообразныхъ формъ, кошорыя подъ блестящею позолотою издаютъ облака дыма, какъ языческiе олшари; самый пабакъ, это невинное жертвоприношенiе, это предметъ лучшихъ думъ и лучшихъ наслажденiй Стамбула, произрастаетъ обильно въ поляхъ Фессалии и Малой Азiи, и нигдѣ въ спаромъ свѣтъ не бываетъ столь хорошихъ качествъ.

Присоедините къ этому неотъемное искусство Стамбульскихъ аршиповъ, вкусъ, съ которымъ выдѣлываютъ они яшмаръ въ самыя счастливыя формы, чистоту ихъ работы, даже въ эмали, которая ни въ какомъ другомъ издѣліи не усовершенствована до такой степени въ Турціи, и вы увидите что и Природа и человекъ соединили свои усилія, чтобы усовершенствовать это инструментъ Турецкаго благополучія. Можете быть это доказываетъ, что безъ народнаго сочувствія ни одна отрасль промышленности не можетъ достигнуть высокаго развитія. Издревле Англія усовершенствовала свой любимый напитокъ поршеръ, Голландія джизъ, Испанія соломенные шляпы—эти воздушные щипы отъ сурьмъ пророческаго солнца, а Россія мѣха, какъ панцыри въ наспойчивой борьбѣ богатырскаго народа съ дыханіемъ злыхъ колдуновъ, засѣвшихъ подъ полюсомъ; весьма естественна что Турки занялись усовершенствованіемъ курительныхъ потребностей, какъ перваго условія своего счастья.

Пожары, случившіеся въ началѣ царствованія Махмуда, и повпорившіеся въ началѣ его преобразованій, обратили въ пепель эту часть го-

рода; многіе базары сгорѣли со всеми прихопьями воспочной роскоши; купцы успѣли выспропиться вновѣ; жизнь и дѣяшельность эпои чпстп города давно уже сперли слѣды пламени. Я посѣщилъ безесченъ и другіе богашые базары. Эпо огромныя каменныя зданія, иногда весьма счастливой архпшекпуры, причудливой, самобышной, съ легкими порпиками съ широкими куполами, но большею чпстію массивныя и шпжедья. Хошя я нашелъ базары въ эту эпоху гораздо бѣднѣе нежели въ старые годы, но подѣ широкимъ куполомъ, при слабомъ освѣщеніи чрѣзъ ошверстіе продѣланное въ немъ, выспавка дорогихъ шоваровъ имѣетъ чшо-шо очаровашельное. Персидскія шали, Сибирскіе мѣха, Кышайскій фарфоръ, драгоценныя камни Индіи, коралы Африки, перлы Персидскаго залива, яншаръ Пруссіи, дорогое Турецкое оружіе, воспочныя издѣлія изъ золота и серебра, ковры и шкани Малой Азіи, богашые старинныя костюмы—все эпо или перемѣшанное, или расположенное систематическими группами, со всемъ умѣніемъ купца привлекаетъ ваши взоры, производитъ самый живописный эффектъ. Яркость и блескъ красокъ напоминаетъ вамъ Воспокъ »штысячи од-

ной ночи, « Воспокъ вашихъ дѣшскихъ фаншазій.

Здѣсь всегда шолпа посьшипелей и покушпелей; въ шѣсношѣ любяшѣ прогуливашѣся шакже группы Турчанокъ, между коими должно проходитьъ очень ошторожно, чшобы не навлечѣ на себя гнѣва прекрасныхъ посьшипешельницѣ; случаетѣся иногда, чшо среди базарнаго многолудія не шолько разбраняшѣ, но даже и поколошяшѣ весьма исправно франка, кошорый неучшиво ихѣ шолкнешѣ; эши восшочныя дамы весьма сердшаго нрава, и если шерпяшѣ униженіе въ правовѣрномъ общешствѣ, но знаютѣ свои права и свою неприкосновенность. Должно впрочемѣ согласишѣся въ помѣ, чшо вообще Сшамбульскій народѣ шмалѣ гораздо учшивше послѣ Сулшанскихъ преобразованій, и горзздо лучше обшодитѣся съ франками и въ часшной бесѣдѣ и на улицахѣ, особенно послѣ Забалканской войны. Во всѣхъ моихъ прогулкахѣ по Сшамбулу ни разу не случилошѣ мнѣ слышашѣ за собою эшпешешы *глурѣ*, *френкѣ-кіопекѣ* (ш. е. франкская собака), и другія еще болѣе выразишельныя учшивости, кошорыя еще недавно навлекала на себя во внушреннихъ кваршалахѣ горбда, круглая шляпа

Европейца. Однажды даже вспрыгнула на меня маленькая фанатичка, которая возвращалась из школы; один из них вздумал поспаривать обыкновенно, которое сохранилось еще в провинциях, в деревнях, бросил на меня камень, но проходящий Турецкий офицер спал, после урока о благонравии спараго ходил, давал ему на улице чувствительный урок благочиния, доколь мое посредничество не избавило маленького Османлы.

Так как многие базары открыты только в известное время, торговля производится в них с необыкновенною деятельностью и шумом; в каждом углу купец хвалит громко свои товары; на иной эспрадъ спойшь Турокъ в шапальной позе в шапальном костюмъ, держишь в руке, кинжалъ, и чтобы вы не подумали что это герой какой-нибудь прагедии — онъ предлагаетъ вамъ его купить. Такъ какъ шумъ металлическихъ и мраморныхъ работъ оглушилъ меня прежде, такъ в этихъ базарахъ разговоры, крики, споры нѣсколькихъ тысячъ людей сливались в шумное жужжаніе; при этомъ воздухъ здѣсь упитанъ любимымъ ароматомъ Турціи, розовымъ

масломъ, кошораго пшжельй запахъ шрудно перенести безъ головной боли.

Для опдохновенія я посвщилъ базаръ книгъ и рукописей; эшо обласшь науки и молчанія; писцы, сидя на эспрадахъ лавочекъ, съ благоговѣнїемъ писали копіи корана; другіе вырисовывали красными чернилами заглавія, другіе шрудились надъ узорчашыми надписями, и для всѣхъ эшихъ работъ правое колено служило единственнѣмъ письменнѣмъ шполицомъ.

Вспарину франкамъ не былъ позволенъ входъ въ эшо свящилище науки, чшобы нечесшивые ихъ взгляды не оскорбили свящосши коллекцій корана. И въ чисшомъ деизмѣ Магомешова ученія, его послѣдовашели не совсѣмъ освободились опъ древняго идолопоклоншва, и оно сосредошчилось въ почипаніи книги, кошорой листы были предвѣчно писаны въ небъ; въ XVII вѣкѣ еще происходили въ Шшамбуль богословскіе споры о нерукошшворенносши ея, и кровавые преслѣдованія, казалосъ, возобновили въ плѣнной шполицѣ Хрисщанскихъ Имперашоровъ эпоху иконокласшовъ*. Но Исламизмъ во многомъ опшсталъ опъ

* Такое же язычесское уваженіе пишашопъ Мусульмане къ слову *Аллахъ* и къ буквамъ его сосшавляющимъ. Селімъ I

прежнихъ спрогоспей; теперь не шолько позволяешя входъ въ базаръ книгъ, но можеше даже купишь за нѣсколько сошь рублей полную коллекцію печашныхъ Турецкихъ книгъ, и даже *нерукоотворенный* каранъ, котораго рукописи соспавляютъ главный шоваръ эшаго рынка. Должно впрочемъ увѣдомишь чпшашеля, чпо число Турецкихъ книгъ весьма невелико, и чпобы вполнѣ удовлетворишь его любопытству, я долженъ упомянушь о судьбѣ Гутшенбергова изобрѣшенія въ Турци.

Какой то ренегашъ, прозванный у Турокъ Басмаджи-Ибрагимъ, ш. е. печашникъ Ибрагимъ, предспавилъ Ахмету III проекшъ, въ кошоромъ онъ излагалъ выгоды книгопечашанія. Просвѣщенный Визирь и Сулпанъ, оцѣнивъ всю пользу эшаго искусствва, должны были однакожъ уважишь народныя предразсудки, и подвергнушь дѣло рѣшенію Улемъ. Улемы не опыскали въ Коранѣ ни одного сшпиха запрещающаго книгопечашаніе, и пошому изъявили свое со-

хашпшерифомъ объявилъ народу, чпо онъ идешь войною на Египешскаго Халифа для защиты вѣры, пошому чпо на Египешскихъ монешахъ было имя Аллаха, и эши монешы ходили по рукамъ невѣрныхъ, и бывали во всякихъ мѣсшахъ.

гласіе на введеніе его въ область правовѣрія, но полько съ шѣмъ, чптобы никогда не могли печашапьяся коранъ и книги религіи и законодапельспва; ибо, сказали они, будешъ явнымъ оскорбленіемъ свяпыни, чптобы предвѣчныя слова корана и свяпыя изрѣченія Магомешанскаго закона опливались въ мешалль, шерлись нечиспою краскою, и спрадали подъ гнѣпомъ пшсковъ.

Основываясь на эпомъ заключеніи, Ахмешъ III издалъ весьма длинный Хапишерифъ, въ копоромъ изчислялъ всѣ выгоды письма, передающаго опъ поколѣнія въ поколѣніе великія испины Исламизма; говорилъ, попомъ о поперъ многихъ драгоценныхъ рукописей древнихъ законниковъ, въ эпоху Чингисъ-Хана и изгнанія Магомешанъ изъ Испаніи, о шрудности распроспранить и сдѣлать доступными каждому сокровища науки и премудрости, копорыя хранились въ рукописяхъ, и о несомнѣнной выгодѣ новаго способа получашъ однимъ шрудомъ большое количество экземпляровъ, способа одобреннаго Улемами; онъ оканчивалъ благодареніемъ Аллаху, что его царствованію была предназначена слава опкрыть подобное заведеніе, и заслужить благословеніе правовѣрныхъ. Эшо была цѣлая диссер-

пація о книгопечатаніи; одно полько не было упомянуто въ ней, что это изобрѣшеніе, служащее къ славѣ Исламизма, принадлежало гаурамъ, а это общояпельснво сдѣлало бы книгопечатаніе враждебнымъ въ умахъ народа.

Ренегатъ Ибрагимъ, начальникъ новаго заведенія, напечаталъ нѣсколько книгъ историческихъ и географическихъ и словари Арабскій и Персидскій; но со смертію его типографія пришла въ упадокъ, потому что, послѣ столькихъ лѣтъ трудовъ его, не нашлось ни одного Турка, способнаго управлять ею. Первое введеніе ея было въ 1727 году; она существовала восемнадцатъ лѣтъ.

Опець Махмуда Абдуль-Хамидъ, по побужденію своего Визиря, издалъ Хапшерифъ о возобновленіи забытаго книгопечатанія, и плодомъ усилій его было изданіе еще нѣсколькихъ книгъ. Со смертію Визиря типографія опять пришла въ упадокъ. Она вошла попомъ въ число преобразованій Селима, и, какъ всѣ другіе его замыслы, была ниспровергнута Янычарскимъ бунномъ.

Изъ этого видно полько, что всѣ улучшенія вводимыя въ Турціи бывають личными побуж-

деніями одного вельможи, одного Султана; народъ пребываетъ безстрашнымъ ко всему, и неподвижный въ своихъ понятіяхъ, не хочеть достигнуть къ чему ведутъ все новыя изобрешенія. Европа была кажется на нѣсколькихъ степеняхъ образованія, нежели современная намъ Турція, когда выдумка шемнаго монаха первая разбудила ея спавшій геній. А въ Турціи уже нѣтъ вѣкъ существующею книгопечатаніе, нѣскольکو разъ безвѣспно перьялось оно, и его вліяніе досель такъ вяло такъ безжизненно. Можеть бытъ причину эшаго найдемъ и въ запрещеніи печатанія все относящееся до религіи. Такъ какъ, по старинной поговоркѣ, Турція есть спрана прошивуположностей, по и въ эшомъ отношеніи, въ прошивность Христіанской Европы, кошорая шѣмъ болѣе полюбила книгопечатаніе, что оно распроставляло въ народѣ молитвенники и святое Евангеліе — предразсудки Турокъ не позволили печатанія Корана.

Можеть бытъ причиною запрещенія было тайное опасеніе Улемовъ сдѣлашь доступными каждому истины Исламизма и его законы, и перемѣнить систему ученія, кошорая очерпывается ихъ сословіе магическимъ кругомъ древ-

нихъ жрецовъ Египта; можетъ быть дошли до нихъ слухи о переворотѣ сдѣланномъ въ Западной Церкви книгопечатаціемъ.

Я говорилъ объ этомъ предметѣ съ Туркомъ, свободнымъ отъ многихъ предразсудковъ своихъ единовѣрцевъ; онъ предсказалъ мнѣ и другую причину. Низшіе классы Улемъ существующъ уже сполько вѣковъ списываніемъ копій съ Корана, съ собраній *фетва*, и съ другихъ богословскихъ и юридическихъ книгъ; еслибы эти книги печатались, многія тысячи *китибовъ*, ш. е. писцевъ, остались бы безъ средства существованія. Это напоминаетъ зашрудненія Англійскихъ фабриканшовъ, каждый разъ когда открывалась новая машина, уменьшающая число работниковъ.

Списываніе Корана составляетъ также самое богоугодное занятіе для Турокъ; это родъ религіознаго объша; Султаны и вельможи спавяютъ себѣ иногда въ обязанность списать его, и есть при мечешяхъ цѣлыя библіотеки, составленныя изъ приношеній однихъ рукописныхъ Корановъ.

Махмудъ, хотя болѣе занятый военными преобразованіями, не забылъ впрочемъ книгопеча-

панія; новыя весьма красивыя липеры обшлты для Султанской шинографіи у Дидота въ Парижѣ, и новаго изобрѣшенія спанки выписаны изъ Англіи. Книги напечатанныя въ нынѣшнее царствованіе ошзываются эпохою; эпо нѣсколько опышовъ о должностяхъ офицера въ регулярномъ войскѣ, о Европейской шакшикѣ, и исторія испребленія Янычарь, о коей мы упоминали. Но вещь, копорая болѣе всего возбудила удивленіе и Турціи и Европы, ешь появленіе государственной газетшы, въ копорой помѣщаются акшы правительсшва. Воспокъ какъ будпо хочешъ сбросишь съ себя покрывало шависшвенности, коимъ окушанъ, какъ саваномъ.

Въ Султанской шинографіи болѣе всего пошривилось мнѣ удобсшво, съ кошорымъ рабошашюшъ Турецкіе наборщики; они сшдять на ковръ, обставленные со всѣхъ шпоронъ ящиками для липеръ, и въ шже время куряшъ свою шрубку.

Ешь особенный базаръ для бумаги, чернилъ и прочихъ пошребностей шурецкаго *киатиба*; всѣ эши вещи совершенно особеннаго рода; наши чернила, наша бумага, наши перья не годятся для Азіашскаго письма. Бумага полируешся дол-

гимъ нашіраніемъ какою-то коспію; извѣстно что вмѣсто перьевъ употребляются въ Азіи камыши, какъ было въ древности въ Египтѣ и въ Греціи. Чернила Турецкія густы и блестящія, а чернилицы большою частію мѣдныя съ продолговатою ручкою; киязибы продѣвають ихъ въ поясъ какъ кинжалы. Судьба бумаги въ Турціи подобна судьбѣ книгопечатанія; нѣсколько разъ основывались фабрики для писчей бумаги по въ долинѣ *сладкихъ водъ*, по на Азіятскомъ берегу; но оны нѣ успѣли оснаться только на именованіе энихъ мѣстъ *кеатъ-жане*, домъ бумаги, и эныи предмѣтъ выписывается изъ Франціи и Испаніи.

Если хотише видѣть каршину прежней Турціи, въ ея первобытномъ Азіятскомъ характерѣ, посѣщайте базаръ оружія. Здѣсь найдете вы и извѣстную саблю Дамаска, копорой клинокъ представляешъ рядъ округленныхъ зубцовъ въ видѣ пилы, и ясаганъ съ лезвіемъ согнутымъ внутрь, и кривую саблю расширенную въ концѣ, и кинжалы всѣхъ формъ. Спарый Турокъ объяснитъ вамъ всѣ свойства *Кара-корасана* и двадцати другихъ родовъ желѣза, копорымъ славятся оружейные мастера Малой Азіи; онъ съ одина-

ковою ловкостію перерубишь гвоздь и пуховую подушку саблею, кошорая въ неопышной рукъ при первомъ ударѣ разлещишь въ дребезги. Здѣсь вы плѣнишь красною и богатырствомъ Азіятскаго оружія; серебро и золото, Египетская яшма, кораллы, слоновая кость, изумрудъ, рубинъ, алмазъ и жемчугъ, всѣ драгоценности Воспока сіяють на рукояти, и всѣ эти прихотливыя украшенія подвержены самому разборчивому вкусу.

Списки изъ корана и разныя надписи выдѣланы изъ золота на дорогихъ клинкахъ; мнѣ перевели многія изъ нихъ: «Съ кѣмъ я, пошлъ не боишься вражьяго булаха», или «Дарую тебѣ побѣду надъ невѣрнымъ», или «На защити друзей, на гибель враговъ», а чаще всего «Нѣтъ бога кромѣ Бога». Есть надписи длинныя и замысловатыя, кошорыя покрываютъ какъ узоры верхнюю часть клинка, но никто не могъ мнѣ ихъ располовать; можешь бышь онѣ были Персидскія, можешь бышь родъ письма былъ неизвѣстенъ и купцу и моему переводчику*.

* Читатель вспомнишь, что въ Турціи употребляютъ различныя формы письма, и каждая форма исключительно присвоена чему нибудь: Султанскимъ фирманамъ, частной перепискѣ, юридическимъ книгамъ, надписямъ и пр.

Болѣ заняла мое любопытство старинная сабля съ Греческою надписью, подѣ девизомъ креста св. Константина и словами *ἐν τούτῳ νικά*. Я съ шрудомъ могъ разобрать, что она сдѣлана мастеромъ Анаполиемъ въ Трбизондѣ для «благочестиваго Ласкариса». Кто эшошь Ласкарисъ? ужели Императоръ? Вся моя археологія не могла мнѣ пояснить къ какому вѣку принадлежишь надпись. Турокъ смѣялся надъ моими усиліями прочиташъ ее, и надъ моею увѣренностію, что я ее понялъ. Онъ показывалъ ее многимъ оружейнымъ мастерамъ, и никто не могъ разобрать; показывалъ и ученому ходжѣ, копорый увѣрилъ его, что старинныя письма, походившія въ самомъ дѣлѣ на кабалистическіе знаки, составляли таинственный шалиманъ, понятный развѣ для того, кто владѣеть Соломоновымъ перстнемъ и сошымъ именемъ Аллаха. Можетъ быть по эшому онъ не охотно мнѣ показывалъ саблю, и запросилъ за нее 15,000 піаспровъ, хотя она была оправлена весьма просто.

Въ споронѣ ошъ сабель и яшагановъ висѣлъ ножъ особеннаго рода, короткій въ при четверти аршина, и широкій почти въ четверть;

я съ содроганіемъ узналъ ножъ Спамбульскихъ палачей, уже бывшій въ употребленіи; можешь бышь одинъ изъ шѣхъ, копорые звѣрски сверкали въ 1821 году подъ моими окнами, и оставили во мнѣ сполько ужасныхъ воспоминаній. Самъ Турокъ совѣспился показывать эшо опврашишельное орудіе казни, на коемъ широкія пашна ржавчины замѣнили мяшна крови; можешь бышь рыцарскія поняпія Азіяшца о свяшоспи военнаго оружія не позволяли купцу осквернить красивые ряды своихъ сабель соприкосновеніемъ ножа палачей; и Турки, при всемъ своемъ равнодушіи къ человѣческой крови, пишають опвращеніе къ исполнишелямъ пышокъ и смершной казни. Только значишельный доходъ эшой должноспи, и право обирашь казненнаго и продавань его шрупъ родспвенникамъ, даже награда общаемая мученикомъ за скорое исполненіе приговора, заманиваешь Турокъ въ эшу должносшь. Въ Конспаншинополь считаешья до 40 *джелатовъ*, или палачей, и въ каждой области Паша имѣешь при себѣ одного или многихъ. Не знаю, позволяешья ли имъ входишь въ мечеши, но они опшуждены опъ общеспва; мнѣ разсказывали объ одномъ изъ нихъ, копорый оспа-

влялъ своей дочери огромное сословіе, и не могъ найсти ей жениха въ своего сословія.

Но корешкій кинжалъ, кошораго алмазы блестящъ на поясъ спараго Паши и молодой зашворницы гарема, кошорый приводитъ къ развязкѣ кровавья драмы шайной меспи, или гаремныхъ ивпригъ, измѣннически висѣлъ между гордымъ оружіемъ Мусульманскаго воина. Старый Турокъ мнѣ предлагалъ даже, дорогой кинжалъ весьма красивой формы, и кошораго лезвіе было напершо надежнымъ ядомъ.

Въ другомъ мѣсцѣ базаръ предспавилъ мнѣ собраніе оружій всѣхъ вѣковъ. Спальный лукъ, Черкесская кольчуга, Албанскіе *чепразы**, старинныя Турецкіе щипы, ружья и писполешы всѣхъ возможныхъ формъ и размѣровъ—все эшо было перемѣшано какъ въ Музеѣ. Были ружья оправленныя въ золото, въ серебро и въ перламушръ, другія съ фишилемъ вмѣсто замка, напоминающія древніе самопалы, другія длиною въ три аршина; изъ нихъ, Албанскій паликаръ спрѣляешъ сидя за камнемъ, Майношъ изъ бойницъ своего укрѣпленнаго жилья, Кандіопскій горецъ Сфакіошъ, лежа навзничъ, и опирая ша-

* Родъ кирасъ, кошорыа выходятъ изъ употребленія.

желое ружье на выпянушыя свои ноги. Но подобныя ружья въ большомъ количествѣ можно видѣть и у насъ въ Россіи послѣ каждой войны съ Турками.

Я прежде не видалъ этого базара, самаго занимательнаго изъ Стамбульскихъ базаровъ, но мнѣ сказывали, что прежде онъ былъ несравненно богаче и пестрѣе, что Турки особенно гордились имъ, и что Христіанамъ не позволялось покупать въ немъ оружіе.

Кромѣ этихъ базаровъ, чтобы имѣть полное понятіе о Стамбульской торговлѣ, должно побывать такъ называемые *ханы*, Валиде-ханъ, Гени-ханъ и другіе. Это огромныя каменные зданія, въ родѣ Московскаго госпинаго двора; въ нихъ имѣютъ свои конторы и свои магазины Греческіе и Армянскіе купцы, которые производятъ болѣе значительную торговлю мануфактурными произведеніями Европы и Азіи. А такъ какъ всѣ эти *ханы* и базары находятся въ одной частии города, то здѣсь сосредоточилась вся торговая дѣятельность Стамбула; здѣсь толпились разнонародное, пѣшее его населеніе; здѣсь весь шумъ, все движеніе города, здѣсь только вы видите многолюдную столицу Сул-

шановъ. Всѣ повары переносятся носильщиками на плечахъ; въ иномъ углу увидишь цѣлую гору хлопчатой бумаги, кошорая кое-какъ передвигается по шѣсной улицѣ, и подѣ нею, въ видѣ спарика Апласа, согбеннаго подѣ ношею, едва замѣнешъ колоссальной конспрукціи Армянинъ, съ фізіономіею почти окаменѣлою, хошя онъ не видалъ ни Персея ни Медузиной головы, какъ славный носильщикъ баснословнаго неба.

Въ опдаленныхъ частяхъ города царшвуетъ шншина, и даже въ многлюдныхъ кваршалахъ нѣтъ движенія и дѣяшельности огромнаго города. Въмѣсто шумнаго движенія экипажей, какіи неслышимо скользашъ по морю; изрѣдка раздаешъ по улицѣ однообразный спукъ шряскаго *кочи*, покрышаго алымъ сукномъ, украшеннаго внушри позолошою и зеркалами, и въ коноромъ за непроницаемою рѣшешкою укрылся Турецкій гаремъ, ошправляясь въ загородное гуляніе; изрѣдка кашншся огромная повозка называемая *араба*, упряженная парою буйволовъ, и въ коей помѣшнлись двѣ шри семьи, съ провизіями на цѣлый день. На всѣхъ лицахъ пѣшеходовъ, вспрѣчаемыхъ на улицахъ, нарисована какая-шо дума; всѣ озабочены жнпейскими нуж-

дами. Можете подслушать Еврейскаго фактора, кошорый поспѣшно идучи въ разсѣянности, махая руками и качая головою, громко вычисляешъ сколько пѣспровъ принесетъ ему шакалая-шо спекуляція; далѣе Армянинъ медленно шагаетъ, дѣлая какіе-шо щепы на своихъ чепкахъ; пошомъ встрѣтитесь съ Греческою семьею, кошорая набожно идетъ къ вечернѣ, услышавъ голосъ церковнаго глашатая*, пошомъ съ Турецкимъ чиновникомъ, возвращающимся съ послѣднимъ лицомъ ошъ засѣданія, гдѣ просидѣлъ цѣлый день на коврѣ, согнувшись въ дугу.

Эшо предсавишели коренныхъ жителей Спамбула; между ними попадающа кое-гдѣ люди, кошорыхъ по наряду и по языку не знаешъ къ какой націи ошнесши: на головѣ круглая шляпа, на плечахъ спаринный Турецкій плащъ, подъ плащемъ Италіанская курпка и широкій Архипелажскій шароваръ; ноги въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ пряжками. Таковы большею частію Левантійскіе разнощики; съ аршиномъ въ рукахъ, съ небольшимъ ящи-

* Такъ какъ въ Турецкихъ городахъ христіанамъ не позволено звонить въ колокола, церковные глашатаи, обходя улицы своего прихода, созываютъ народъ въ церкви.

комъ за спиною, они обходящъ улицы Спамбула, припѣвая гнусливымъ голосомъ *galantaries venetiches*, что на языкъ ихъ значить *Венеціанскія галантерейныя вещи*, въ воспоминаніе торговой монополіи Венеціи по всему Леваншу. Даже физіономіи эшихъ людей сперлись въ кочевой ихъ жизни между племенами Леванша, такъ какъ на спарой монетѣ Сулшана сперлось клеймо опть долговременнаго обращенія. Но вообще эшо люди геніяльные; не зная ни одного языка, умѣютъ объяснянхся со всеми разноязычными племенами Спамбула, и даже съ Европейцами Перы, на какомъ-шо побочномъ нарѣчій Италіянскаго языка, съ примѣсью Турецкихъ, Греческихъ, Армянскихъ и даже Испанскихъ и Французскихъ словъ; эшо одно изъ тысячи измѣненій Леванпійскаго языка, названнаго Европейцами *lingua franca*. Приноравливаясь ко всемъ народностямъ, они помѣщаютъ въ своемъ подвижномъ магазинѣ все ухищренія Европейскаго дамскаго шуалеша, которыхъ употребленіе вводишся и въ шуалешы Воспочныхъ дамъ. Они раздѣляютъ съ спарыми Армянками и Жидовками привиллегію снабжать разными попребноспями Турецкіе гаремы; но не думайше чтобы

они раздѣляли также право входить въ гаремы. Торговля ихъ съ Турчанками производилась слѣдующимъ образомъ: изъ за-рѣшекки зазвешъ ихъ невидимое лице; дверь въ цюже время опирается невидимо кѣмъ; разнощикъ входитъ въ переднюю, гдѣ никого нѣтъ; предъ нимъ шкапъ, называемый въ Турціи *долабъ*, и въ эпомъ шкапъ также ничего нѣтъ; изъ за шкапа женскій голосъ спрашиваетъ у *базирьяна* ш. е. купца, есть ли у него шакай шо кисея, такія-шо ленпы; базирьянъ кладешъ требуемый предметъ на полку шкапа; шкапъ поворачивается, и шовары въ рукахъ невидимыхъ покупательницъ; при всякомъ новомъ требованіи, при всѣхъ капризахъ Турчанки, при всякой успукъ разнощика, заколдованный шкапъ поворачивается шо въ шу шо въ другую сторону, и наконецъ переносятъ деньги купцу, кошорый выходитъ изъ предвѣрія храма, не выдавъ его шаинсшвеннаго божества.

Г Л А В А III.

Невольничій рынокъ. — Арапы. — Женщины въ клеткахъ. — Вышенье цѣвъ. — Греческія плавниці. — Впечатлѣнія дѣтства и религи. — Ангелика. — Ея приключенія. — Черкешенки и ихъ надежды. — Нѣжность купцевъ. — Кавказская красота. — Происхожденіе Турецкихъ вельможъ. — Евнухъ полководецъ и Евнухъ въ Сенатѣ. — Равство въ Турціи и его преимущества.

Недалеко отъ мечети Султана Солимана находился базаръ, единственный въ цѣлой Европѣ, и преимущественно возбуждающій любопытство путешественниковъ; это базаръ невольниковъ. Въ старыя времена послѣ каждой войны Турокъ, Европейской или Азіянской, онъ былъ заваленъ толпою военнопленныхъ; Турки не знали разницы между пленнымъ и невольникомъ, доколѣ претерпѣнные ими пораженія, и шрапшаны, вынужденные великими державами, не послужили имъ уроками въ народномъ правѣ. И въ наше время была эпоха, когда Султанскіе флоты выгружали сюда многія тысячи женщинъ и дѣшей съ Архипелажскихъ острововъ и изъ Пелопонеза; но должно надѣяться, что Греческая война была послѣдняя война, снабдившая невольниками эпошъ варварскій рынокъ.

Прежде былъ запрещенъ Христіанамъ входъ въ базаръ невольниковъ; шеперь хотя и позволено его посѣщать, но право покупатьъ въ немъ людей принадлежишь однимъ Мусульманамъ. Воображеніе путешественниковъ представляло эпошъ рынокъ разсадникомъ всѣхъ гаремовъ, но давно уже онъ потерялъ свою поэзію; только предъ входомъ въ него продающся въ клѣшкахъ пѣвныя птицы, и Турки соблюдаютъ старинный поэпическій обычай возвращать имъ свободу, предъ тѣмъ какъ идушь покупатьъ въ неволю людей.

Я вошелъ въ широкій неправильный дворъ; кругомъ вдоль стѣнъ построены лавочки или лужи закрытыя рѣшеткою, въ коихъ запершы женщины какъ въ курятникъ; посреди огромный навѣсъ, и подъ навѣсомъ сядяшь на цыновкахъ прозаическія фигуры купцевъ, и нѣсколько группъ маленькихъ араповъ, бронзоваго, грязно-чернаго и чернаго какъ смоль цвѣща. Это дѣши проданныя родителями въ Нубіи, въ Абессиніи и въ неизвѣстныхъ странахъ внутренней Африки. Они были еще недавно привезены; не могли объяснишься ни съ кѣмъ; имъ было весьма неловко въ одеждѣ, кою купецъ покрылъ

ихъ нагошу; бормотали между собою на языкъ, въ копоромъ почпи не былъ замѣненъ человѣческій голосъ, и когда играя между собою бѣгали начешверенькахъ, предспавлялись мнѣ семьею маленкихъ звѣрей, вывезенныхъ напоказъ изъ Африканской спепи. Это послѣдняя спепень моральнаго и физическаго униженія царя созданія. Но можешъ бышь между эшими опшверженцами своихъ семей, въ лохмопьяхъ и въ грязи, валялся какой нибудь будущій Кызларъ-Агасы, начальникъ дъвушекъ, а по нашему начальникъ черныхъ евнуховъ, и первый сановникъ Сераля.... Малолѣшнія арапки, полунагія, грѣлись на солнцѣ, жалѣя можешъ бышь въ своей неволѣ шолько объ Африканскомъ солнцѣ. Каждая группа принадлежала одному купцу, получала опдѣльно свою пищу, и если судьба шорговли раздѣляла двухъ брашьевъ или двухъ сесперь — узы родспва болѣе не сущеспвовали между эшихъ обиженныхъ созданий.

Не воображайше что въ клѣпкахъ кругомъ базара храняшся плѣнные красавицы; я опощель эшу шайнспвенную галлерей, кошорой рѣшешка довольно широка, чшобы покупашель могъ видѣшь предлагаемый ему шоварь. Хошя

спрого запрещено смопрѣшь въ лице женщины, но здѣсь должно дѣлаться опшпуленіе опъ закона, чшобы содѣйшвовашъ сбшпу продаваемыхъ женщинъ; Турокъ покупатель имѣешъ даже право шребовашъ, чшобы ему опкрыли рѣшешчашую дверь, и осмопрѣшь получше невольницу, заспавишь ее ходишь, судишь о ея здоровьи, о ея пѣлосложеніи; а для подробнѣйшаго осмопра еспъ женщины, кошорья даюшъ самый шочный опчешъ о скрышыхъ совершенствахъ или недоспашкахъ невольницы.

Сколько я могъ видѣшь сквозь рѣшетку, женщины были спары, большею часпію арапки; а если были между ними молодья, по весьма дурны собою и немогли бышь представивельницами Турецкой красоны. Я узналъ опъ моего проводника и опъ Турокъ, заняшыхъ эпою промышленности, чшо женщины въ рынкѣ были большею часпію гаремныя служанки, продаваемыя обднѣвшими своими господами, наслѣдниками послѣ умершаго Турка, людьми кошорые ихъ выписали для себя, пошомъ обманулись въ своихъ ожиданіяхъ, пошому ли чшо невольница по дурнѣла, или испорпилась опъ оспы, или была слишкомъ глупа, или дурнаго нрава. Инымъ не

вольничамъ случается по нѣскольку разъ въ году бытъ на эшой выспавкѣ, и перемѣнять свою судьбу и господъ. Онѣ не обращали никакого вниманія на проходящаго Франка, но когда Турокъ или Турчанка обходили ихъ клѣшки, онѣ, казалось, силились угадать на ихъ лицахъ какъ вы могли бытъ эти покупатели, и какого обхожденія можно было ожидать ошѣ пакихъ господъ. Большею часпю онѣ сидѣли спокойно на полу, разговаривали между собою, даже смѣялись и играли; въ одной ложѣ я замѣшилъ женщину, которая не принимала участія въ разговорахъ, сидѣла въ сторонѣ печальная и заплаканная; купецъ рассказалъ мнѣ, что она принадлежала богатому Эфендію, у котораго она жила съ малолѣтства; кромѣ цѣпи рабства, цѣпь любви привязывала ее къ отцу двухъ ея дѣшей. Недавно дѣши ея умерли ошѣ чумы; Эфенди, соскучившійся ея плачемъ и увядшею ея красою, можетъ бытъ также по желанію другой невольницы, привязавшей его къ себѣ, послалъ несчастную мать на рынокъ. гдѣ она уже цѣлую недѣлю плачетъ неуспѣшная. Турокъ прехладнокровно рассказывалъ, что онъ думалъ сначала ее купить, пошому что Эфенди

уступалъ ее дешево (за 2,000 піаспровъ или 500 рублей), а она умѣла вышивать, играшь на шамбуринѣ, пѣшь, даже чипашъ коранъ, и имѣла многіе паланшы, копорые, будь она десятью годами моложе, сдѣлали бы ее самымъ дорогимъ поваромъ въ цѣломъ рынкѣ; и шеперь даже она могла бышь выгодно продана въ учпелышцы; но ея печаль и опасеніе, что она заболѣшь или даже умрешъ, заставили купца опказашъся опъ эш й спекуляціи, и онъ согласился взашъ ее только на комиссію. Можепъ бышь Эфенди, продѣлжалъ онъ, и оппустилъ бы ее на волю, но новая его невольница пребуешъ нарядовъ, и чшобы купишь ей шаль, онъ рѣшился продашь женщину, съ копорою жилъ десять лѣшь.

Цѣны на невольницъ значптельно возвысчлись съ нѣкопорого времени; уродливая арапка, копорая только могла годишься для черпой рабшы въ гаремъ, цѣнипся около шысячи піасшровъ; маленькія дѣши продаюпся по двѣ и по шри шысячи; но лѣшь десять шому назадъ дѣши продавались по сороку и по пашпдесяти піасшровъ, а пашнадаши лѣшнія дѣвшушки по спу и по двѣспи. Тогда была ужасная эпоха; народонаселенія цѣлыхъ городовъ были распроданы на

эпомъ рынкъ; въ Хіосъ, въ Айвали всякій солдатъ Турецкаго флота бралъ сколько могъ привести съ собою на корабль въ Константинополь женщинъ и дѣшей; на корабляхъ солдаты перепродавали своихъ невольницъ одинъ другому, мѣнялись; происходили между ними сцены ужасныя и опшрашипельныя; часно кровь палачей мѣшалась съ кровію невинныхъ жершвъ, и когда наконецъ эпощъ флотъ, убѣжавъ опъ мспшпельнаго огня Греческихъ моряковъ, возвращался въ Константинополь, всякій солдатъ сбывалъ своихъ невольниковъ на рынкъ за безцѣнокъ. Малолѣшнія дѣши были воспишаны въ Магомешанскомъ законѣ, въ серальскихъ казармахъ, и шеперь служатъ въ гвардіи Сулшана, а Турецкіе гаремы населены Гречанками.

Я былъ свидѣтелемъ многихъ случаевъ, доказывающихъ силу первыхъ впечатлѣній, оставленныхъ въ дѣшской душѣ родиною и семьею. Часно впечатлѣнія дѣшшва замирающъ надолго въ нашей душѣ; образы и радости другаго возраста невѣдомо ихъ замѣняющъ, плѣнная юношескую душу, всегда жаждущую новаго; но они пробудяся въ урочный часъ, съ своею первою свѣжестію, со всемъ очарованіемъ дѣвы,

вспающей опть въковаго сна, въ глуши, въ пещерь, когда рыцарь съ шайншвенною въшвію коснешся ея хрустального гроба.

Въ 1832 году, въ Греческихъ моряхъ, явился къ нашему Адмиралу какой-то богатый Конспаншинопольскій Турокъ Мусшафа-Ага, жалуюсь на побѣгъ изъ Конспаншинополя въ Грецію своей жены Зелихи съ малолѣпнымъ сыномъ Мехмешой, говоря, что она пребывала въ Идрѣ подъ покровительствомъ оспровишянъ, и прося, чтобы чрезъ наше посредничество возвратили ему покрайней мѣрѣ единороднаго сына. Въ то же время нѣсколько семей оспровишянъ пришли съ мольбою, чтобы жена и сынъ Мусшафы были вышребованы изъ Идры, потому что по жалобѣ Турка былъ схваченъ въ Турецкомъ портѣ Капитанъ Леоншій, шкиперъ шой шкуны, которая увезла Зелиху, и со всеми своими машросами посаженъ въ крѣпость на островъ Хіосъ, а родшвенникамъ его и его машросовъ мѣспное начальство дало знать, что если по испеченіи шеспи мѣсяцевъ не будетъ сдѣлано полное удовлетвореніе Мусшафа-Агъ, моряки будутъ повѣшенны, а шкуна пошоплена. Греція была тогда въ совершенной анархіи; ея безсильное прави-

пелъство запертое въ стѣнахъ Навплин, безъ флота, не имѣло никакой власти въ Идрѣ, и потому всѣ обратились къ намъ. Я поспѣшно поѣхалъ въ Идру, чтобы предупредить кровавую развязку эшаго романа. Примачы, копорыхъ одно моральное вліяніе на ихъ согражданъ содержало нѣкоторый порядокъ на островѣ, предложили мнѣ видѣться съ героинею, узнать отъ нея всѣ подробности, и согласить ее на мировую, потому что сами они не могли въ этомъ успѣть; одни изъ нихъ спояли за моряковъ арешованныхъ въ Хиосъ и за Турка, другіе ей покровительствовали; но никто не могъ думать о средствахъ насильственныхъ, и кажется никогда челоуѣколюбіе и правосудіе не находились въ такихъ запруднительныхъ обстоятельствахъ.

Къ намъ вошла женщина лѣтъ двадцати, красоты совершенной, стройная, высокая, держа за руку чепырехлѣпняго сына; въ пламенномъ, безпокойномъ ея взорѣ горѣлъ одинъ огонь материнской любви, и взглядъ ея и ея пошупъ выражали гордость оскорбленной мшери.

Она не встревожилась, узнавши цѣль моего носъщенія; когда я ей сказалъ, что на совѣспи

ея будешъ смерть десятии чловѣкъ и прауръ десятии семей, она мнѣ опвѣчала: знаю угрозы Турка, и хопя бы онъ былъ въ соспоаніи ихъ исполнишь, я рѣшилась быть мученицею своей совѣспи во всю жизнь, но для меня важнѣе и свянѣе спасишь моего сына; безъ него Турокъ получилъ бы въ свои объятія холодный прупъ свей жены; безъ него, можешъ быть, я бы кончила жпзнь въ его гаремъ. — Голось ея дрожалъ; она говорила опривиспо, съ прудомъ объяснялась по-Гречески, въ ея произношеніи опзызался Турецкій выговоръ, но пламенное краснорѣчіе чувства одушевляло ея рѣчи. Вопъ ужасная ея повѣспъ, копорая спановишся еще болѣе занимательною, среди воспоминаній наводимыхъ эшпмъ ужаснымъ рынкомъ.

Ее звали Ангеликою; она была едипородная дочь у богашыхъ родителей, на оспровѣ Хіосѣ; ей было десять лѣтъ, когда Сулпанскій флотъ исполнилъ кровавый приговоръ надъ цѣлымъ народонаселеніемъ цвѣтущаго Хіоса. Во многихъ деревняхъ оспрова погда только узнали о прибытіи испребишельнаго флота, когда зарево пожаровъ и плачь бѣгущаго народа вспревожилъ мирныхъ поселянъ. Десятилѣтняя Ангелика съ

своими родителами бѣжала въ горы; оспрые камни изранили ноги дѣпяши; отецъ изнуренный болѣзнію не былъ въ состояніи ее нести на рукахъ; они ошсали, и шюла кровожадныхъ каліонджи ихъ засыгла; отецъ палъ на колѣна, и подѣ яшаганами молилъ о помѣлованіи; но его кровь брызнула на жену и на дочь; онѣ были ошведены въ плѣнъ на Турецкій корабль, добычею перваго Турка, кошорый наложилъ на нихъ руку, дымящуюся ошъ крови. Турокъ привязалъ ихъ вмѣспѣ къ одной пушкѣ, и чрезъ нѣскольکو дней, не зная куда дѣвашся съ множеспвомъ своихъ плѣнныхъ, промѣнялъ дочь на пару пшпюмешовъ, а машъ хопѣлъ ошсавишь для себя; но когда пришелъ вмѣспѣ съ покупашелемъ, чшюбы ошпяшь дѣпя у машери, машъ судорожно обняла свое дѣпя, и ея объпяія замѣнили узы ихъ соединявшіе въ плѣну. Турки не могли ихъ разпяшь; разозленный варваръ изранилъ машъ кинжаломъ, и еще живую вѣбросилъ за-боршъ въ море, въ глазахъ обомлѣвшей дѣвушки. Ангелику ошвели къ другимъ плѣннымъ дѣшямъ, и когда флшъ пришелъ въ Конспанпинополь, Турокъ посадилъ въ канкъ своихъ плѣнныхъ, связалъ ихъ одною веревкою, и держа за конецъ

повель въ рынокъ, наполненный въ эту эпоху дѣвками и женщинами; онъ въ пошъ же день продалъ шрехъ мальчиковъ и двухъ дѣвушекъ; за Ангелику и за другую ея сверстницу просилъ дорого, и не находя покупателя, рѣшился ихъ воспитать, чшобы пошомъ выгоднѣе ихъ сбыть. Онъ ошдалъ ихъ спарой Турчанкѣ, кошорая занималась приугошвлениемъ молодыхъ дѣвушекъ для знашныхъ гаремовъ. Здѣсь онъ оспавались шри года; съ ними обходились ласково, шолько заспавляли ихъ молишься по магомешански, учили говорить по-Турецки, пѣть, плясать, вышивать узоры. Каждый разъ когда Турокъ къ нимъ приходилъ, онъ должны были показывать ему свои успѣхи, и когда онъ былъ доволенъ, дѣлалъ спарухѣ подарки, просилъ ее; чшобы она берегла ихъ здоровье, и какъ самый нѣжный ошець забошился о нихъ; надежда на барышъ замѣняетъ иногда нѣжное родителъское чувство, шакъ какъ надежда сдѣлать хорошаго зяня заспавляетъ иногда родителей хлопотать о воспитаніи дочерей, и въ шѣхъ спранахъ, гдѣ женщины не продають. По испеченіи шрехъ лѣтъ онъ спалъ приводить къ нимъ покупателей, и при нихъ шорговался о цѣнѣ. Предъ подобными

посѣщеніями водили дѣвушекъ въ баню, красили ихъ пальцы *кишою*, брови сурмою; румянили ихъ, одѣвали нарядно, и приказывали имъ, чтобы онѣ спарались понравившяся. Опышная старуха совѣтовала имъ плѣнись какого нибудь спараго и заживочнаго Агу, ласкала дѣвическое ихъ воображеніе блестящею преспекшивою богашаго гарема, полпою невольницъ и дорогими нарядами, и всемогуществомъ молодой любимицы надъ спарымъ мужемъ. Но видно что другіе образы занимали тогда шринадцатишлѣтнихъ дѣвушекъ; однажды предъ спарымъ Агою онѣ пѣли хриплымъ голосомъ, плясали дурно, и когда онѣ ушелъ, не согласившись заплашить 20,000 піаспровъ за ихъ красоту и ихъ шаланпы, купецъ наказалъ обѣихъ палками по пятамъ.

Однажды ихъ нарядили лучше обыкновеннаго, и повели къ Султаншѣ сеспрѣ Махмуда, въ ея дворець въ Эюбъ. Ей показывали всегда лучшихъ плѣнницъ въ Спамбулѣ. Она, заслуживъ въ молодоспи громкую извѣстность въ романической хроникѣ Спамбула своими похощеніями, всегда любила окружать себя красотами при посѣщеніяхъ своего брата, иногда манила его ими къ себѣ и заставляла лучше принимашъ ея просьбы,

иногда — новая Ливія — дарилъ ихъ ему въ Сераль. Спаярая Султанша ласково говорила съ пльнницами, заставила ихъ показашь всь свои паланшы, и выбрала сверстницу Ангелики, которая была попольбе, и лучше согласовалась съ идеаломъ Турецкой красопы.

Ангелика оспавалась еще полгода въ домъ спарухи; наконецъ купилъ ее Муссафа-ага за 20,000 піастровъ. Здьсь начинается новая эпоха ея жизни, споль богатой приключеніями. Ангелика вспупила въ гаремъ, соспоящій изъ одной спруги, женщины льпть двадцати пяпи, красопы посредспвенной, злой, реввивой, бездъшной, двухъ молодыхъ невольницъ, принадлежавшихъ ей и недоступныхъ для мужа и ньсколькихъ старыхъ спужанокъ, бьлыхъ и черныхъ. Появленіе новаго свьпила на эпомъ небь, гдь, какъ луна, одинокая величалась дошоль гордая Фапиме, произвело въ немъ революцію. Должно предварипельно знашь, что Муссафа былъ женатъ на дочери спараго Турка, любимца Халешъ-Эфендія, и женатъ по расчесу, хопя эпо въ Турціи не шакъ обыкновенно какъ у насъ. Онъ былъ самый несчастпный мужъ, рабъ капризовъ своей реввивой половины; жилъ съ нею бездъ-

пенъ уже восемь лѣтъ, не смѣлъ ни женишься на другой, ни взять въ свой гаремъ хорошенькую невольницу, пошому что Фатиме сдѣлала шакое условіе, вступая съ нимъ въ бракъ, и была всемогущая надъ своимъ опцемъ, кошорый въ свою очередь былъ всесиленъ у Халешъ-Эфендія, а Халешъ однимъ мановеніемъ могъ сослать спрощиваго мужа въ глушь Малой Азіи, на вѣчное започеніе. Можесть быль эши семейныя обшпояшельсшва засшавили Мусшафу сполько же обрадовашься при выспавкѣ Халешовой головы сколько обрадовались Янычары. Онъ еще шерпѣлъ нѣсколько времени супружеское иго; наконецъ спалъ ходишь по базарамъ искашь женцины, въ кошорую бы могъ влюбишься, въ швердомъ убъжденіи, что женщина купленная лучше сосшавишь его семейное щаспіе, нежели феникъ законныхъ женъ.

Жена Мусшафы замѣшила перемѣну въ обхожденіи своего мужа съ эпохи паденія Халеша и перемѣны Турецкаго Минисшперсшва; полишилка Дивана имѣла сильное вліяніе на ея домашнюю жизнь; почшипельность и припворная любовь къ ней мужа были замѣнены равнодушіемъ и суровосшію. Она нѣсколько мѣсяцевъ была въ

мучительномъ ожиданіи, когда въ одинъ вечеръ приспалъ къ ея Босфорскому дому въ *Куру-чесме** наемный кайкъ, въ кошоремъ спарая Турчанка привела къ ней въ гаремъ красивую невольницу. Фашиме все поняла; при входѣ въ покои своего господина и обожашеля, несчастная Ангелика услышала, вмѣсто привѣтствій, брань и проклятія; въ припадкѣ ревности, изспулненная Фашиме въ шопъ же вечеръ нашла предлогъ бить ея по щекамъ и рвать за волосы. Мусшафа не замедлилъ самъ прибѣжать изъ Спамбула; онъ заспалъ Ангелику въ слезахъ и въ опчаяніи; хошълъ ушъшишь свою невольницу, но явилась грозная Фашиме, разбранила его, и выгнала, изъ гарема. Такъ какъ всѣ гаремныя женщины принадлежали ей, шо мужъ не имѣлъ никакой власпи въ женской половинѣ дома, гдѣ она бушевала, и долженъ былъ со спыдомъ опспушпшь. Онъ долженъ былъ предвидѣшь бурю, но по неопышноспи не былъ пригошовленъ ея вспръшишь. На другой день онъ поправилъ свою оплошность; опсправился къ своему шесню, кошорый, пошеравъ свое мѣспо, и радуясь шому, чшо не былъ

* Въ древности называлось Виеіемъ. Одно изъ Босфорскихъ предмѣстій.

сосланъ въ ссылку по паденіи Халепа, жилъ въ неизвѣстности въ Сшамбуль; Муспафа предложилъ ему взять обратно дочь, которая болѣе ему не годилась въ жены; потомъ купилъ разныхъ качествъ женщинъ на 10,000 піаспровъ, и съ эпою арміею взялъ приступомъ свой гаремъ, въ которомъ еще защищалась разжалованная его царица.

Черезъ нѣсколько дней все было преобразовано въ домъ Муспафы; не оставалось ни одной изъ прежнихъ его обитательницъ; молодая невольница сдѣлалась повелительницею нѣсколькихъ невольницъ, и сердца счастливаго Муспафы. Любовь Муспафы выражалась со вѣсьмъ жаромъ чловѣка, который послѣ восьмилѣтняго несчастнаго супружества, въ первый разъ наслаждается семейнымъ счастіемъ. Ангелка была довольна своимъ сосціаніемъ; можешь, бышь она забыла въ эту эпоху и отца и мать, и лимонныя роци Хіуса, гдѣ она играла въ дѣтствѣ, и приходскую церковь, принявшую дѣтскія ея молишвы. Чловѣкъ, который предсавился первый ей въ ту раннюю эпоху, когда полуденная женщина чувствуешь пошребность любви, былъ ея покровителемъ и благодѣше-

лемь, окружилъ ее любовью и роскошію — двумя шалисманами, шакъ живо дѣйствующими на воображеніе женщинъ всѣхъ климатовъ.

Когда она сдѣлалась машерію, еще болѣе усилилась привязанность ея къ отцу того существа, которое напоминало можешь быть ей первую привязанность дѣтства и ласки машери и ея последнее судорожное обниманіе, запечатлѣнное кровію. Но вмѣстѣ съ пробужденіемъ машеринскаго чувства, другое чувство, неразлучное съ нимъ, пробудилось въ ея сердцѣ; религія, забывшая малолѣтнюю дѣвушкою и женщиною преданною первымъ воспоргамъ спраши, воспріяла свои свящія права надъ сердцемъ машери. Въ праздникъ Богородицы, въ Августѣ, гуляя въ одномъ изъ предмѣстій, гдѣ ошущствіе Турокъ внушало болѣе веселія Христіанскому празднику, она увидѣла Греческія семьи, копорыя выходили изъ церкви; она узнала что въ этотъ день дѣти крѣобщались свящымъ дарамъ, и вспомнила радость семейнаго праздника, когда въ дѣтствѣ она принимала въ немъ участіе. Она поняла, что она не перескала быть Христіанскою; набожныя повѣрія дѣтства, закоренѣлая привязанность ея племени къ Греческой Церкви,

привязанность, которую сосала она у груди своей матери, и наследственный ужас ко всему Магометанскому боролись въ ея душѣ съ привязанностью плѣнной сиротки къ цѣпямъ, золоченымъ, и обвѣшнымъ любовными миртами. Съ этой минутой смушилось ея семейное счастье, хотя любовь Мусшавы съ каждымъ годомъ возраспала, и хотя онъ сдѣлалъ невольницу своею женою. Одна молитва оставалась въ ея памяти, неизгладимая ни несчастіемъ ни продолжительнымъ невѣріемъ; это та просная молитва, которую молился Спаситель, и которую завѣщалъ онъ міру, какъ чистое жертвоприношеніе сердцемъ Небесному Отцу.

Прошло нѣсколько лѣтъ; у одной изъ своихъ пріятельницъ Ангелика увидѣла старую Гречанку, которая продавала узорчатые плашки въ гаремы. Она призвала ее къ себѣ, и оставшись съ нею наединѣ, заговорила въ первый разъ на языкъ дѣтства. Старуха обрадовалась; подъ видомъ торговли она входила въ гаремы искать двухъ своихъ дочерей, увезенныхъ въ плѣнъ изъ Хіуса, а уже два года всѣ поиски ея были безплодны. Ангелика соболѣзновала ей, и обѣщала содѣйствовать, прося ее только, чтобы она

тайно доставила ей образ Богородицы и молишвенникъ. Какія чувства волновались въ ея возрожденной душѣ, когда, уже супруга и мать, она молилась какъ дитя у святаго образа, и благословляла имъ свое рожденіе! Посѣщенія покровки сдѣлались чаще, и каждое посѣщеніе открывало въ ея сердцѣ новую струну, кою которой соприкосненіе было утѣшительно и болезненно. Она ужасалась мысли, что ея сынъ будетъ воспитанъ въ Магомешанскомъ законѣ, что она съ нимъ разлучится, и когда увянетъ ея красота, когда наспигнетъ ее судьба Фашиме, она не найдетъ убѣжища въ родишельскомъ домѣ.

Между тѣмъ приближалась эпоха, когда древній обычай, установленный Моисеемъ, долженъ былъ посвященію маленькаго Мехмета въ брашство правовѣрныхъ. Ангелика гнушалась этимъ, и послѣ тяжкой борьбы между долгомъ супруги и долгомъ Христіанки и матери, рѣшилась бѣжать съ своимъ сыномъ, когда дитя не имѣло еще другой религіи кромѣ материнской любви.

Но это было трудно; она давно пользовалась всею свободою, кою можно было пользоваться Турчанка, и зная что мужъ имѣлъ къ ней неограниченную довѣренность, она съ

двумя невольницами спала чаще посѣщать Перу и Галашу, чшобы узнать запушанныя улицы эшаго кварпала Франковъ; но она знала, чшо Турчанка ни подѣ какимъ видомъ не могла войши въ домъ Франка, не возбудишь сильныхъ подозрѣній, и никакъ не могла опшдалишь опъ себя своихъ невольницъ. Смѣлосшь машеринскаго сердца и изобрѣшашельносшь женскаго ума ее спасли. Она слышала о какой-шо Жидовкѣ, копорая принимала у себя въ Перѣ Турчанокъ, продавала имъ румяны и уборы, а болѣе всего занималась любовными ихъ инпригами, и доспавляла имъ свиданія. Ангелика рѣшилась на всѣ униженія; она съ большими предоспорожноспями развѣдала объ эшой Жидовкѣ, зазвала ее къ себѣ, купила разныя вещи, и подарками приобрѣвъ ея довѣренносшь, объявила ей, чшо она безъ ума влюблена въ одного Греческаго капитана, копорато корабль споялъ на рейдѣ, гошовый опплышь въ Грецію. Жидовка взялась доспавишь ей свиданіе въ своемъ домѣ съ счастливымъ моржомъ, но оставалось еще узнать предметъ ея спраспи, пошому чшо Греческихъ капитановъ върояшно было много въ гавани. Ангелика давала ей всѣ признаки корабля, какъ

будно бы была влюблена въ корабль; «легкій, хорошій корабль, спойпъ со вѣсьмъ гошовый оппльшь, ожидаешъ полько вѣпра.» Объ особъ капишана говорила полько, что у него добрая фizioномія и благородное лице, а чтобы облегчить вѣь запрудненія Жидовки, дала ей 200 пiасшровъ, и показала крупный алмазь на своемъ пальцѣ, говоря, что если она будешъ довольна свиданіемъ, алмазь перейдетъ изъ нѣжной ея ручки въ кошнянистую руку спарухи. Жидовка гошова была за 200 пiасшровъ обѣгащъ весь Сшамбуль, а за алмазь опсправилъсь хощъ въ самую Грецію, и вывеспи оппшуда любого моряка. И пакъ условились, что Жидовка зазовешъ къ себѣ подѣ какимъ нибудь предлогомъ капишана, кошораго наружноспъ и корабль согласятъсь съ описаніемъ Ангелики, что въ назначенный часъ Ангелика придетъ къ ней за покупками, и изъ-за рѣшешки увидишъ, не ошиблась ли Жидовка въ выборѣ.

Спаруха немедля опсправилась къ приспани *Мумхане*, куда обыкновенно съѣзжаютъ шкипера кораблей споящихъ на рейдѣ; шлюбка съ Греческаго корабля, кошорую она узнала по широкимъ шароварамъ гребцевъ, ожидала у приста-

ни; она спросила у гребцевъ: съ пого ли корабля они, который гошовъ опшлышь въ Грецію; узнать, что дѣйствительно ихъ корабль спопыть на рейдѣ, гошовый вспупишь подѣ паруса, она спросила, какъ зовушь капитана. — Капитанъ-Леоншій, опвѣчали они. — Его-шо мнѣ и надо, сказала Жидовка; мужъ мой, у кошораго покупаль онъ прежде соленой рыбы, пригошовилъ ему въ подарокъ боченокъ опшлчнвой рыбы, а шакъ какъ онъ шяжело боленъ; шо велѣль мнѣ опшскашь капитана, и ему опндашь. Капитанъ былъ въ кофейномъ домѣ; машрозъ извѣсшилъ его, что его ищепъ женщина съ подаркомъ. Когда капитанъ вышелъ, спаруха попросила его за нею слѣдовашь, чтобы получишь подарокъ, и поговоришь съ ея мужемъ о важномъ шорговомъ дѣлѣ. Еще онъ сомнѣвался, его ли дѣйствительно ищупъ, но Жидовка, посмошрѣвъ на добрую его физиономию и на красивую наружность, сказала что именно его. Капитанъ Леоншій слѣдовалъ за нею въ нѣкошоромъ распояншн, пошому что ни въ какомъ случаѣ онъ не долженъ былъ ходишь вмѣстѣ съ женщиною по улицѣ. Жидовка запушанными переулками повела его въ Перу, къ своему домику, и когда онъ

вошелъ, и оспорожно заперлась калитка, она ему объявила безъ обиняковъ цѣль своего приглашенія. Чипашель подумаетъ, что морякъ былъ въ восторгъ при извѣстїи объ ожидающемъ его щасїи, и просилъ Жидовку ускоришь свиданіе. Но въ Констанщинополь разсказывающія случаи, которые могутъ ошибивъ охоту оиъ подобныхъ романтическихъ приключеній утамаго спраснаго любителя. Не говоря уже объ опасности попасть въ руки гаремнаго правосудїа, и заплашишь жизнью крапкій мигъ наслажденїа — опасности, которая увеличиваетъ, можетъ быть, цѣну любовныхъ восторговъ; будучи раздѣлена съ шайншвенною заповорницею гарема — сами даже Турчанки иногда, для собственной безопасности, приносятъ въ жертву людей названныхъ ими; попому что въ Турціи окровавленный кинжалъ оканчиваетъ всякую любовную драму. Часто пропадаетъ безъ вѣсти видный собою *каикчи*, или лавочникъ какого нибудь кваршала, и чрезъ нѣсколько времени обезображенный пруръ попадается въ сѣти рыбака, или человѣческіе члены опыскиваются въ спочной прубъ. Соблазнительная льпопись Спам: була шепчетъ попомъ, что онъ оиъ пристани

или изъ лавки былъ заванъ въ шакой-шо гаремъ, и уже не возвращался. Такъ какъ никакая полиція не имѣетъ входа въ гаремы, они бывають иногда шеапрами самыхъ ужасныхъ злодѣяній. Щасливъ шопъ, кому неоспорожность Турчанки или ея соснраданіе позволили перескочишь чрезъ заборъ, или спасшисъ по крышамъ сосѣдникъ домовъ, и изъ ея объятій не былъ выброшенъ шуда, куда бросился покойный Иліогабала.

Капитанъ-Леоншій наслышался эшихъ разсказовъ, и пошому вовсе не имѣлъ желанія сдѣлаться героемъ гаремнаго романа. Жидовка поняла его опасенія, и предупредила его, что ему назначалось свиданіе въ ея домъ, что онъ могъ даже прійти съ поварищемъ, и имѣть при себѣ оружіе; попомъ съ шакимъ жаромъ спала описывашъ черные глаза Зелихи, что морякъ, очерняя голову, рѣшился пушнись въ эшо приключеніе, и далъ слово бытъ въ ея домъ на другой день въ назначенный часъ.

Ангелика съ двумя невольницами пришла къ Жидовкѣ за покупками; невольницы оспались съ покупками въ передней, а Зелиха пошла во внутренніе покои выпить спаканъ шербепа. Жидовка повела ее къ шемной рѣшешкѣ, и показавъ

человѣка, копорый въ раздуміи сидѣлъ въ другой комнашѣ, спросила: онъ ли это, и успокоила ее увѣреніемъ, что если она ошиблась, его можно будешь выпроводить, и она бралась опшскашь во что бы то ни спало щаспливаго капишана. Ангелика внимашельно всмапривалась въ него, и хощѣла проишашъ приговоръ своей судьбы на его чершахъ. Она рѣшилась; выпроводила Еврейку, давъ ей дорогое кольцо, и удосповѣрившись, что никшо не подслушивалъ, опворила пошпенную дверь, и смѣло вошла къ капишану.

Каково было удивленіе человѣка, копорый нѣсколько минушь уже съ нешерпѣніемъ ожидалъ влюбленной пошъшительницы, копорого воображеніе, разыгравшись опъ шайнспвенности эшихъ пригошвеній, опъ шошша женщинъ въ ближней комнашѣ, создавало попеременно идеалы совершенствъ своего невидимаго божеспва — когда молодая и прекрасная женщина, обливаясь слезами, бросилась къ его ногамъ, заклиная его именемъ Спасишеля спаси ее и ее сына.

Она объяснила капишану свое положеніе, рѣшимость, копорая зашавила ее прибѣгнушь къ презрѣншой Еврейкѣ, прикрывъ личиною развраша свое благородное поведеніе, и искашь из-

бавишеля въ распушномъ домъ. Капитанъ былъ пронушъ слезами своей соопечесшвенницы; безкорыстная преданность замънила въ его сердць обманушыя любовные воспорги, и онъ клялся ее спасти, и уважинъ ея нещасшя. Смълый планъ былъ уже соспавленъ въ умъ Ангелики, и капитанъ ръшился привесть его въ исполненіе.

Ангелика, выходя опть Жидовки, должна была еще вышерить ея опшрашительныя привъспшя, и даже недовърчивые взгляды своихъ невольницъ, копорыя начинали подозрывать, что посъщенія ея въ эшомъ домъ имъли какую нибудь скрышную цълъ. А капитанъ Леоншій долженъ былъ съ принужденною улыбкою слышанъ упреки Жидовки за долгую неръшимость, и вопросы о шомъ, какъ ему понравилась чернобровая любовница; когда спаруха прошянула ему свою изсохшую руку, прося награжденія за свои продажныя услуги, капитанъ далъ ей нъсколько цехиновъ, и она оспалась въ увърренности, что онъ былъ вполне щаспливъ. Съ шъмъ довольспвомъ, копорое, какъ капля небесной, благодашней росы, ложикся на сердць послъ безкорыспнаго и великодушнаго посшупка, капитанъ

оставилъ эпошъ домъ, не испытывавъ даже шого чувства опвращенія, кошорое все въ немъ внушало; онъ былъ занятъ одною мыслію — спасти Христіанку опъ невѣрныхъ.

Въ шопъ же день онъ узналъ домъ Мусшафа-Аги, на Босфорской набережной въ Куру-чешмѣ. Послѣ полуночи онъ опыскалъ въ шемношъ снурокъ, висѣвшій опъ окна впораго эшажа, и привязалъ къ снурку свой першень; першень былъ поднятъ для узнанія, и чрезъ минушу безъ шума опворилась спавня, и на надежной веревкѣ спушилась шяжелая ноша. Въ эшой ношѣ были все надежды Ангелики, эпо былъ ея чешырехлѣвншій сынъ, усышленный опіумомъ; въ лешаргін, между жизнио и смершію, дишя Турка переходило на всегда въ руки Христіанъ. Машъ просила капишана, если она не постѣешъ вслѣдъ за сыномъ спасшисъ, если усышишельное, кошорымъ она успѣла напоишъ въ шербетъ или въ вечерней чашкѣ кофе всѣхъ своихъ домашнихъ, измѣнишъ ей — бѣжашъ съ дишяшью, и оставишъ машъ на произволъ судьбы. Но судьба ей благопріятспивовала; она вшацила принесенную капишаномъ веревочную лѣспницу, задѣла веревку за раму окна, бросила другой конецъ

къ морякамъ, копорые такимъ образомъ снизу выпянули лѣспницу, и спустилась къ нимъ. Пономъ, отдавъ конецъ веревки, они взяли обратно лѣспницу; въ нѣсколькихъ шагахъ ожидала ихъ вѣрная шлюбка, и когда разсвѣло никакого признака ночныхъ происшествій не увидѣли со- сѣди, кромѣ полуопворенной шавни.

Не знаю, что сдѣлалъ Мусшафа-Ага, вставши на другой день, съ головою тяжелой отъ усъшивельнаго шербеша, безъ жены и безъ сына. Можесть бышь сначала думать онъ, что злые духи ночи подшушили надъ нимъ, и изъ окошка умчали его семейство на воздухъ; попомъ родились въ его умъ болѣе прозаическія подозрѣнія, и онъ нѣсколько мѣсяцевъ по всему Спамбулу, по всѣмъ окрестностямъ, искалъ жены и сына. Капшанъ Леоншій распорядился очень оспорожно; кромѣ того, что весла его шлюбки у ключицъ были окушаны соломой, чтобы малѣйшій шумъ не измѣнилъ ему, и что никто не видалъ и слыши его вѣрныхъ моряковъ въ ночномъ ихъ предпріятіи, но даже, окончивши поспѣшно наканунѣ дѣла свои въ Константинополѣ, и задержанный безвѣпріемъ еще однѣ сѣпки на рейдѣ, онъ не позволилъ ни одному изъ

своихъ моряковъ съѣхашъ на берегъ, и не принялъ никого на своемъ корабль.

Черезъ нѣсколько дней онъ высадилъ Ангелику съ ея сыномъ въ карантинъ острова Сиры, и продолжалъ свое плаваніе по коммерческимъ дѣламъ. Но изъ Сиры молва разгласила о спасенной плѣнницѣ. Турку были сообщены всѣ примѣшны корабля, въ кошоромъ бѣжала его жена, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда капишанъ Леоншій, думая что все забыто, зашелъ въ Турецкій поршь въ Хіосъ, онъ былъ схваченъ съ своимъ экипажемъ, и посаженъ въ крѣпость, а самъ Мустафа-ага поѣхалъ въ Грецію, чтобы прашковашъ съ родственниками арешованныхъ моряковъ о возвращеніи ему жены и сына, а въ прошивномъ случаѣ, какъ мы уже сказали, онъ давалъ имъ слово повѣсиль похищителей его семейства.

Положеніе молодой и прелестной женщины, кошорая бѣжала ошъ своего мужа не по спрасши, но по чувству религіи и маперинской любви, внушало самое живое участіе въ ея судьбѣ. Но судьба очерпила кровавымъ кругомъ всю ея жизнь: еще въ дѣтствѣ бывъ причиною мученической смерти отца и мапери, и шеперь, она должна

была искупить свое спасеніе и спасеніе своего сына отъ исламизма смертію своихъ избавитель. Она призналась, что послѣ столькихъ лѣтъ семейной жизни, и можно сказать счастливой, если положеніе женщины въ Турціи можешь быть счастливымъ, она не могла безъ горести покинуть своего мужа. Преслѣдованія Муспафы, участь несчастныхъ, подверженныхъ его мести, и угрызенія совѣсти не поколебали ея швердости, но обратили въ глубокую ненависть всю прежнюю ея привязанность къ мужу. Она сперла съ своего лица, какъ румяны, его лобзанія, и съ всемогущесствомъ мапери перелила и въ сердце малолѣшняго сына всю свою ненависть къ его отцу. Первымъ ея попеченіемъ, какъ только спустила она на Христіанскую землю, было крепить сына, и тогда, успокоенная увѣренностію, что никто не употребитъ насилія, чтобы вырвать его изъ объятий церкви и мапери, она предложила мнѣ его уговорить, чтобы онъ возвратился къ отцу; но дитя, едва услышавъ о цѣли моего посѣщенія, прижалось къ мапери, смотрѣло на всѣхъ съ боязнію, и мнѣ стоило большихъ усилій призвать его къ моимъ ласкамъ. Оно едва могло говорить нѣсколько словъ по-

Гречески, и первыя фразы, зашверженныя имъ, были прокляшя на всехъ Турекъ и на своего опца, кошорый хошълъ его сдълать Туркомъ.

Когда увѣдомили Мусшафа-Агу, что никакой надежды не было возвращишь ему сына, онъ хошълъ исполнишь свой приговоръ надъ несчастныи моряками, но впослѣдспіи большой выкупъ, предложенный родспвенниками, ихъ выручилъ.

Эпоптъ эпизодъ воспоминаній вевольничьяго рынка опвлекъ меня опъ моего предмета; можно написашъ цѣлые томы подобныхъ приключеній, собирая, безъ всякихъ прикрасъ романшическаго вымысла, одни свѣжіе рассказы объ шой эпохъ, когда сполько тысячъ семей обрапились въ плѣнъ, когда судьба Мореи, Кандіи, Хиоса предспавила ужасныя карпины семейной горести и насилія, безчеловѣчія и самоопверженія, уничтоженія женщины и женскаго геройства, и все эшо обливное волнами крови и освѣщенное пожарами.

Съ сердцемъ спѣсеннымъ опъ грусти я

оставилъ рынокъ; я не любопытствовалъ видѣть другой дворъ находящійся у Семи башенъ, въ кошоромъ продають взрослыхъ невольниковъ и евнуховъ. Чшо же касается до красавиць, посылаемыхъ изъ Кавказскихъ спранъ, онѣ недоступны взору гяуровъ, продаюся въ часпныхъ домахъ, въ кошорые имѣють входъ одни Османлы. Торговая ихъ биржа—это кофейный домъ въ Топханѣ, въ кошоромъ просиживають цѣлый день купцы, курия прубку и разговаривая объ удачахъ и неудачахъ своихъ предпріятій. Никого въ цѣломъ Сшамбулѣ не огорчаешъ до шакой спепени чума, кошорая можешъ въ нѣсколько дней похишишь всѣ ихъ сокровища.

Мнѣ нѣсколько разъ случилось видѣть молодыхъ невольницъ, когда ихъ водили въ баню, или къ кому нибудь на показъ; покрывала ихъ ошкрышы болѣе обыкновеннаго, вѣроятно пошому чшо нѣшъ надъ ними бдишельнаго надзора ревнивца-мужа, или пошому, чшо купецъ тайно желаешъ, чшобы молва превозносила его продажныхъ красавиць. Верхнее покрывало позволяешъ любопытному взору видѣть брови, часшь лба и даже цвѣшь волосъ, а другое опускаешъ иногда ниже носа, шакъ чшо лице женщины рисуешъ

ся кабалистическимъ шреугольникомъ среди таинственныхъ завѣсъ.

Иногда свѣшлорусые волосы Черкешенки напоминаютъ ея сѣверное происхожденіе, и подъ солнцемъ юга кажутся отраженіемъ его лучей; но большею частію онѣ имѣютъ глаза, брови и волосы совершенно черные, и это еще болѣе выказываетъ бѣлизну ихъ лица, подобнаго главу Эльборуса, когда на ней блуждаетъ розовое облако вечера, или шуманно-блѣднаго, какъ влюбленная звѣзда. Красота этихъ женщинъ представляетъ особенный типъ; она не имѣетъ той скучной суровости древняго, классическаго идеала, и не выражаетъ усталости и помлениа, которыя придаютъ столько прелести Европейской женщинѣ: ихъ красота, красота собственно Азіяшская и болѣе женская, нежели красота Гречанокъ; ихъ черты исполнены жизни и силы, но рѣдко бываютъ строгой правильности; можетъ быть въ нихъ нашелъ бы Гюгаршъ осуществленный идеалъ своей красоты, которая не переноситъ прямыхъ линий и угловъ, и имѣетъ девизомъ и проповѣдью своимъ змѣеобразно изогнутую линію. Ихъ спанъ останется загадкою, доколь онѣ будутъ окружать его неуклю-

жимъ *фередже*; говоряшь однако, что и спанъ ихъ напоминаетъ легкій и граціозный спанъ горцевъ, и это единственнѣйшій ихъ недоспанокъ въ глазахъ Турокъ, любящихъ въ женщинахъ дѣтскія формы, приличныя сидячей, или лучше сказать, вѣчно лежащей жизни Воспощныхъ женщинъ.

Человѣколюбивыя мѣры нашего Правительсва въ скоромъ времени навсегда уничтожатъ шоргъ Кавказскими плѣнниками, и наши крейсера въ Черномъ морѣ строго соблюдаютъ, что бы ни одно судно съ плѣнниками не плыло вдоль эшихъ измѣнническихъ береговъ. Должно надѣяться, что видѣнный мною въ Константинополѣ въ 1830 году корабль, послѣдній обрадовалъ Турецкіе гаремы данію Кавказа; до того ежегодно приходилъ въ Константинополь корабль съ грузомъ молодыхъ Черкешенокъ. Этого обычай освященъ классическою стариною; первый корабль, прорвавшійся промежъ Симплегадъ въ *Гостеприимный Понтъ*, возвратился въ Грецію съ добычею Черноморской красавицы. Но въ наше прозаическое время соопечественницы Медеи увозятся не рыцарями-Язонами, не любовниками, а просто купцами. Купцы, узнавъ

предварительно биржевые цены Спамбула на женщинъ, отправляюща къ Кавказскимъ племенамъ, и вышорговывающъ у родителей пригожихъ дочерей отъ 10 до 14 лѣтъ, или мѣняющъ ихъ на порохъ, на оружіе, на платье. Не думайте, чтобы молодая невольница съ грустною покидала родителей и родину; всякую изъ нихъ заблаговременно увѣряютъ, что она попадетъ въ Сераль великаго Султана, что она будетъ Султаншею; при томъ купецъ, взявъ ихъ съ собою, бережетъ какъ зеницу ока; потому что все его расчеты основаны на ихъ здоровьи, на ихъ красотѣ, и если болѣзнь похишитъ многихъ изъ нихъ, онъ можетъ обанкротиться. Въ настоящее время хорошенькая Черкешенка цѣнится въ Константинополѣ отъ 15 до 25,000 піасровъ (отъ 3 до 5000 рублей); но если она совершенство красоты, если къ тому успѣла получить хорошее воспитаніе, цѣна возвышается до 40 и до 50,000 піасровъ, а такъ какъ шоргъ этотъ прекращается, то вѣроятно цены еще значительно возвысятся.

Черкешенки высшихъ сортовъ обыкновенно покупаются для подарковъ вельможамъ, или даже Султану; и потому тѣ, которые купили ихъ съ

такою цѣлю, старающа всѣми средствами при-
 вязавъ ихъ къ себѣ, чтобы помочь имъ въ усерд-
 ныхъ заступницѣ въ гаремахъ. После этого не
 удивительно, что ни одна изъ этихъ плѣнницъ не
 жалѣетъ о своей родинѣ, о родителяхъ ее про-
 давшихъ, и о льзахъ дѣйства, проведенныхъ
 въ нищестѣ горныхъ племенъ. Припомъ образо-
 ванная Европейская дама, Англичанка высшаго
 круга, Леди Моншею въ своихъ обворожитель-
 ныхъ письмахъ изъ Турціи, находивъ судьбу
 Турчанокъ невольницъ почти завидною; изчис-
 ливъ всѣ преимущества неволи женщинъ, она
 прибавляетъ: «Вы мнѣ замѣтите можете быть,
 что мужчины покупаютъ женщинъ съ дурными
 помысленіями; но, по моему мнѣнію, во всѣхъ
 большихъ городахъ Христіанскихъ земель, ихъ
 продаютъ и покупаютъ съ такимъ же беспыд-
 ствомъ, и почти также публично.» Прошу за-
 мѣтите впрочемъ, что это говоритъ Леди Мон-
 шегю а не я; и что это было сказано за 120 лѣтъ
 предъ симъ; можете быть съ того времени
 въ Христіанскихъ городахъ обычаи измѣнились,
 и въ наше время сравненіе можете быть не-
 вѣрнымъ.

Во все продолженіе двухъ блистательныхъ

въковъ Турецкой Имперіи, послѣ каждой войны, каждаго опустошительнаго набѣга въ Грецію, въ Венгрію, въ Польшу, многія тысячи плѣнницъ привозились для населенія гаремовъ; Кавказъ доселѣ продолжалъ посылать ежегодно въ Спамбуль цѣлые ихъ грузы; при такомъ поспешномъ привозѣ женщинъ нельзя не удивляться чувствуемому во всей Турціи недоспадку въ нихъ, и поспешному уменьшенію Турецкаго народонаселенія, между тѣмъ, какъ другія племена ему подвластныя, въ особенности Армянское и Еврейское, значительно умножаются. Безъ сомнѣнія ничему другому нельзя приписать это, какъ многоженству.

Мы видѣли уже, что многіе Турецкіе вельможи вывезены также изъ Кавказа; малолѣтныя дѣти были проданы или своими родителами, или наѣздникомъ, захватившимъ ихъ въ плѣнъ въ непрерывной войнѣ, которая свирѣпствуетъ между Кавказскими племенами. Одни изъ нихъ поступаютъ въ Сераль въ корпусъ Ичоглановъ или пажей, и тѣ, копорые способностями или красоцою обращаютъ на себя милосливое вниманіе Падишаха, могутъ со временемъ сдѣлаться Визирями и управлять Имперіею. Другіе посту-

паюшь въ корпусъ бѣлыхъ евнуховъ, и на поприщѣ гаремной службы могутъ дослужиться до важнаго сана Капы-Ага-сы, т. е. начальника дверей, или начальника спражи бѣлыхъ евнуховъ. Замѣтимъ здѣсь, что въ Турціи число евнуховъ не такъ велико, какъ въ Европѣ вообще думаютъ; евнухи составляютъ предметъ роскоши, принадлежащей только Сералю и весьма немногимъ важнымъ лицамъ. Припомъ вліяніе ихъ ограничивается въ кругу семейной жизни и гарема; власть Кизляръ-Ага-сы и Капы-Ага-сы рѣдко простирается далѣе Серала, и врядъ ли эти вельможи имѣли когда-нибудь въ Турціи такое вліяніе на государственныя дѣла, какъ въ Императорскомъ Римѣ и въ Византии, гдѣ даже одинъ изъ нихъ былъ величайшимъ полководцемъ, а другой предсѣдалъ въ Сенатѣ. За то въ Турціи званіе раба вовсе не такъ унижительно, какъ было въ древности; если рабъ не разлученъ религіею или цвѣпомъ своей кожи отъ своего господина, если онъ успѣлъ приобрести его довѣренность и благосклонность, онъ можетъ считать себя почти членомъ семейства. Рабамъ, такъ какъ и гаремнымъ невольницамъ, дается тщательное воспитаніе, и никогда неволя не заградила пути къ

достоинствомъ и къ почестямъ, при умѣ и при способностяхъ. Эгоизмъ Азіянца любитъ окружать себя своими шварями, людьми, конхъ судьба неразлучно связана съ судьбою подозрительнаго деспота. И въ древности какъ и теперь мы часто видимъ въ Азіи все бремя государственнаго правленія въ рукахъ раба. Еще недавно обширное и богатое государство освободилось опть власпи Мамелюковъ, которые, какъ извѣстно, были невольники, вывезенные изъ Кавказа.

Греція и Римъ были въ вѣчной борьбѣ съ штемъ поколѣніемъ, которое судьбою войны было обречено наслѣдственному рабству; всѣ средства нравственнаго уничтоженія чловѣка, всѣ жестокости, которыя кровавыми пятнами лежатъ на прекрасныхъ страницахъ исторіи цвѣтущаго ихъ вѣка, казались позволительными, даже необходимыми для обезпеченія правъ привилегированной половины народа. Во времена величія Рима варварство простиралось до того, что рабовъ бросали въ пруды на кормъ рыбамъ, предназначеннымъ усладить чудовищное гаспроническое безпутство Римскихъ богачей. Въ Американскихъ республикахъ еще и теперь раб-

ство сохраняешь безчеловѣчный характеръ рабства древнихъ республикъ; можешь быть оно необходимо при республиканскомъ правленіи, чтобы представлялъ бѣдственную картину человечества, погнаннаго и униженнаго, подлѣ судорожнаго стремленія чловѣка къ призраку свободы.

ГЛАВА IV.

Выгоды сумасшествия. — Восторженный Дервишъ и ругательства. —
 Излеченіе безумія повоями. — Безуміе ожиданія, безуміе логики и
 безуміе вора. — Находка для черепослововъ. — Ошибка двухъ Сул-
 таншъ. — Народная черта въ безуміи. — Полиція и тюрьмы. — Ари-
 метическое правосудіе. — Тюремная промышленность. — Съестнымъ
 припасамъ. — Ухищренія хлѣбниковъ. — Привилегированныя казни. —
 Ступка для Улемъ, и преданіе о ней. — пытки. — Живость Турец-
 каго правосудія. — Балконы-висѣлицы. — Слѣды прогулокъ.

Ни въ одной странѣ сумасшедшіе не пользуют-
 ся такимъ уваженіемъ какъ въ Турціи; из-
 вѣстно, что Магомешане смѣиваются въ сво-
 ихъ понятіяхъ религіозный воспоргъ съ сума-
 сшествіемъ, думаютъ, что высшій духъ выпѣ-
 сняетъ изъ головы обыкновенный человѣческій
 разумъ, и что чѣмъ меньше ума въ человѣкѣ
 тѣмъ чаще посѣщаетъ его вдохновеніе. Во вся-
 комъ Турецкомъ городѣ найдешь бродягъ, кошо-
 рые съ безуміемъ во взорѣ ходятъ по улицамъ,
 бормочатъ всякій вздоръ, входятъ за подаянн-
 емъ въ имарешы и въ часпные дома, могутъ
 даже оскорбить васъ, но не смѣете ихъ коснутъ-
 ся, чшобы не раздражить фанатической полпы,
 кошорая видитъ въ нихъ избранниковъ Аллаха,

исполненныхъ вдохновеній. Это родъ бывшихъ вспарину въ Россіи юродивыхъ. Въ особенності Дервиши играютъ подобныя роли; можетъ бытъ и въ самомъ дѣлѣ опъ поспояннаго болѣзненнаго напряженія ихъ физическихъ и умственныхъ способностей суевѣрными обрядами ихъ сословія, и опъ большихъ приемовъ опума, они приходѣтъ въ состояніе поспояннаго восторга, лишаящаго ихъ употребленія разсудка.

Даже безумные другихъ религій пользующіяся благосклонностію Оштоманъ, и если ихъ безуміе бываетъ характера шихаго, безъ прищадковъ буйства, они совершенно свободны, живутъ ли подъ присмотромъ родспвенниковъ, или бродящъ по улицамъ.

Я посѣщилъ сумасшедшій домъ Турокъ, состоящій при мечети Солиманіа. Среди двора, въ кругу плашановъ, бѣесть фоншанъ, и кругомъ построена галлерей изъ маленькихъ ложъ, въ которыхъ за желѣзными перилами содержатся безумные. И здѣсь, какъ въ базарѣ невольницъ, мнѣ представилась каршина звѣринца; шамъ неволя, здѣсь безуміе унизили челоуѣка до состоянія живошного; и какъ въ адмиралшейскомъ ошпрогѣ, и здѣсь, поразилъ меня звукъ цѣпей; безум-

ные привязаны цѣпю къ желѣзнымъ периламъ, потому что ихъ безуміе буйно и опасно. Все убранство ихъ пѣсной комнашы соспоишь въ цыновкѣ, на которой они лежатъ, и въ простомъ коврѣ, которымъ покрываются; весь при-смотръ — въ кружкѣ воды и въ кускѣ хлѣба, или въ блюдѣ пилава, копорые приносятъ имъ надзирашель; а что касается до пользованія — они вымечатся, когда будетъ угодно Аллаху и его Пророку посылать имъ менѣе вдохновеній.

Одинъ изъ нихъ, дервишь, въ грязныхъ лохмощьяхъ, съ обнаженною грудію, съ лицомъ, котораго блѣдность еще увеличивалась при огненномъ его взглядѣ и при черныхъ волосахъ, распрепанныхъ и выпадавшихъ изъ подъ его длиннаго кюлафа, изрыгалъ проклятія на все племя гяуровъ, когда мы предъ нимъ проходили. Мнѣ сказали, что онъ всегда былъ неугомоннымъ изувѣромъ, врагомъ Христіанъ, и что соупствовалъ Султанскимъ войскамъ въ войнѣ съ Россією, и послѣ прешерпѣннаго ими пораженія, возвратился въ Спамбуль въ этомъ состояніи; впрочемъ онъ всегда былъ набожно уважаемъ солдатами, и по возвращеніи своемъ немедленно отправился въ Галашу, чтобы выместить на пер-

вамъ вспрыпвившемся ему Франкъ нещаснiя своего похода; онъ успѣлъ поколошпшь безъ милосердiя нѣсколькихъ Сардинскихъ мапсросовъ, покуда его связали и принесли въ эпопшь домъ. Мы должны были прехладнокровно выслушашъ его ругашельспва, видя на лицахъ сопущспвовавшихъ намъ Турокъ глубокое уваженiе къ особъ Дервиша, кошораго, по силъ его вдохновенiй, они гошовы были включпшь въ число своихъ 120,000 пророковъ.

Болѣе возбудилъ мое любопытспво сумашедшiй совершенно другаго рода; при буншъ Янычаръ опецъ его былъ обезглавленъ въ его глазахъ; онъ со спраха упалъ въ обморокъ; пришедши въ чувспво онъ былъ увѣренъ, что онъ самъ шакже обезглавленъ, и что онъ долженъ быпшь въ кладбищъ; его безумiе было шихо, но его были принуждены посадпшь въ эпопшь домъ, пошому что никакъ не могли убъдишь его удалпшься изъ кладбища, гдѣ онъ непременно хошѣлъ выкопашъ себъ яму. Онъ не имѣешъ никакихъ воспорговъ, не приходишь никогда въ неисповспво, совершенно помнишь все что съ нимъ случилось, и раздвляешъ приключенiя своей жизни на двѣ эпохи — первую, когда онъ

былъ въ живыхъ, и вшорую, когда силою его задерживаюшь между живыми, хопя онъ давно умеръ.

За симъ посѣшилъ я сумасшедшій домъ Грековъ, состоящій при церкви Божьей Машери въ Эгри-Капы*. Здѣсь зрѣлище еще болѣе плачевное; несчастные также окованы цѣпями, и ихъ не ограждаешъ суевѣрное почипаніе Турокъ. Напрошивъ пого ихъ единовѣрцы думаютъ, что въ нихъ поселился злой духъ, самъ Сашана, и вмѣсто всякаго другаго пользованія, спараюшя полько изгнашь изъ нихъ Сашану чпеніемъ молишвъ и побоями. Священникъ вполне раздѣляешъ это убѣжденіе проспаго народа, и не хопѣлъ мнѣ вѣришь, когда я ему рассказывалъ, что у насъ въ Россіи употребляюшя другія средства для излеченія безумныхъ; онъ не входилъ въ богословскія понкоспи, и вмѣсто всякаго другаго доказательсшва, сказалъ мнѣ, что наспуаешъ часъ чпенія молишвъ, повелъ меня къ сумасшедшимъ, спалъ чипашъ имъ молишвы, и сказалъ мнѣ, замѣчайше, какъ будешъ въ нихъ

* Эгри-пы, косыл *ворота*, недалеко отъ Прѣсныхъ водъ; это одни изъ 36 воротъ Констаншинопольской крѣпости; у Грековъ назывались также *кароа пѣлу*.

порываешься нечистый при всякой молитвѣ, при всякомъ словѣ изъ Евангелія. Дѣйствительно между сумасшедшими поднялся плачь, крикъ, дикій хохотъ безумія, раздирающіе вопли; они мешались какъ могли, спучали цѣпами, и представили ужасное зрѣлище. Тупъ вошелъ спорожъ въ огромную палкою, и спалъ бишь безъ пощады шѣхъ, кои болѣе бѣсновались, чшобы выбишь изъ ихъ шѣла нечистаго. Я оспался въ швердомъ убѣжденіи, чшо эти несчастные или предчувствуюшгъ приходъ спорожа съ палкою, когда чшпаются молитвы, и безуміе ихъ выражаетъ свой, спрахъ воплемъ опчаянія, или увѣрились сами, чшо въ нихъ обшпаетъ нечистый духъ, и думаютъ чшо эшопъ духъ непременно заспавляетъ ихъ бѣсновашься. Для чего суевѣріе, всегда прилипчивое въ людяхъ при здоровомъ соспояннн разсудка, не могло бы сообщиться и несчастнымъ, коихъ разсудокъ затмился?

Въ другомъ отдѣленіи были шѣ, коихъ безуміе не доходило до нешповспва; имъ позволялось ходишь на свободѣ и гуляшь на церковномъ подворьи. Всъ роды безумія соединились здѣсь, и на каждомъ шагу сближались самыя прогашельныя карпины, съ самыми смѣшными.

Спарикъ почтенной наружности, съдой какъ лунь, игралъ въ куклы, разговаривалъ съ ними, одѣвалъ ихъ со всею заботливостію прехлѣпней дѣвушки; когда я къ нему приблизился, онъ спрашивалъ у меня, скороли придешь его *Зафира*; надзирашеля сказалъ мнѣ, что эша *Зафира* была его внучка, единственная опрада его старосши, и что лѣтъ шеешь тому назадъ она безъ вѣсши пропала; спарикъ послѣ долгихъ поисковъ помѣшался, сберегъ однѣ дѣтскія игрушки своей внучки, привязался къ нимъ, какъ къ утѣшительному воспоминанію о ней, и уже цѣлыя шеешь лѣтъ играетъ съ куклами и спрашиваетъ у всѣхъ о своей *Зафирѣ*. Положеніе спарика спановишя еще болѣе несчастнымъ опъ временныхъ возвращеній разсудка; онъ шогда чувствуешъ, что дияшя невозвратно пропало, что онъ оспался одинъ въ цѣломъ мѣрѣ; онъ чувствуешъ свое сумашествіе, и горько плачешъ, доколѣ зашмѣніе разсудка не принесешъ ему вновь утѣшительныхъ ожиданій; но и въ самой любви безумнаго къ призраку, что можешъ быць прогашельнѣе этой пошоянной привязанности сѣдовласаго спарика къ малолѣтнему дияшпи, эшихъ двухъ крайностей жизни, кошо-

рыя опть могилы до колыбели подаюшь одна другой руку?

Другой сумасшедшій сидѣлъ съ выраженіемъ непришворной грусти, и видя, что я принималъ въ немъ участіе, со слезами просилъ меня, что-бы я съвздылъ на гору Синай, привесши опшунда его шѣни, копорая была заложена за долги въ монастырской казнѣ; а ему безъ шѣни было скучно и грустно, ему шѣни была всего дороже; онъ совѣспился показывашься безъ своей шѣни, и припомъ боялся, что если Турки узнаюшь, что онъ безъ шѣни, сочшущъ его своимъ нечеспивымъ Пророкомъ, и заспавяптъ дѣлашь намазъ. Эшо опасеніе, говорилъ онъ, принуждало его припворяшья сумасшедшимъ, и онъ всегда пащилъ за собою разорванный плащъ, чшобы никшо не замѣшилъ, что у него нѣтъ шѣни. Онъ былъ самага пихаго нрава, и въ своемъ сумасшеспвиіи велъ себя весьма умно; его пошому шолько посадили въ эшошъ домъ, что въ самомъ дѣлѣ какой нибудь Турокъ изувѣръ, могъ бы оскорбилься шѣмъ, что нечиспый Глауръ припсывалъ себѣ свойство, принадлежащее одному Магомешу — не имѣшь шѣни.

Еще возбудилъ мое любопышство человекъ

помѣшанный на воровствѣ. Онъ служилъ сперва сидѣльцемъ въ какомъ-то магазинѣ, и былъ замѣченъ въ ушайкѣ незначительныхъ поваровъ, между тѣмъ какъ во всемъ прочемъ былъ самой строгой честности. Онъ до того увлекся природною склонностію къ воровству, что наконецъ спалъ воровашъ самъ у себя, и на этомъ помѣшался. Онъ подошелъ къ намъ съ жалобою, что ему не даюшъ ѣсть, между тѣмъ какъ всѣ прочіе давно уже опобѣдали; я узналъ отъ надзирашеля, что онъ во-время получилъ свою порцію, но имѣетъ обыкновеніе похищать ее, и съ большими предосторожностями, чтобы никто не подсморгнѣлъ, прячашъ въ какомъ нибудь углу, или въ ямѣ нарочно выкопанной, попомъ спрадаешъ онъ голода, доколѣ не удался ему опяшъ шайно унести спряпанное имъ, какъ будто чужое, и съ поспѣшностію скрышно пожрашъ. Я увѣрился въ этомъ, когда прошелъ часъ гулянія, и всѣ больные заперлись въ своихъ покояхъ; я подсморгнѣлъ въ щель презабавную сцену: эшошъ оригинальный воръ накопилъ въ своей кануркѣ разныхъ лохмощевъ, кирпичей, разбишыхъ склянокъ и всякой всячины, и съ большимъ пщаніемъ успроилъ изъ всего эшаго

родъ безестенской лавочки; но среди шоваровъ посадилъ деревянное чучело, накрылъ его своимъ халашомъ, и надѣлъ на него свой колпакъ; потомъ началъ свое представленіе: вошелъ самъ въ лавку, сталъ торговать разными вещи, требовалъ то того то другаго, отвлекалъ такимъ образомъ вниманіе чучела, и съ удивительною проворностію кралъ разные вещи и забивалъ ими свои карманы; между тѣмъ съ принужденныхъ хладнокровіемъ разговаривалъ съ чучеломъ; глаза его выражали величайшее внутреннее волненіе, голосъ дрожалъ иногда отъ боязни, и потъ градомъ капился съ его лица. Подобныя явленія каждый день повсорялся; ничто не могло его отвлечь отъ любимаго упражненія, и эта спрасъ владела имъ какъ лихорадка, держала его въ постоянномъ, мучительномъ напряженіи, и имѣла гибельное вліяніе на его здорівіе. Подобное помѣшательство представляетъ любопытную психологическую задачу, и всякій кранологъ дорого заплашилъ бы за черепъ этого челоуѣка, чтобы точнѣе опредѣлить выпуклостъ воровскихъ наклонностей, развитыхъ у него до безумія. Такъ какъ по наблюденіямъ Германскихъ ученыхъ эта выпуклостъ есть въ

июже время и выпуклость способностей завоева-
 шеля — можешь быть, нашлись бы соотношенія
 между черепомъ чловѣка помѣшеннаго на воров-
 ствѣ и черепомъ, въ коемъ обиталъ гений наше-
 го вѣка, помѣшанный на завоеваніяхъ.

Изъ всѣхъ родовъ сумасшествія, собранныхъ
 въ эпоху домъ, самое смѣшное, самое болѣ-
 вое и евинное, было сумасшествіе одного школь-
 наго учителя; жертва классицизма, онъ рехнул-
 ся надъ логикою Аристотеля и не знаю еще
 надъ какими древними риториками; бредилъ со-
 физмами, толковалъ своимъ поварницамъ прави-
 ла силлогизмовъ, и со всѣмъ учительскимъ пер-
 цѣніемъ слушалъ ихъ бреды, и хотѣлъ учить
 сумасшедшихъ логикѣ. Онъ съ улыбкою самодо-
 вольствія сообщилъ мнѣ тайнымъ образомъ, что
 онъ выдумалъ новыя формы силлогизмовъ, кои
 при случаѣ могъ бы доказать самому Султану,
 что безъ Аристотеля не слобровать новообра-
 зованнымъ войскамъ его; но въ позже время жа-
 ловался на невѣжество Турокъ, копорые лучше
 понимали силлогизмъ палочныхъ ударовъ и по-
 сылку въ капоргу, нежели посылки Аристоте-
 левой логики.

Въ такомъ многочисленномъ собраніи сума

спешшихъ могли ли не быть сумасшедшіе отъ любви? — Одинъ изъ нихъ въ особенноти занимашеленъ предлиннымъ разсказомъ о томъ, что онъ влюбленъ въ дочь Сулшана, а въ него влюбилась по ошибкѣ старая сестра Сулшана, героиня многихъ романовъ, и онъ не знаетъ куда дѣваться отъ Сулшаншъ, и какъ согласишь эти двѣ спраси.

Еще одно замѣчаніе о сумасшедшихъ домахъ Стамбула: и въ этомъ последнемъ убожищѣ чловѣка, когда безуміе спермо межевую черпту, ошдѣляющую царя созданія отъ живошнаго, сохраняешся еще характеръ племени; въ сумасшедшемъ домѣ Турокъ раздавался только свирѣный голось фанатизма; всѣ другія спраси зашпли, или выражались мрачнымъ молчаніемъ; въ Эгри-капы сумасшедшіе предспавляли самое одушевленное зрѣлище: шумѣли, говорили, спорили, и кромѣ шѣхъ, копорые были въ цѣпахъ, осцальные проводили время довольно приапно: или забавлялись, или печаль ихъ была пиха, и находила какъ будто ушѣшеніе въ своемъ безуміи.

Въ шопъ же день посѣпиль я шюрмы Стамбула, а шюремъ въ этомъ городѣ сполько же,

сколько и лицъ имѣющихъ право сажать въ
 шюрму. Сераскиръ, Верховный Визирь, Воево-
 да Галапы и Греческій Папріархъ имѣють каж-
 дый въ своемъ вѣдѣніи по одной шюрмѣ. Кро-
 мѣ того кулуки, или гауптвахты, находящіяся
 обыкновенно у воровъ Конспантинополя и въ
 каждомъ предмѣстїи, имѣя полицейскій надзоръ
 надъ своимъ кварталомъ, предоспавляютъ на-
 чальнику караула право арестовывать просполю-
 димовъ, или употребляютъ легкія полицейскія
 мѣры, каковы напримѣръ палки по пятамъ, для
 содержанія порядка. Прежде эши посшы ввѣря-
 лись янычарскимъ Чаушамъ, шеперь офицерамъ
 регулярныхъ войскъ; говорятъ, что городъ мно-
 го выигралъ при эшой перемѣнѣ; но при Яны-
 чарахъ полиція кулуковъ была самая просшая:
 между двумя лавочниками происходилъ споръ;
 одинъ изъ нихъ являлся къ Чаушу съ жалобою,
 подкрѣпленною двумя піаспрами, и сажалъ сво-
 его сосѣда въ кулукъ; шопъ могъ заплапшъ
 чепыре и посадилъ шуда обвинишеля; эшопъ
 опяшь удвоивалъ сумму, и наконецъ правымъ
 оспавался шопъ, кшо послѣдній набавлялъ. Чи-
 шапель замѣпшпъ, можешъ бышъ, что и въ
 другихъ спранахъ, и въ другихъ судахъ проис-

ведяшь подобные шорги, но въ Турціи это дѣлалось по крайней мѣрѣ безъ всякихъ прикрасъ юриспруденціи, съ какою-то напріархальною вроспоспозою. Кулукчи сидѣлъ въ кофейномъ домѣ на диванѣ, поджавъ ноги и куря свой кальянъ (кофейный домъ есть главная принадлежность всякой гаушвакшы), а подсудимые предъ нимъ гласно дѣлали свои предложенія, безъ всякаго соблзана присушествовавшихъ, и никшо не ровняли на это правосудіе, потому что оно никогда не могло ошибиться, будучи основано на ясномъ и простомъ арифметическомъ расчетѣ. Самъ даже обвиненный спуючески онпправлялся въ шюрму, издѣваясь надъ своимъ противникомъ, котораго разорялъ выигранный процессъ.

Впрочемъ и шеперь содержатъ шюрму въ Константинополѣ лучше всякой другой промышленности, всякой фабрики, всякаго шракшира. Кроме значительнаго дохода присвоеннаго вельможѣ еще права сажать въ нее людей подъ самымъ легкимъ предлогомъ, и потомъ взимають произвольный выкупъ, самый кося, или надзирають шюрмы, взыскивають пошланы за каждую шрубку шабаку, за каждую чашку кофе, комни виновный уштымають свое заключеніе, даже за

каждый кусокъ кляба и стаканъ воды, не говоря уже о свиданіяхъ съ нимъ кого нибудь изъ ближнихъ. Прибавьте къ этому безпреспаные бакшиши спорожамъ, и вы увидите, что лютое дело приводитъ ежедневно въ кругообращеніе значительныя суммы.

Безъ сомнѣнія все это не можетъ описаться къ цюрямъ, состоящей при папираршей церкви; шакъ какъ власшь и вліяніе Папирарха болѣе основаны на преданности къ нему, и на набожномъ уваженіи народа къ его сану, нежели на привилегіяхъ, дарованныхъ ему Султаномъ, что, дорожа народнымъ мнѣніемъ, церковно-политическая власть тщательнѣе избѣгаетъ всякаго рода злоупотребленій.

Что касается до статистическихъ выводовъ о цюрмахъ Константинополя, одно только замѣнилъ я, что изъ числа людей сидящихъ въ нихъ, найдете весьма мало такихъ, которые задержаны за долги; займовець рѣдко рѣшился прибѣгнуть къ правосудію, которое имѣетъ обыкновеніе выжимать и послѣднюю копейку у неисправнаго должника. Большая часть заключенныхъ провинилась продажей съѣстныхъ припасовъ выше шаксы, или фальшивою мѣрою; а

должно знать, что съѣстные припасы составляютъ главный предметъ Спамбульскаго правосудія и строгаго надзора Турецкой полиціи, предметъ, коимъ лично занимаются первые вельможи и самъ Султанъ. Это единственное средство, коимъ правительство заботится содержать спокойствіе города, при многочисленномъ его народонаселеніи, и предупреждать мятежи, могущіе произойти при дороговизнѣ припасовъ. Но по слухамъ, истинно Турецкому расчету болѣе хлопотеть о соблюденіи произвольно назначенныхъ имъ цѣнъ, нежели о снабженіи города, и думаетъ что все сдѣлано, когда есть шакса на хлѣбъ, на мясо, и когда она поддерживается палочными ударами по пятамъ продавцевъ. Вспомнимъ постоянное пониженіе курса Турецкой монеты, которая уже столько лѣтъ ежегодно теряетъ десятую долю своей цѣны, отъ непрерывной порчи мепалла при той же номинальной цѣнности, и этимъ объяснимся вѣчный беспорядокъ въ снабженіи припасами этой столицы, и насильственные мѣры, не одинъ разъ употребленныя Портою для задержанія въ Констанцинополѣ грузовъ Черноморской пшеницы, назначенныхъ въ другія гавани

Средиземнаго моря. При такихъ обстоятель-
ствахъ хлѣбникамъ осмѣется одно только сред-
ство, чтобы согласить паксу правительствъ съ
своими выгодами: они мѣшаютъ въ свой хлѣбъ
всякаго рода зерна, и когда и зерна спановяшся
слишкомъ дороги, набавляютъ чрезъ мѣру соли,
чтобы придасть болѣе вѣсу, и даже песка и зо-
лы*. На это полиція не обращаетъ никакого
вниманія, а хлопчатъ только о цѣнѣ хлѣба, и
назначила даже особеннаго рода наказаніе для
хлѣбниковъ, состоящее, какъ извѣстно, въ томъ
чтобы за ухо гвоздемъ прибить виновнаго къ
дверямъ его лавки; палки по пятамъ даются
обыкновенно за фальшивый вѣсъ.

Въ Турціи всякое сословіе, какъ и всякая ви-
на, имѣетъ свое привилегированное наказаніе, и
это проспирается отъ хлѣбника и лавочника
на всю іерархію государственныхъ чиновъ, до
самаго Верховнаго Визиря. Съ особенною спро-

* Въ послѣднюю войну, когда вывозъ пшеницы изъ Чернаго
моря былъ запрещенъ, корабль пришедшій изъ Босфора въ Одес-
су доставилъ образчикъ хлѣба, которымъ тогда питались Кон-
стантиннопольскіе жители; его изъ любопытства разложили на
составныя части, и нашли въ немъ половину разной муки, ис-
порченной и гнилой, а другую половину соли, песку и золы.

госпине соблюдалися это въ родъ смертной казни, и ничего не можешь быть обиднее для чело-
 ловѣка высшаго званія, какъ публичная смерть.
 Разбойниковъ сажаютъ на колъ, военныхъ ду-
 шманъ, гяурамъ рубятъ головы, или ихъ вѣна-
 ютъ, Пашамъ посылаются почешный суроукъ
 или чашка яду, и потомъ строго соблюдалися
 церемонія вышивки ихъ головы на серебря-
 номъ блюдѣ, на отдѣльномъ подвижѣ, не станъ
 гдѣ бросаются головы незначащихъ людей; га-
 реинныхъ аристократовъ зашивають въ мѣшокъ
 и бросаютъ въ море; провинившихся женщинъ
 высшихъ авачій ведутъ по улицамъ безъ докры-
 вала на лицѣ, что почищается величайшимъ на-
 казаніемъ, особенно если онъ собою дурны, а
 Улемъ, и. е. юрисконсультовъ и духовныхъ, поа-
 купитъ живыхъ въ спункъ. Впрочемъ этошь по-
 слѣдній родъ казни извѣстенъ въ Стамбуль
 только по преданію, а это преданіе основы-
 ваешся на томъ, что въ одномъ углу Серамьска-
 го двора спонитъ колоссальная мраморная спуп-
 ка, безъ всякаго употребленія. Мнѣнія Мусуль-
 манъ о ней несогласны; одни говорятъ, что ка-
 кой-то Муфти былъ обличенъ въ нарушеніи за-
 кона и въ важныхъ преступленіяхъ; онъ ласкалъ

себя надеждою, чю его наказаніе ограничилось ссылкой, попому чю законъ запрещаетъ думишь, попишь и рѣзанъ голову Главѣ духовнаго сословія; но видно, чю Султанъ некогдашній самъ былъ опытный юристъ, и велѣлъ распючь Мусшя въ спункъ, попому чю законъ объ этомъ молчалъ. Другое сказаніе о спункѣ болѣе запѣдливо; вонъ оно: при Султанѣ Мурадѣ, не знаю копоромъ, спарый Османлы, поперавъ жему и дѣшей, опправился на покленіе въ Мекку; предъ опправленіемъ своимъ онъ ввѣрля немногія драгоценности, въ кошорыхъ состояло все его имущество, одному кадю п. е. судѣ, кошорый слылъ въ своемъ кваршалѣ мужемъ праведнымъ и солнцемъ правосудія. Недасшныя прклученія каравана, плѣнь у Бедуяновъ, болѣзнь и бѣдность продлили на нѣсколько лѣтъ оялучку поклонника, а кадій, считаая себя законнымъ его наследникомъ, заблагодарсудилъ не дожидаясь долѣ вспунить въ своемъ права. Однажды являеися къ нему изнуренный и въ рубищахъ поклонникъ, прося возвращенія ввѣренныхъ ему драгоценностей. Кадій не счелъ приличнымъ вспомнить о своемъ обязательствѣ, ни даже узнать доврчиваго Мусульманна, ко-

шорый ввѣрилъ ему все свое соспомяніе, но не имѣлъ никакого доказательства, никакихъ свидѣтелей. Случилось, что погдашній Визирь былъ произведенъ въ это званіе изъ базарныхъ спорожей; одаренный лучшею памяшью нежели кадій, онъ не забылъ чеспнаго купца своего базара, копорый жаловалъ ему часпые бакшиши, и узналъ его подъ рублищемъ поклонника. Онъ обѣщался упошребить все свое вліяніе, весь свой государственнй умъ, чшобы обличить лицемернаго судію, и донесъ объ этомъ дѣлѣ Сулшану, копорый охотно взялся ему содѣйствовать, желая показашъ примѣръ Сулшанскаго правосудія надъ однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ членовъ ученаго сословія. Визирь позвалъ къ себѣ Кадія, и послѣ ласковаго приема, сказалъ ему, что до самаго Падишаха дошли слухи о его безкорыстїи, о его пронцапельности и мудрости, что онъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность обратиться въ пользу государства его высокія достоинства, и сдѣлать его своимъ совѣшникомъ въ дѣлахъ законовъ, дабы халифашъ былъ въ полномъ смыслѣ разсадникомъ правосудія при шакомъ феникскѣ. Кадій удоспоился лично бесѣдовать съ Сулшаномъ, и каждый разъ давалъ новыя доказа-

пелъспва своей спрогой чеспноспи, совѣщуя карашъ безъ пощады порокъ и разврапъ. Однажды въ бесѣдѣ съ нимъ, въ кіоскѣ надъ моремъ, Сулпанъ уронилъ свои чешки, кошорья упали въ воду. Сулпанъ изъявилъ досаду, и вспомнилъ, что еще не давно такимъ же образомъ пропали другія его чешки, къ кошорымъ онъ былъ весьма привязанъ, кошорыхъ каждое зерно, соопвѣшпсвуя одному изъ именъ Аллаха*, внушало ему благочеспивыя мысли; онъ спалъ подробно ихъ описывашъ, говоря что дорого далъ бы, чпобы доспашъ подобныя. Случилось что у Кадія были именно такія чешки, и онъ охотно предложилъ ихъ Сулпану; а надо знашъ, что это описаніе сдѣлалъ Сулпанъ по разсказу бѣднаго поклонника о чешкахъ, оставленныхъ съ другими вещами у Кадія. Чрезъ нѣсколько времени Сулпанъ, послѣ спрѣлянія изъ лука, жаловался на кольцо, кошорое обыкновенно надѣваешся на палецъ для натягиванія шешпвы, и кошорое никуда не годилось и причиняло ему боль; онъ хошѣлъ бы доспашъ спа-

* Чешки обыкновенно состоятъ изъ 99 зеренъ; Турки проводятъ цѣлые дни въ набожномъ упріженіи перебирать зерна и вспомнашъ при каждомъ изъ нихъ одно изъ именъ Аллаха.

ринное кольцо шакого по мастера; Кадій усердно предложилъ имъвиться у него кольцо работы поименованнаго мастера. Сулпанъ, взявъ въ рукахъ двѣ вещи, которыя явно изобличали съящюшу, и удостоверившись такимъ образомъ въ его вѣрность, спросилъ его, спустя нѣкоторое время: какому наказанію присудилъ бы онъ кадія Багдадскаго, который обманомъ присвоилъ себѣ чужое имущество, и оспаривалъ хозяина въ нищету? Въ пору въ правосудія и морали, Кадій вовсе не могъ подозрѣвать, что дѣло идетъ о немъ, и сказалъ, что шакого прешушника, въ примѣръ всемъ законоучителямъ и судіямъ, следовало живымъ располочь въ спунки. Черезъ нѣсколько дней спунка была гошова, и судія подвергся собственному приговору. Такова хроника спунки, которую впрочемъ многіе считаютъ древнимъ саркофагомъ.

Кто не любопытствовалъ видѣть тюрьму, извѣстную прежде подъ именемъ тюрьмы Боспанджи-Баши, въ которую посылаются государственные прешушники, предъ образомъ ней равно шрепещеть и Армянскій банкиръ и смѣнный Визирь? Это ариспокрашическая тюрьма Стамбула. Воспоминанія, ней гладимо сохра-

ненныя въ ней, согласны съ впечатлѣніемъ, которое она производитъ. Огромное каменное зданіе принадлежитъ въкамъ Греческой Имперіи, и по всемъ вѣроподобіямъ, служило и тогда какъ и теперь тюрьмою. Тяжелыя стѣны, корридоры, темныя своды, и среди всего этого заблудшее воспоминаніе робкаго, утонченнаго деспотизма Византіи и полудикаго деспотизма Турокъ.... Припомъ все зданіе тюрьмы со времени взятія Турками Константинополя не было ни обновлено ни даже выбѣлено; оно одѣло гнилымъ колоритомъ развалины, какъ будто рука человека боялась спереть съ него слѣды страданій столькихъ вѣковъ, смыть эти слезы, впитавшіяся въ кирпичные его поры, эти пятна крови, видимыя въ оштѣленіи пылокъ. Подъ сводами ея душно, какъ будто тюремная атмосфера составлена вся изъ вздоховъ.

Во многихъ сводахъ висѣли орудія пылокъ; клещи, коими палачъ давилъ виски мученика, доколѣ не выпучатся изъ своихъ орбитовъ поспѣлые глаза, другія для выверпыванія составовъ и выпягиванія членовъ, шиски для сжиманія ногъ, желѣзныя когши, коими раздираютъ человеческое плѣо и рвутъ въ лоскутья кожу;

въ иномъ углу спояли мепаллическія кресла, въ копорыя сажаютъ спрадальца, и поспешенно приближаютъ къ горячей атмосферѣ расплоцнаго очага. Между ужасомъ и ошвращеніемъ, наводимымъ подобными карпинами, недоспавало шолько мрачной фигуры палача, копорый въ кругу своихъ орудій показался бы мнѣ злымъ демономъ, пришедшимъ на землю, чшобы осуществишь картины созданныя пугливымъ воображеніемъ черни.

Здѣсь шеперь пусто, какъ и въ шюрьмахъ Инквизиціи; подъ эпими мрачными сводами не раздаешся шеперь вопль мученика; но если эхо сводовъ, привыкшее впорись голосу спраданія, порою пробудишь шумомъ вашихъ шаговъ, или вашимъ голосомъ, васъ обдаешъ невольная дрожь, вы подумаеште: не вздохъ ли эшо издаваемый невидимымъ спрадальцемъ. Я видѣлъ шюрьмы Венеціанской инквизиціи; ужась, наводимый ими, имѣешть чшо-шо величешвенно-суровое; въ нихъ носишь еще колоссальный призракъ подозрительнаго, республиканскаго деспотизма, или деспотизма религіи, предъ коимъ шрепешалъ весь Западъ, шогда какъ Римъ, пошерьавъ навсегда державу Всемирной Имперіи, съ исполинскими уси-

ліями покорялъ мѣръ державъ Вѣры. Въ нихъ по крайней мѣрѣ внутренній голосъ невинности, или убѣжденіе спрдасть за какое вибудь фанатическое вѣрованіе, могли облегчать судьбу несчастныхъ жершвъ; въ кровавой рамѣ спрдаданія предспавлялся воображенію ихъ карпины лучшей будущности. Но въ Констаншинопольскихъ шюрмахъ не ищше подобныхъ воспоминаній; рѣдко подвергались въ нихъ пыпкамъ другіе преступники кромѣ богачей, коихъ имѣніе было конфисковано, у кошорыхъ азіяшская алчность къ золоту вывѣдывала о послѣдней полушкѣ, похороненной въ землѣ съ азіяшскою скупостію. И, кто бы повѣрилъ, фанатизмъ золота внушаетъ сполько же швердоспи, сколько и фанатизмъ мнѣній и вѣрованій. Были люди, кошорые, изодранные подѣ желѣзными когшями палачей, испустили духъ въ ужасныхъ спрдаданіяхъ, и унесли съ собою въ гробъ шайну своихъ сокровищъ. Любовь къ золоту обращается въ фанатическую религію, и эта религія имѣла въ Стамбулѣ множество мучениковъ. Эпоха испребленія Янычаръ населила эти шюрмы бунповшиками и заговорщицами, а въ послѣднее время, послѣ пожара испребившаго Перу, мѣсколько

зажигателей-фанатиковъ здѣсь испустили духъ въ пыпкахъ.

Главная опличительная черта Констанпиннопольскихъ шюремъ та, что въ нихъ ни пресшупникъ ни невинный спрадалецъ не осшавались долго. Эшо поспоялые дворы: въ нихъ большею часшю осужденные просиживаютъ одну ночь, рѣдко нѣсколько дней сряду, и шакъ какъ Сшамбульское правосудіе всегда скачешъ на курьерскихъ — смершная казнь или ссылка, и весьма рѣдко свобода, оканчиваетъ крашкій срокъ шюремнаго заключенія. Припомъ большею часшю люди подозрительные или пресшупники, особенно въ эпохи смущенія, не заходяшъ даже въ шюрмы, а по задержаніи немедленно посылаются на мѣсто казни. Для казни здѣсь пригошвлений никакихъ не нужно; палачей сколько душъ угодно; эшо люди опышные въ своемъ дѣлѣ; они запасены гошовой свкирою, и въ первомъ перекрешкѣ улицъ, на первой площадкѣ, посшавяшъ пресшупника на колѣна, раздерушъ на немъ кафшанъ или рубашку, чшобы опшкрышъ голый зашьялокъ, полкнушъ колѣномъ въ спину, чшобы выдалась шея, и въ шоже мгновение покашшися окровавленная голова, и послѣ нѣсколь-

нихъ конвульсіонныхъ ея мешаній въ грязи, палачъ прехладнокровно уложитъ ее подъ мышку шуловища, если она взрвала въ коранъ, или между ногъ, если она принадлежала глауру; шрупъ пролежитъ законный шрехдневный срокъ, среди проходящей съ привычнымъ безспрасніемъ шолны; никшо не озабошитъ даже о помъ, чшобы смышь съ мосшовой кровъ, и шпорая среди грязи ошпаненіся широкимъ пашномъ, доколъ небесный дождь не придетъ смышь слъды казни. Самое даже въшаніе пресшупниковъ доведено до великой просшопы; здъсь висълицъ не нужно; въ первой лавкѣ палачъ купитъ на деньги осужденнаго надежную веревку, и если ему понравится балконъ * вашего дома, или если по распоряженію Сшамбульской полиціи, хочешъ дашь вамъ насшавишпельный примъръ правосудія, задънешъ пешлю за перила или за раму, и чрезъ нъсколько минутъ повъшенное шъло будетъ качашься на воздухъ подъ вашими окнами, доколъ безъ вдоха выле-

* Собшвенно балконовъ въ Констаншннопольскихъ домахъ нътъ; но ешь такъ называемые *шатнишми*, ш. е. мъсно шаша; это часть комнашы, кошорая выдается на улицу, обшавленная рамами и диванами; въ ней сидя можете любовашься переломанною перспекшивою улицы.

нишь изъ него жизнь; попомъ цѣлые при дня
всперъ будешь его качать, какъ бы продолжая
последнiе его судороги.

И мелкое правосудiе Стамбула славится
скоростiю своихъ мѣръ; если хопише видѣшь
какъ оно ходишь по улицамъ, и какiе слѣды
оставляешь, спупайше за Сераскиромъ, когда онъ
въ своихъ прогулкахъ по городу вздумаетъ про-
врять исправность вѣсовъ въ мелочныхъ лав-
кахъ; за нимъ ползають съ воплемъ и съ крас-
ными опъ палочныхъ ударовъ пятнами провинив-
шiеся лавочники.

ГЛАВА V.

ТЮРЬМА ПРЕДАННАЯ ПРОКЛЯТИЮ. — БРАТЯ МУРУЗИ И ИХЪ СУДБА. —
 ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ПОЗНАНІЯ ТУРЕЦКІХЪ МИНИСТРОВЪ. — ФАМАЦІОНЪ
 ЧЕСТОЛЮБИЯ. — РОКОВОЕ ПИСЬМО. — ОРУЖІЕ И СТОЛОВЫЕ ПОЖИ. —
 ОБВИНЕНІЕ АРХИТЕКТОРА. — РАДОСТИ ПАСХИ, И ПАСХА 1821 ГОДА. —
 ПАТРИАРХЪ ГРИГОРІЙ. — ЕГО КАЗНЬ. — ЕВРЕИ. — ИХЪ НЕИСТОВСТВА.
 — ТЬЛО ПАТРИАРХА. — ЭМИГРАНТЫ. — ОШИБКА ПОРТЫ. — ФАКТЪ.

Тюрьма Боспанжи-Баши раздѣляется на нѣ-
 сколько отдѣленій: есть отдѣленіе Визирей и
 Пашей; оно ошкрыто; въ немъ давно не сидѣли
 низложенные вельможи, попому чпо ссылка въ
 далекій городъ Малой Азіи обыкновенно савдуетъ
 за немилостію, или попому чпо темная поли-
 щика Сераля, имѣя эту шюрьму единственно
 какъ пугалище Пашей, предпочинаетъ освобож-
 даться другими вѣрнѣйшими средствами ошъ
 своихъ опасныхъ рабовъ. Есть отдѣленіе Госпо-
 дарей; оно занерто, и съ незапамяшныхъ времена
 не авворялось. Спорожъ, показывая мнѣ его
 желѣзную дверь, говорилъ, чпо какой-то Сул-
 танъ предаъ ее прокляшю, попому чпо обману-
 ли однажды его правосудіе. Я не советъ по-
 мялъ, чпо онъ подъ эшвиъ разумъ; если Сул-
 танъ вельмъ на всегда запереть дверь шюрьмы,

и наложилъ на нее клеймо своего закланія, по-
тому что въ ней поспрадала невинная жертва
— кто ручаснся, что въ цѣломъ мірѣ найдеш-
ся шюрма, въ кошорой бы не капнула слеза
осужденной невинности? — Я полагаю вѣрнѣе,
что она на всегда заперта, потому что наши
шракшаны съ Поршою перемѣнили судьбу Ду-
найскихъ княжествъ, и ихъ Господари не бу-
дутъ болѣе смѣяемы капризами Дивана, и не
опасаются съ своего престола, упроченнаго по-
кровишельствомъ Россіи, переходить въ Спам-
бульскую шюрму.

Плачевныя воспоминанія возбудили во мнѣ
два другія ощущенія этого мрачнаго зданія;
это воспоминанія той эпохи, кошорая врѣзала
сколько ужасныхъ картинъ въ мое дѣтское
воображеніе.

Спорожъ за нѣсколько часровъ повелъ меня
въ двѣ душиныя пемницы, во мракъ конхъ, за
зловѣщимъ скрипомъ заржавой двери, развер-
нулись предо мною событія 1821 года. Въ одной
изъ нихъ сидѣлъ Константинъ Мурузи, въ дру-
гой Пашіархъ Григорій.

Мурузи былъ Великимъ Драгоманомъ Поршы,
или переводчикомъ въ дипломатическихъ ея сно-

шеніяхъ съ Европейскими государспвами. Извѣстно, что невѣжество Турецкихъ миниспровъ, копорые не шолько Европейскихъ языковъ не знали, но не имѣли никакого понятія ни о взаимныхъ соотношеніяхъ ни о полишикъ Европейскихъ государспвѣ, ни даже о географическомъ ихъ положеніи*, давало весьма великій вѣсъ Драгоману Порпы, копорый собственно держалъ поршфель Иностранныхъ Дѣлъ. Еще съ XVII вѣка это важное мѣсто было поспоянно занимаемо Греками, копорые обыкновенно умѣли управляшь всею Турецкою полишикою, подѣ маскою рабскаго уничиженія, колънопреклоняясь предѣ Визиремъ и Реисъ-эфендіемъ. Они получали попомъ въ награду Княжескіе престолы, если преждевременная опала не пресѣкала ихъ честолюбиваго поприща вмѣстѣ съ жизнію.

* Чипашель вспомнишь, что когда Чесменскій флотъ показался въ Архипелагѣ, самъ Султанъ и весь Диванъ его ломали головы, что бы понять какимъ образомъ корабли Россіи, копорую они хорошо знали за Чернымъ Моремъ, могли, не пройдя Босфоромъ, войти въ Средиземное Море. Они дошоль не слышали о Балшикъ, и не знали другаго Русскаго флота, кромѣ Черноморскаго. Французскій посланникъ долженъ былъ на картѣ расшолоковать Реисъ-эфендію, Миниспру Иностранныхъ Дѣлъ, какимъ образомъ Русскій флотъ поплылъ кругомъ Европы.

Никогда Драгоманъ Поршы не пользовался такою довѣренностію Дивана, даже такою личною благосклонностію Султана, какъ Конспантинъ Мурузи. А должно знать, что родной его дядя Дмитрій за девять лѣтъ до того былъ также Драгоманомъ Поршы, при заключеніи достопамятнаго Бухарестскаго мира, и по происканью бывшаго тогда въ Конспаншинополѣ посланника отъ Наполеонова Двора Себастіани, еще до возвращенія своего въ столицу, былъ изрубленъ въ куски по повелѣнію Дивана, въ Шумлѣ, въ самомъ домѣ Верховнаго Визиря, кошорый былъ убѣжденъ въ его невинности. Въ то же время братья его Панагіоти, дипломатическій агентъ Опшоманскаго флота, былъ казненъ безъ всякой вины, а старшій братъ Александръ, бывшій Господаремъ Молдавскимъ, сосланъ въ заключеніе; четвертый братъ Георгій, молодой человекъ, подававшій самыя блистательныя надежды, еще до того палъ жертвою могучаго врага, подъ пожемъ пемнаго убійцы. Но честолюбіе имѣеть также свой фанатизмъ, и судьба кровныхъ не пугала ихъ преемника въ его замыслахъ, потому что его вниманіе было спраспно усрешлено на Княжескій престолъ, ожидавшій его. Можеть быть

привычка бытъ съ Турками, даже долговременное пребываніе въ странѣ моровой язвы и пожаровъ, неожиданныхъ опалъ и неожиданныхъ переходовъ изъ рабства и ничтожества въ первыя государственныя степени, невольно внушающъ душѣ въру въ предопредѣленіе. Разумъ зашевеливается, если спанемъ слѣдовавъ за невидимымъ перстомъ промысла въ этомъ лабиринтѣ, гдѣ блуждающъ жизнь и смерть, нищета и роскошь, радости и горе, и шуша надъ смертными, непрерывно подающъ одна другой руку, непрерывно мѣняющъ дѣнки на цѣпи, миршы на кипарисы, чашу блаженства на чашу ошравы.

Мурузи былъ извѣстенъ своею преданностію Поршѣ, своимъ всемогуществомъ въ ея совѣтахъ, и въ то же время пользовался любовью своихъ единовѣрцевъ, пошому что онъ покровительствовалъ училищамъ, больницамъ, и всѣми средствами старался улучшить состояніе народа и тяжкую его участь. Этеристы* пошерали надежду привлечь Драгомана Поршы въ свое общество, а содѣйствіе Мурузи могло бытъ

* *Этеристы* отъ *этерія*, общество, братство; такъ назывались тѣ, которые первые замыслили и приготовили освобожденіе Греціи отъ Турецкаго владычества.

для нихъ весьма важно, по вліянію его и на дѣла правительсва и на народныя умы. Останется неизвѣстнымъ: вѣрили ли они ему свои смѣлые планы, или боялись преданности его Поршъ, или даже включили его въ списокъ своихъ жертвъ; пошому что доселѣ не объяснилось спрванное обстоятельство, причинившее его казнь. — Мнѣжь вспыхнулъ въ Дунайскихъ Княжествахъ, и казни начались въ Констанцинополѣ. Диванъ былъ извѣщенъ опть одного Европейскаго посланника о существованіи обширнаго заговора, котораго вѣрши обнимали всѣ области Европейской Турціи, въ которомъ участвовало все высшее сословіе Грековъ. Со дня на день ожидали извѣстій изъ Морей и Эпира, гдѣ еще кипѣлъ бунтъ Али-Паши. Мурузи въ долгой аудіенціи у Верховнаго Визиря разсуждалъ о средствахъ къ сохраненію спокойсвія, и Визирь остался весьма доволенъ имъ, еще болѣе убѣдился въ искренней его преданности Поршъ и непоколебимой вѣрности, и возобновилъ ему увѣренія высокой къ нему благосклонности Девлеша*. Онъ выходилъ изъ дворца Визиря, когда у самага

* Т. е. благополучія; шакъ называется у Турокъ правительсво.

подъезда кто-то подошелъ, вручилъ ему письмо, и исчезъ въ шолпъ. Мурузи распечаталъ и прочиталъ: письмо было безъ подписи; но въ немъ шайное общесство вызывало его принять участие въ общемъ дѣлѣ его единовѣрцевъ; оно говорило о ненависти всего Греческаго народа къ Турецкому владычеству, о готовности всѣхъ областей возстать при первомъ призывѣ къ оружію, о заготовленныхъ средствахъ, запасахъ оружія и казны, объ общемъ желаніи Христіанской Европы видѣть освобожденіе Греціи, и пр. Мурузи нашелся въ самомъ критическомъ положеніи; угадать письмо, поданное ему при всей свитѣ Визиря, было невозможно; при томъ, опытный въ Турецкой полицикѣ, онъ подозрѣвалъ: не съши ли это, разсѣявшаго ему какимъ нибудь шайнымъ врагомъ, можетъ быть самимъ Визиремъ. Онъ понялъ, что ему оставалось одно только: возвратиться къ Визирю, и съ спокойствіемъ чловѣка, увѣреннаго въ своей невинности, представивъ ему письмо. Визирь его выслушалъ, и когда Мурузи объяснилъ ему содержаніе письма, самъ сказалъ ему, что это сдѣлано съ явнымъ намѣреніемъ лишить его довѣренности Девлеша, но что онъ не долженъ

ничего опасаться. Онъ препоручилъ ему перевести это письмо, для представленія Султану: Мурузи перевелъ письмо, но смягчилъ нѣкошорыя выраженія, слишкомъ оскорбительныя для мусульманскаго самолюбія, и пропустилъ фразу, обвинявшую всѣхъ, сколько нибудь значащихъ людей изъ его единовѣрцевъ, духовныхъ, свѣтскихъ и всякаго званія, въ участіи въ заговорѣ. Онъ боялся пробудить этою фразою кровавыя подозрѣнія Поршы, и ошдашь въ руки палачей многія тысячи несчастныхъ. Эта фраза его погубила. Роковое письмо было представлено съ переводомъ, но Визирь послалъ его и къ другому драгоману, Армянину, для перевода, чтобы потомъ провѣришь. Пропущенная фраза и смягченный переводъ другихъ сдѣлались несомнѣнными уликами великаго Драгомана въ измѣнѣ и сообщничествѣ съ заговорщиками. Визирь предсталъ Султану съ обвиненіемъ на то, кто наканунѣ пользовался всею довѣренностію Поршы. Говоряшь, что Султанъ пришелъ въ одинъ изъ шѣхъ ужасныхъ припадковъ гнѣва и злобы, кошорымъ онъ подверженъ, кошорые оставили столько кровавыхъ страницъ въ его исторіи; его деспотическая благосклон-

нось обращилась въ жажду мести. Турецкое правосудіе не любитъ слушать обвиненнаго и его оправданій; одного подозрѣнія достапочно, чшобы покапшлась голова перваго вельможи. Мурузи былъ ошведенъ въ шюрму, и на другое утро, предъ кіоскомъ Серала, исполнена его казнь; а въ кіоскъ за рѣшешкою сидѣлъ Сулпанъ, чшобы насыпшшь свою месь видомъ крови. Таже учась наспигла и брата его.

За шѣмъ послѣдовало повелѣніе ошобращъ оружіе у Грековъ. Турки забыли и военную свою гордость, и шо чшо ихъ народонаселеніе впяшперо болѣе Греческаго, и опасались мяшежа мирныхъ *раіа*, купцевъ и ремесленниковъ, въ сполицѣ ошшоманской Имперіи. Всѣ дома были осмошрѣнны, обысканы; снимали черепицы съ кровель, чшобы опысканы подъ ними ружья и сабли. Но ошбирались не одни ружья и сабли, но самыя поварскіе ножи большаго размѣра, вершела, шопоры. Турки, не упошребляющіе вилокъ и ножей, подозрштельно смошрѣли въ буфешахъ Греческихъ домъ въ на собраніе спошлыхъ *кинжаловъ*. Въ одномъ домѣ на Босфорѣ найдена заржавая, разбишая пушка, копорая служила прежде баласпомъ на купеческомъ суднѣ, и была забыта

въ саду подь осенними листьями. Хозяинъ дома, богашый банкиръ, его сынъ его брашъ, его зять были казнены, все ихъ имѣнiе конфисковано, и въ *эфта*, или ярлыкъ, кошорый обыкновенно привѣшивается къ шрупу пресупника, было сказано, что они гошовили аршиллерію для взяшiя Босфорскихъ крѣпостей. Удвоенны спражи въ арсеналь; опасались, что Греки сожгуть корабли; желѣзная цѣпь обтянула разруженный флотъ, прикрѣпленная къ пловучимъ шпорожевымъ будкамъ, и дикiя перекликанiя часовыхъ держали весь городъ въ шревогъ. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ вся споица предшавила обширное лобное мѣсто, и часто фанализмъ народа, не довольшвуясь зрѣлищами казней даваемыми опъ правительства, искалъ еще въ домахъ и на улицахъ шемныхъ жертвъ для насыпченiя своей мести.

Султанскимъ хашишерифомъ повелѣвалось всѣмъ правовѣрнымъ вооружиться, а кшо знаешъ Турецкую чернь, особенно какво было ея нешповство до испребленiя Янычаръ, шопъ шолько можешъ предшавить себѣ каршину Констаншинополя въ шу эпоху. Не было улицы, въ кошорой бы не совершалось ежедневно нѣсколь-

ко казней и нѣсколько убійствъ. Диванъ рѣшилъ, подобно якобинцамъ Французской революціи, снявъ всѣ головы, которыя были выше шолмы. Какъ бы въ насмѣшку надъ цѣлымъ народонаселеніемъ, кошорое беззащитное лежало, какъ препенная жершва, подъ сѣкирою палача и подъ яшаганомъ бродяги, придумывались самыя чудныя предлоги для казней. Какому-то архипекшору за-годъ предъ шѣмъ были препоручены разныя поспройки въ адмиралшействѣ; онъ ихъ выполнилъ со вкусомъ, съ прочностію, съ удобствомъ, и заслужилъ благосклонное вниманіе самаго Султана. Его повѣсили на эшихъ же зданіяхъ, и написали въ его *эфта*, что онъ съ шакимъ усердіемъ и шакъ хорошо все выспроилъ, въ надеждѣ, что они перейдутъ скоро во власъ гяуровъ*.

Все эшо было шолько началомъ другихъ ужасовъ, кошорые превзошли самыя робкія ожиданія. Насшупалъ Свѣшлый праздникъ: онъ съ незапамяшныхъ годовъ былъ для Грековъ эпохою

* Можешъ бышь показушя чпшашелю невѣрошными подобныя чершы; но могу его увѣришь, чшо все эшо шочно, и не основываешя на народныхъ сказаніяхъ, обыкновенно преувеличенныхъ но на фактахъ.

свободы и увеселеній, во-все несовмѣстныхъ съ ихъ рабствомъ, и съ припѣснительнымъ надзоромъ Турецкой полиціи. Ежегодно Султанъ жаловалъ Греческой Церкви фирманъ, въ силу котораго крѣпостныя ворота оставались открытыми въ ночи, когда народъ соединялся въ храмахъ. Богослуженіе было совершенно свободно въ Спращную и въ Свѣшную недѣли. Во все продолженіе праздниковъ народъ гулялъ въ городъ и въ предмѣстїяхъ, не опасаясь оскорбительной встрѣчи съ Турецкою полицією; даже вельможи спарались въ это время не проѣзжая черезъ Греческіе кварталы, чтобы не тревожить своимъ появленіемъ веселящейся толпы. И какъ жадно эта толпа предавалась наследственной своей спраспи къ увеселеніямъ! — По улицамъ столицы раздавались пѣсни; хороводы простого народа обходили ихъ съ музыкою, въ праздничныхъ платьяхъ, и предъ домами почетныхъ лицъ плясали свои народныя пляски. Даже яркіе цвѣта въ одеждѣ, такъ строго запрещенные всѣмъ классамъ *rain*, тогда позволялись, и женщины могли выходить изъ домовъ безъ плащей и покрывалъ. При этой свободѣ Хрисіанскаго населенія вы бы

вспомнили эпоху его владычества въ первой столице Христіанства, или, можетъ быть, пошъ праздникъ древняго Рима, въ которъй рабы на срочное время снимали свои оковы.

Но въ эпоху, о которой я говорю, народъ оглушенный казнями, не думалъ уже о своихъ увеселеніяхъ; и кто могъ плясать на улицахъ обливыхъ кровію, и пѣть пѣсни подъ окнами домовъ, въ конхъ раздавался еще плачь осиротѣлыхъ семействъ? Вся думала только о своей безопасности, и Порша приготовила для этого праздника Христіанамъ всего Государства зрѣлище, превратившее праздникъ въ день всенароднаго плача.

При первомъ извѣстіи о мяшежахъ Дунайскихъ княжеснвъ, Папріархъ Григорій, которъй въ претпій уже разъ занималъ Вселенскій престолъ (онъ два раза былъ сосланъ въ заточеніе), къ которому народъ питалъ глубокое благоговѣніе, по его добротѣдямъ, достойнымъ его сана, былъ призванъ къ Поршѣ, и получилъ повелѣніе оплучить опъ Церкви и предашь проклятію Александра Ипсиланши и его сообщниковъ; это было исполнено, пошому что угнетенная Вѣра дѣлалась орудіемъ полишники Ди-

вана. Его спросили также: не имевши ли отъ
 подозрѣнія на Морей, командиръ сколько разъ
 уже пыталась сбросить съ себя Опшоманское
 владычество? Пашіархъ зналъ, что одно коле-
 баніе его въ ошвытъ вызвало бы тысячу насиль-
 ственныхъ мѣръ подозрительнаго Дивана про-
 шивъ цѣлаго народа, и смѣло увѣрилъ Визиря,
 что въ Морей народъ былъ совершенно спокоенъ,
 и Морша ничего не должна была опасаться съ
 этой стороны. Черезъ несколько времени приска-
 калъ гонецъ съ извѣстіемъ о возстаніи Морей;
 извѣстіе удержано въ тайнѣ, но Пашіархъ
 опять былъ призванъ и допрошенъ: не имевши
 ли новостей изъ Пелопонеза. Пашіархъ показавъ
 полученныя имъ отъ разныхъ Епископовъ пись-
 ма, въ коихъ ничего не упоминалось о мяте-
 жѣ, потому что они были старыя извѣстныя
 поученія въ послѣднихъ гонимъ, и не до-
 водилихъ еще до Пашіарха. Онъ былъ отпу-
 щенъ весьма милостиво; это было въ четвер-
 тую Сурасибу ведди; ему выдали по обы-
 кновенно фирманъ о разрѣшеніи праздновать
 Пасху. На другой день разошелся слухъ о возста-
 ній Морейшль; Пашіархъ понялъ къ чему на-
 пились вопросы Визиря, и понялъ, что судьба

его рѣшена: Пришло же въ это время одно Греческое семейство, арестованное Норикою и ввѣренное присмопру Пашриарха, успѣло напоить двухъ монаховъ, приспавленныхъ къ нему, (потому что Пашриархъ не хотѣлъ приспавивъ къ беззащитнымъ женщинамъ Янычаръ изъ своей стражи) и шайко убѣжало изъ Константинополья. Наступило Святое Воскресеніе; глубокое уныніе царствовало въ народъ; Пашриархъ служилъ заупренио съ полнымъ синодомъ; по древнему обычаю; но едва нѣсколько сошъ Христіанъ присушествовали при этомъ торжествѣ, въ которомъ обыкновенно до 15,000 народу собирались въ Пашриаршемъ соборѣ, и покрывали дворъ, окружныя улицы, окна и крыши сосѣднихъ домовъ, чтобы принявъ изъ устъ Вселенскаго священника слово благовѣстія, при коемъ миллионы плѣннаго народа обнимались какъ братья, и зашептывали имъ эпошю общій союзъ, соединяющій изъ разсѣянныхъ и загнанныхъ племенъ и семей одинъ народъ, подъ кровомъ одной церкви. Носились слухи, что Турки рѣшились истребить все племя Грековъ, и ждали соединенія его въ церквахъ, въ заупренио; что бы вычашъ кроворожденіе, и сжечь кварта-

мы заключилъ имъ. Тѣ, кои не вѣрили разсказамъ робкихъ своихъ единовѣрцевъ, ожидали другихъ несчастій.

Въ 8 часовъ утра, въ воскресенье, Патріархъ служилъ святую литургію; вошли въ церковь Чауши, посланные съ повелѣніемъ представить его Высокой Порты; онъ былъ въ оліарѣ, и послалъ имъ сказать, чшобы они подождали; они не смѣли не повиноваться, пораженные величіемъ его, когда онъ показался у Царскихъ дверей въ полномъ облаченіи, продолжая совершеніе тайнствъ. По окончаніи Божественной литургіи, приобщившись Св. даровъ, Патріархъ со всѣмъ Синодомъ и съ другими почешными лицами зашелъ въ свою залу, и въ совершенномъ спокойствіи разговѣлся; на лицахъ всѣхъ его окружавшихъ изображалась кручина мучительнаго предчувствія о его судьбѣ; онъ увѣщевалъ ихъ забыть всѣ земныя скорби, въ радостный день перваго Христіанскаго праздника, при ликованіяхъ церкви, и пребывать швердыми, какъ были перые Христіане въ дни гоненій, и подобно имъ возложивъ упованіе на Спасителя. Помощъ онъ раздалъ, по старому обычаю, своеручно всѣмъ, по красному и по зеленому яйцу; просился съ

ними, далъ послѣднія наставленія своимъ приближеннымъ, и съ вѣрою мученика вышелъ къ ожидавшимъ его Туркамъ. Въ поже время были взяты подѣ стражу при Мишрополища, которые раздѣляли его участь.

Еще многіе утѣшали себя надеждою, что его ожидала временная опала и зашоченіе, потому что уже два вѣка не было примѣра казни эшаго духовнаго и полипическаго Главы народа; во все время владычества Турокъ только при Магометъ IV, изспулненномъ ширанѣ, который во все свое царствованіе попилъ, рѣзалъ и душилъ свой народъ, видѣли примѣръ казни Пашріарха*. Принимомъ важность сана эшаго свяшителя, который былъ единственнѣмъ посредникомъ между Поршою и своимъ народомъ, который пользовался привилегіями первыхъ вельможъ, и былъ окруженъ ихъ пышносно и величїемъ, и даже почешною стражею изъ Янычаръ, виушали самимъ Туркамъ глубокое уваженіе къ его особѣ, которое еще болѣе увеличивалось при спрогости нравовъ и добродѣтеляхъ Пашріарха Григорія, и даже

* Два пашріарха были при немъ повѣшаны, въ 1641 и 1657. г.г.

при его льпахъ и наружности, копорая могла служить шипомъ первымъ священиелей Православной Церкви.

Во второмъ часу по полудни прислали къ приспани Фенерь-Скелесси, недалеко отъ Патриаршей церкви, каккъ, въ копоромъ сидѣли съ Патриархомъ четьре Чауша и палачъ. Тогда открылась вся ужасная истина народу, колеблюму между страхомъ и надеждою. Руки Патриарха были связаны за спиною; я видѣлъ его, когда чауши помогали ему выйти изъ кайка; тоже самое выраженіе покоя и благочестія, копорое всѣ видѣли на его лицѣ, когда онъ сидѣлъ на престола Злапоуспаго, копорое сохранилось и по смерти его. Даже эти Турки, заняшыя въ шу эпоху ежедневнымъ исполненіемъ казней, фанатики еще болѣе распаленные парами крови, не могли не окружающъ его нѣкопорымъ почтеніемъ. Его повели въ ближній кофейный домъ, между шѣмъ какъ палачъ пошелъ искашъ веревки, и приготовамишъ подмости для висѣлицы. Черезъ полчаса возвратился палачъ, и повелъ смиренную жертву. Разстояніе отъ приспани до Патриаршей церкви не болѣе двухъ сотъ шаговъ; палачъ шелъ впереди, за нимъ Патриархъ,

вѣломъ Чаули. Черезъ архисраць верошь Па-
 триаршаго двора была перекинуша веревка; нѣ-
 сколько Конспаншинопольскихъ Евреевъ, иска-
 нныхъ случая выказашъ свою ненависть къ Хри-
 стианамъ, содѣйствовали мучачу: въ его приго-
 шовленіяхъ, какъ будто для того, чшобы эта
 картина могла разишеть напомнимъ пераго
 небснаго мученика небснаой Вѣры; Христиане
 спояли пощадаль, и на ихъ лицахъ вы бы уви-
 дѣли оцѣпеніе спираха, и печаль, которая же
 смѣла выразишь на вздохомъ ни слезою; изъ
 полуотворенныхъ оконъ окружныхъ домовъ, съ
 боязнію и съ любопытствіемъ, глядѣли женщи-
 ны и дѣши. Когда все было готово, палачъ сѣмъ
 снимашъ верхнее плашь съ Патриарха, и шарилъ
 въ карманахъ. Патриархъ сохранялъ свое всегдаш-
 нее спокойствіе, и предъ поносною смершю
 взглядъ его выражалъ благосшь Христианина,
 прощающаго врагамъ своимъ. Онъ однажды
 щолько: възмывуль на Патриаршія зданія, на до-
 рожа, подъ коими народъ: проходилъ всегда съ
 благоговѣніемъ, и кощеры обрашались въ ви-
 сѣлицу; лице егѣ: смушлось; но когда палачъ
 развязалъ его руки; онъ перекрѣснулся, съ кро-
 шесшю просилъ его подождашъ нѣсколько ми-

нушъ; спалъ на колѣна лицомъ къ своей церкви, и совершилъ свою послѣднюю земную молитву. Онъ боялся бросить прощальный взоръ паспыря къ осиротѣлому стаду, вослашь благословеніе мученика къ немногимъ Христіанамъ, свидѣтелямъ его смерти: эшимъ онъ могъ подати поводъ къ обвиненію ихъ въ участіи въ воображаемыхъ его пресуупленіяхъ. Черезъ минушу палачъ, проворно какъ звѣрь, соскочилъ съ подмостокъ, сбиль ихъ, и мученикъ висѣлъ на воздухѣ. Христіане, проходя мимо, вполголоса шептали молитвы, и боялись поднять взоры, а Евреи ругались надъ ними.

Эшо еще было не самое ужасное явленіе эшой кровавой драмы. Прѣшло шри дня: въ обыкновенное время, по испеченіи сего срока, ближніе казненнаго должны явиться къ палачу и купить шѣло, чшобы предати его землѣ; пошому чшо послѣ смершнаго приговора пресуупникъ со всѣмъ, чшо на немъ находишся, дѣлаешся собшвенношнію палача, кошорый потомъ шоргуешся съ родшвенниками о крешѣ найденномъ на немъ, о его першнѣ, о его шѣлѣ. Но въ эшу эпоху швиршнаго гоненія ближніе казненныхъ людей не смѣли предшавишся для покупки шѣла, пошпо-

священнымъ домамъ, копорые не имѣють ничего общаго съ Персидскою чернью. Къ палату явилась депутація оныхъ Спандубульскихъ Жидовъ, и за восемьсотъ паспрровъ купила шью Пашриарха. Нельзя себѣ вообразить ничего ужаснѣе и отвратительнѣе зрѣлища, представленнаго во весь оный день, во всѣхъ улицахъ, гдѣ жили Христіане. Грязные, зловонные, изорванные Жиды валились какъ саранча изъ своего квартала въ Фанари, къ Пашриаршей церкви; въ ихъ лицахъ изображалось все свирѣпство, природное малодушному ихъ племеню, вся злоба ничюжнаго врага; шоржеспвующаго зашнихъ бѣдспвіемъ, могущаго безнаказанно, вълишь свою независшь, напишанную долговременнымъ униженіемъ.

Они связали груиъ мученика за ноги, и съ восклицаніями дикой радости, съ ругательствами, съ проклятіями на весь родъ Христіанъ, влчили его по улицамъ и кругомъ Христіанскихъ церквей. Я никогда не видалъ шакоегѣ несповсѣва, шакоегѣ игры, самыхъ гнусныхъ сирастей, шакоегѣ шумной орги въврской радости и фанатической месши, какъ въ этой шолнѣ многихъ тысячъ Израильскихъ, копорые ру-

гались надъ всѣмъ народомъ омерзительною своею процессією. За то ихъ единовѣрцы дорого расплашились во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчались попомъ съ Греками. Въ Одессѣ, куда большею частію спасались Константинопольскіе Греки, нужна была вся бдительность полиціи, чтобы унять безпорядки и предупредить кровопролитіе; даже въ слѣдующіе годы, въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, полиція нашла въ необходимости предписатьъ Жидамъ, чтобы они во все продолженіе праздника, живѣе напоминавшаго вродскому народу ужасы Конспаншинополя, не смѣли выходитьъ изъ своихъ домовъ, ни открывать свои лавки, ни даже показываться у оконъ. Въ Греціи, во все продолженіе народной войны, съ большимъ ожесточеніемъ преслѣдовали Евреевъ нежели Турокъ.

Извѣстно, что въ вечеръ этого дня Евреи бросили обезображенный шрупъ въ море; море принесло его къ одному Славянскому бригу, сплывшему у Гадапы и гошовому опплышь въ Одессу. Одинъ мапрось узналъ его, и покрылъ его рогожкой; попомъ ночью подняли его на корабль, и похоронили въ песокъ балласпа. Всѣ жители Одессы приняли его съ благочестіемъ и воспор-

гонь; около 800 судовъ сположе въ гавани и на рейдѣ, когда бросилъ якорь Славянской бригъ, подъ шраурнымъ флагомъ; всѣ эти купеческія суда разныхъ Христіанскихъ вѣроисповѣданій во весь день продолжали пушечную пальбу*. По истеченіи карантиннаго срока, пѣло Пашіарха было похоронено въ Христіанской землѣ, съ шоржесшвомъ, достойнымъ мученика и Главы Греческой Церкви.

Между пѣмъ въ Констанцинополѣ продолжались казни. Когда распространилось въ народѣ извѣстіе о кровопролитіи въ Морѣ, о возстаніи оспрововъ, фанатизмъ черни не зналъ никакой узды. Нѣсколько тысячъ Турокъ, большею частію послѣдняя сволочь Спамбула, предводительствуемые Дервишами, вооруженные, обошли Христіанскіе кварталы, ограбили и осквернили церкви и монастыри, изрубили всѣхъ кто не успѣлъ укрыться, и проходя по улицамъ съ крестами, съ иконами, ризами, святыми сосудами и Евангеліями, похищенными въ церквахъ, срывали въ окна, срывали рамы, рвали

* Въ Средиземномъ морѣ купеческія суда всегда почти снабжены пушками, и по старой привычкѣ, и по причинѣ всегдашняго пиратства.

съ мостовой булыжникъ и бросали въ дома, и гдѣ нашли ворота ошворенныя, или гдѣ уснѣли ихъ проломать, предались въ самихъ домахъ неисповснву Азіянца, взяшаго присшупомъ вражій городъ. Вдоль морскаго берега семейства сплюли у приспаней своихъ домовъ, гошовыя бросишь въ море при приближеніи Турокъ, и даже нѣсколько женщинъ и дѣшей, испуганныя дикимъ гуломъ ихъ на улицъ и спухомъ оружіемъ у воротъ, сдѣлались жершвою волнъ.

Еще при началъ эпохи гоненій и казней скрѣлись шѣ, копорые опасались своими богашствами или своею извъспносношю обрашишь на себя вниманіе Поршы, и уснѣли предупредить посѣщеніе Чаушей. Когда опасность сдѣлалась всеобщою, когда чернь присоединила свое безошчетное неисповснво къ гнѣву Дивана, началась эмиграція семействъ. Богашыя семейства съ немногими драгоценноешами опасались какъ нибудь въ Перу; тамъ переодѣвались въ Европейскіе костюмы; иногда покупали дорогою цѣною чужіе паспорты, и сажались на первый корабль подъ Европейскимъ флагомъ, гошовый ошплышь изъ Констаншинополя, и, не спрашивая куда предсшоялъ имъ пущь, взѣряли себя морю и Прови-

дѣнно; ихъ дома, ихъ богатства оставались въ жершву корысполубивой Порты, коюрой чиновники были заняты съ утра до вечера прикладываніемъ казенныхъ печашей на опускаемыя жилища. Еще новыя опасносши ожидали у крыпостей Босфора и Дарданелль шкъ, кои спаслись опть опасносшей Спамбулатъ по повелѣнію Дивана все купеческіе корабли должны были подвергнушья спрогому обыску; Порты не хотѣла, шобы бѣжками жершвы, осужденныя насъипить ея месашъ, и падашь, или мешашься въ конвульсіяхъ продолжительною сшраха, подъ ея ножемъ. Но шкпера, копорыкъ челошкшлюбіе подспрекалось огромными суммами, взимаемыми за фракты въ такую кршпическую эпоку, находили шьсячу средствъ скрыватьъ тэмграншовъ. То дѣлали фальшивую обшивку внутри корабля, шо среди баласта копали яму, какъ широкій гробъ, и покрывали досками и землею, оставивши шолько узкое шшверсше для воздуха, шо среди бочекъ съ водою или виномъ помещали бочки пущыя, шо промежъ шюковъ своихъ шоваровъ оставляли пущышы, и все эшо набивалось людьми; какъ селедками, какъ неграми на судахъ невольничей шорговли. Въ эшомъ случаѣ

шкипера знали, что за одного эмигранта, найденного на ихъ кораблѣ, весь экипажъ былъ бы повѣшенъ на снастяхъ; но къ счастью ихъ обыскивали Турки изъ гарнизоновъ, плохіе знайоки въ архипелажурѣ и на грузкѣ судна, и не было ни одного несчастнаго случая, не смотря на то, что иные вывели разомъ до двухъ сотъ чело-вѣкъ.

Съ одной стороны Порша принимала такіа строгія мѣры противу мирнаго и промышленнаго народонаселенія ошлицы, и казню Пашри-арха раздражала всю Грецію; съ другой — ослѣпленная собственнымъ гнѣвомъ, или, можетъ быть, Божиимъ Промысломъ — выпустила изъ рукъ Греческихъ моряковъ. Была весна, и корабли Идры, Спеціи и Ипсары возвращались изъ Чернаго Моря, нагруженные пшеницею и безъ груза, и спѣшили къ своимъ морямъ, встрѣченные полученными опшуда извѣстіями. Турецкое правительство могло ихъ задержать въ Конспаншинополѣ, и мяпежи Мореи, безъ содѣйствія флота, были бы уняшы въ нѣсколько мѣсяцевъ. Оно не предчувствовало, что эти купеческіе корабли въ нѣсколько недѣль подымутъ Архипелахъ, и шесть лѣтъ будутъ побѣждать

и сжигашь сильныя флоты Стамбула и Александрии.

Я видѣлъ Султанскій флотъ, поспѣшно вооруженный и выспроенный предъ Сералемъ, при первомъ извѣстїи о возстанїи Морен. Милліоны флаговъ, конми одѣлись снасами кораблей, составляли надъ ними фаншаспическіе балдахины изъ яркихъ пшень всѣхъ цвѣтовъ, среди конхъ какъ змѣи, какъ длинныя бичи моря, но свивались по развивались въпромъ алыя Турецкіе вымпела. Продолжительный громъ пушекъ возвѣстилъ Стамбулу отправленіе грозной экспедиціи на казнь острововъ и Пелопонеза. Въ какомъ состояніи возвратилась эта армада въ концѣ кампанїи — всѣмъ извѣстно.

ГЛАВА VI.

ЧЕТЫРЕ НАРОДА. — ВЗАИМНАЯ НЕНАВИСТЬ. — ЛАГЕРНАЯ СТОЯНКА. —
 СОМЪ ВЕЛИЧІЯ. — УНАДОКЪ ФАНАРИОТОВЪ. — ПАТРИАРХЪ КОНСТАНТІЙ.
 — ЕГО СОВОРЪ И ГРЕЧЕСКІЯ ЦЕРКВИ. — ТИПОГРАФІЯ И ПОСВЩЕНІЕ
 МЪРЪ. — АРМЯНЕ, ВОСТОЧНЫЕ АНГЛИЧАНЕ. — РЕЛИГИОЗНЫЯ РАСПРИ. —
 ГОНЕНІЕ КАТОЛИКОВЪ. — ВЕРОНИКА ТЕНКИРЪ-ОГЛУ И КНЯЗЬ Г * * .
 ИХЪ ПРИКЛЮЧЕНІЯ. — ТУРЕЦКІЙ КАДИ. — ЧАРЫ. — СТОЛИЦА ИЗ-
 РАИЛА. — РАЗСКАЗЫ ОБЪ ЕВРЕЯХЪ. — КНИГА РАВЕННА. — КЛАДЕННИЦА
 ЕВРЕЯХЪ И ДОЛИНА ИОСАФАТА.

Уже нѣсколько вѣковъ чепыре народа живутъ
 въ шѣсномъ Спшамбуль, но вмѣсто того чшобы
 сблизиться между собою, болѣе и болѣе опдѣля-
 ются одинъ отъ другаго, и набожно передають
 изъ поколѣнія въ поколѣніе свою взаимную нена-
 висть. Спршное, любопытное явленіе: Турки,
 Греки, Армяне и Евреи никогда почти не живутъ
 въ одномъ кваршалѣ, не имѣють никакихъ сноше-
 ній между собою, кромѣ случайныхъ шорговыхъ
 сдѣлокъ, и управляются опдѣльно, каждая на-
 ція собшвенными законами, собшвеннымъ пра-
 восудіемъ. Внутреннее управление эшихъ чепы-
 рехъ народовъ предшавляетъ каршину чепы-
 рехъ папшріархальныхъ республикъ, между конми
 ничего общаго нѣтъ, кромѣ грозы деспотизма,

висящей надъ ними. Политическая жизнь принадлежишь однимъ Туркамъ; остальные три племени, называемыя общимъ именемъ *райа*, только въ храмахъ своихъ, кругомъ олшарей своей религiи, чувствують свою народность, и поддерживаютъ и укрѣпляютъ ее суевѣрнымъ опдалениемъ инувѣрцевъ. Эти три племени, составляющiя половину народонаселенiя столицы, и большую часть народонаселенiя всей Имперiи, совершенно чужды судьбамъ Опшоманской державы; ихъ счастье, ихъ несчастiе никогда не могутъ быти общими, и хотя на всѣхъ одинаково лежишь тяжелая рука Турецкаго владычества, на каждое изъ нихъ въ свою очередь болѣе или меньше чувствуешь тяжесть своей ноши, или пользуешься опдыхомъ. Мы видѣли въ предыдущей главѣ ужасы, коимъ были обречены Греки въ 1821 году. Черезъ четыре года ихъ судьба облегчилась, когда Порша была занята. испреблениемъ Янычаръ; потомъ наступила эпоха гоненiя Каполическихъ Армянъ; одни Евреи не были въ наше время предметомъ исключительнаго гоненiя; ихъ, кажется, спасаетъ постоянное униженiе ихъ племени и общее презрѣнiе. То, чего и Греки и Армяне и Евреи могутъ со-

гласно желашь, ешь новая продолжительная опала на Турокъ; пошому чпо съ одной спорочны правительство, заняное главнымъ своимъ пугаломъ—фанатическою, правотврною чернью, оспавляешь ихъ въ покоѣ; съ другой—самые Турки, присмирѣвъ оцъ гоненія, спановляшся гораздо обходительнѣе. Развъ изрѣдка, когда понадобится деньги, удушашь двухъ шрехъ богачей *раія*.

Бональдъ сказалъ, и всѣ за нимъ повшѣрили, чпо Турки расположены лагеремъ въ Европѣ; не знаю, до какой степени это выраженіе можешь быть справедливо въ политическомъ отношеніи, и послѣ чешырехвѣковой лагерной споянки, сколько вѣковъ продлился еще ихъ пребываніе на нашемъ материкѣ; но, смолря на ихъ домашній бытъ, на ихъ родъ жизни въ Спамбуль, можно въ самомъ дѣлѣ владѣльцевъ этой епраны счешь временными госпями. Нельзя скавашь, чпо они доселѣ не привыкли считать Европу своимъ отечешвомъ, и помняшъ свое Азіяское происхождение; вѣрнѣе кажется, чпо они не имѣюшъ другой родины кромѣ Исламизма, и къ Азіи питаюшъ благочештивное уваженіе не пошому, чпо сами вышли изъ нея, а попо-

ну, что въ ней сохраняются все великія воспоминанія Исламизма, пошому что ея воздухъ дышитъ правозвріемъ. Но и въ Азіи и въ Европѣ Турки большою частію живутъ какъ пастухи, оставившіеся въ каравансерахъ. Полицейскія ихъ постановленія, ихъ правосудіе, правительственныя учрежденія, образъ войны, — все напоминаетъ звуку ихъ кочевья ошъ Туркистана на завоеванія. Они заняли мѣсто образованнаго народа, но вернули ничего ошъ его образованія; если нѣкоторые писатели ихъ поздравляли съ тѣмъ, что они, сохранивъ суровыя добродѣтели полуднаго племени, не заразились образованіемъ Византіи, представляющимъ образъ испльвнаго народа, то вспомнимъ, что въ эпоху прунъ были зарожены семена новаго образованія, споль благотвельно развились пошомъ въ Христианскихъ Государствахъ; а Турки, переживъ вѣкъ военной своей славы, не замѣнили его, подобно великимъ народамъ, вѣкомъ вкуса и образованности. Съ другой стороны безкончныя обмщенія на религію Магомета, которая «преграждаетъ путь усвѣтанъ разума, и гонитъ просвѣщеніе»; длинныя диссертаціи ученыхъ про-

орломъ Византіи, коимъ предназначена, можетъ бытъ, блистательная будущность; шакъ шолько послабляется вихорь въ нашу атмосферу; и когда, какъ вихорь, пройдетъ эпошъ народъ, одни слѣды разрушенія будутъ напоминать о немъ; а самъ онъ, безспрашный свидѣтель великихъ событій и черемъ, между тѣмъ, какъ все вокругъ него рушится движется, дремлетъ, какъ старый деревецъ подѣ влияніемъ опиума, и ему снится, что онъ по прежнему могущъ и славенъ, и ослѣпленный вѣрою въ предопредѣленіе, онъ не подозреваетъ, что онъ самъ ложился уже развалиною, въ спранъ, кошорую покрылъ развалинами. Мы видѣли, какъ Махмудъ силился пересоздать свой народъ и свое царство; къ сожалѣнію, народъ мало его понимаетъ, ему не сочувствуетъ; поддержишь ли его рука эпошъ колоссъ?—или онъ посланъ Провидѣніемъ, чшобы прикрышь сіяніемъ одного царшвованія нынѣшнюю эпоху Турціи, шакъ, какъ Коностантинъ, Налеологъ, вписавшій лучшую спраницу Византійскихъ хроникъ, среди посшыдныхъ спраницъ бѣлъ своей Имперіи, и просіавшій, какъ послѣдній лучъ надъ развалинами царства, какъ послѣдняя улыбка жизни на устахъ умирающаго?

Если въ городѣ, гдѣ всегдашнее пребываніе Еврейцевъ могло, кажется, открытъ глаза Туркамъ, и показать имъ всѣ преимущества Европейскаго образованія, гдѣ народъ долженъ быть несравненно образованнѣе и оспроумнѣе, нежели во всѣхъ другихъ городахъ Имперіи,—ибо полмилліона людей, живущіе въ одномъ городѣ, поневолю будутъ менѣе глупы—если въ самой столицѣ Султана, при ободрительномъ его примѣрѣ, преобразованія находятъ въ массѣ право-вѣрныхъ болѣе враждебнаго сопротивленія нежели опоры—но что ожидать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ фанатизмъ право-вѣрныхъ подкрѣвленъ стариннымъ презрѣніемъ къ Европейцамъ?...

Константинопольскіе Греки, которые въ іерархіи подвластныхъ народовъ занимають первое мѣсто, какъ бывшіе владѣтели, начинаютъ опять оправляться послѣ недавнихъ своихъ бѣдствій, но врядъ ли достигнутъ прежняго благосостоянія. Еще недавно огромныя капиталы находились въ ихъ рукахъ, они имѣли просвѣщенную и дѣятельную аристокрацію, иногда они правили дѣлами Турецкаго кабинета, и имъ принадлежали два княжескіе престолола. Все это невозвратно прошло, и Фанари — эгошь квар-

наль, кошорый, казалось, продолль въ Спашбуль древнюю Визанцію, съ ея шипригами, съ ея честолюбіемъ, съ ея шонкимъ умомъ, съ всеми ея суепами—предспавляетъ шенерь одинъ грусивный воспоминаніа. Въ посландіе годы два фанаріона обратили внонь на себя вниманіе Султана, кошорый, какъ увъряюшь, не одинъ разъ сежалъ, о безчеловъчномъ гоненіи сполюкихъ семей. Одинъ изъ нихъ, Вогорди, бывшій при восольтствъ Халиль-Паши въ Ценербургъ, по возвращеніи въ Констанцинополь получилъ шипуль Владъпельнаго Князя Самоса; но онъ не должень никогда вхашъ въ свое княжествое, и оснаешся въ сполицъ Султана, какъ живое воспоминаніе прежняго величія фанаріонскихъ князей.

Я навъспилъ Констанцинопольскаго Пашиарха, кошораго прежде зналъ Епископомъ Славскимъ. Пашиархъ Констанциній былъ долго въ Россіи, и весьма хорошо знаешъ нашъ языкъ, какъ и другія Славяцкія нарвчія, и чиналъ церковныхъ нашихъ писашелей. Онъ соединешъ обширныя свѣдѣнія, ученость и шрудолубіе съ паспырскими добродѣтелями. Онъ написалъ книгу о древностяхъ Констанцинополя, и охощо

дать имъ нѣкоторыя археологическія поясненія. Но болѣе всего занимало его сословіе православной Церкви въ новомъ Греческомъ Королевствѣ; уже носились слухи о созывленіи шамъ новаго Синода; Пашіархъ желалъ шолько, чтобы согласіе и истинное Христіанское благочестіе руководствовало церковными дѣлами Королевства, а самъ давно уже не принималъ никакого дѣятельнаго участія въ нихъ, находясь въ самомъ запруднительномъ положеніи, всегда подъ подозрительною бдительностію Дивана, и всегда имѣя предъ глазами ужасную судьбу своего предшественника.

Среди разрушенія всѣхъ величій Константинопольскихъ Грековъ, одинъ Пашіархъ остается съ преимуществами своего сана, съ прежнею своею политическою властію надъ своимъ народомъ, окруженный всеобщимъ уваженіемъ. Преемникъ Злапоушна и Фопія сплещь, какъ одинокая колонна, среди обломковъ распавшагося храма.

Церковь осмываемая Турецкимъ правительствомъ для Вселенскаго престола — небольшое полукаменное, полудеревянное зданіе, которое грозитъ разрушеніемъ. Кромъ великихъ воспо-

минаний, которыя грустно вглубились подъ деревяннымъ ея навѣсомъ, надъ престоломъ Іоанна Златоустаго, сохраненнымъ въ ней, никакого вѣдѣнія въ ней не найдете; блѣдная позолота образовъ Византійской живописи — вопль все, что осталось: еще древняго богатства православныхъ храмовъ въ Константинополѣ. И Папріаршая церковь, и остальные двадцать Греческихъ церквей Константинополя находятся въ самомъ бѣдномъ состояніи. Эти церкви почти все снѣгѣ эпохи вѣзій Константинополя; Турки не позволяютъ строить новыхъ церквей, и даже, чтобы поддерживать старыя, и частными исправленіями предохранять ихъ отъ конечно разрушенія, Христіане должны покупать позволеніе огромными суммами и богатыми подарками вельможамъ. Безъ особеннаго разрѣшенія Порты нельзя передвинуть иѣскольکو черепиць на крышѣ, (считаю излишнимъ говорить, что куполь есть принадлежность мечетей) хотя бы дождь ливнемъ падалъ среди молящихся Христіанъ. Бѣднѣйшій Христіанскій храмъ Константинополя, подъ деревяною своею кровлею, обшелся дороже иной великолѣпной мечети, съ ея широкимъ куполомъ и снѣгъмъ чашными мина-

решами. Константинопольскіе Христиане въ эту эпоху, были обрадованы надеждою скорого позволенія отъ Султана обновить всѣ свои храмы; при всей бѣдности народа должно надѣяться, что его храмы значительно улучшатся, потому что никто не пожалеетъ пожертвованій для столь набожнаго предпріянія. Мы видѣли, что все существованіе этого народа сосредоточилось у алшаря, и тамъ, среди воспоминаній и надеждъ, отъищешь единственныхъ своихъ утѣшеній: Припомъ, такъ какъ первый лучъ просвѣщенія, блеснувшій челозьку, зажегся у алшаря его религіи — подъ свѣтлою церкви укрывается скудное наследіе науки, которое сохранилось отъ временъ Византіи чрезъ четыре вѣка варварства. При всякой церкви вмѣстѣ съ богадельнею есть и училище, а при Патриаршемъ соборѣ находится даже довольно обширное типографическое заведеніе; въ немъ шеперь печатающіяся учебныя книги и молитвенники, но за двадцать лѣтъ предъ симъ, когда Греческія Музы сдѣлали краткое посѣщеніе въ свою восточную столицу, когда Фацари представили образъ древнихъ Аѳинъ, при звукахъ языка Перикла и Демосфена, въ этой типографіи было предпрі-

и даже ирудъ, достойный лучшей эпохи и лучшей участи — издание энциклопедическаго словаря Греческой и Византійской Словесности, подъ заглавіемъ *κωδικὸς*. Но его размеръ это былъ огромный изъ всѣхъ существующихъ въ Европѣ словарей, и напоминалъ Арабскую литературу, съ баснословными ея словаремъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ верблюдовъ. Въ двухъ первыхъ томахъ ковчега, которые успѣли еще печататься, заключались чешыре буквы и болѣе 3000 страницъ in folio самой мелкой печати. Въ немъ безъ сомнѣнія было много Византійской схоластики, но и много эрудиціи. Все это рухнуло въ 1821 году; замѣтимъ здѣсь, что во многихъ домахъ просвѣщенныхъ Грековъ были дорогія собранія книгъ и рукописей, особенно по части Византійской Исторіи, юриспруденціи и церковной литературы; всѣ эти книги были распроданы на весь фабрикантамъ, и обратились въ каршонъ.

Еще остается намъ сказать нѣсколько словъ объ Армянахъ и о Евреяхъ Стамбула.

Армяне занимаютъ часть города прилежащую къ *Семи башнямъ* и набережную до Серая; живутъ также въ разныхъ частяхъ города и по

Босфорскимъ предместьямъ. Они не имѣютъ прошедшаго и историческихъ воспоминаній, или по крайней мѣрѣ весьма мало заняты ими; они забыли и древнее Армянское царство, которое по свѣдѣніямъ по блѣднымъ метеоромъ сволько вѣковъ несло на бурномъ горизонтѣ Азии, и берега Евфрата, и подошвы Арарата, и Эдессу и великаго Тиграна. Разсыянные подобно Евреямъ по землѣ*, они не сохранили набожнаго воспоминанія объ одной общей родинѣ, о священныхъ стѣнахъ Сіона. Для нихъ любовь къ родинѣ, честолюбіе и слава — химеры; они самые положительные изъ людей; всѣ ихъ мечты, всѣ желанія стремятся къ золоту, и всѣ прибыльныя промышленности опкрыты ихъ дѣятельностию; это воспочные Англичане, и съ нѣкошораго времени захватили въ свои руки всю внутреннюю торговлю Турціи, и кажется заперли въ своихъ сундукахъ, какъ въ гробницѣ, всѣ капиталы. Уже давно Порша ввѣрила имъ монетный дворъ,

* Последняя наша война съ Персією открыла новую перспективу благосостоянія и улучила судьбу этого мирнаго и промышленнаго племени; присоединенные къ Россіи Армяне, нашли въ ней опечество и всѣ благодѣянія мудраго Правительствза; но здѣсь говоримъ собственно объ Армянахъ Турціи.

и приманка барыша заспавляешъ ихъ забывашъ
 все опасности и ужасные примѣры казней и ссы-
 локъ. Послѣ брашьевъ Дузь-оглу, о кошорыхъ я
 уже упоминалъ*, монешный дворъ былъ ввѣренъ
 другому Армянину Тенкирь-оглу; чрезъ нѣсколь-
 ко лѣтъ казна конфисковала у него 15,000.000
 піаспровъ, и онъ со всемъ семействомъ сосланъ
 въ глушь Малой Азіи; попомъ былъ назначенъ
 Казасъ-Арпинъ..... но это будетъ цѣлый спи-
 сокъ ссылокъ и конфискацій.

Константинопольскіе Армяне раздѣлены на
 двѣ враждующія секты — Эвпихіанъ и Римскихъ
 Каполиковъ. Взаимная ненависть этихъ двухъ
 сектъ была, послѣ любви къ барышу, един-
 ственною ихъ спраснію; она вспыхнула съ но-
 вою силою въ 1828 году: Каполики призывали
 покровительство Папы, но Эвпихіане были бо-
 гаче и многочисленнѣе, и призывали на своихъ со-
 перниковъ опалу Дивана, кошорый былъ радъ
 случаю новыхъ конфискацій. Все Каполики безъ
 исключенія съ своими семействами были обре-
 чены ссылкѣ; все ихъ имѣніе было описано въ
 казну, и многія ихъ тысячи, безпріютныя, по-

* Часть I. Гл. 3.

гибли въ ссылкѣ. Въ послѣднее время многіе изъ нихъ возвращены изъ ссылки черезъ посредничество Французскаго посла, чтобы въ нищенствѣ сморгнуть на свои богатые кіоски, сдѣлавшіеся общевенностию другихъ.

Не одинъ разъ въ кашаніяхъ моихъ по Босфору видѣ эпихъ кіосокъ наводилъ мнѣ протрапелельныя воспоминанія. Среди кровавыхъ воспоминаній Конспаншинополя, эпизоды: романтической хроники эпихъ береговъ дѣлающія еще привлекапелельне.

Я зналъ семейство Армянскаго банкира Тенкирь-оглу въ дни его благополучія; оно состояло изъ шести сыновей и двѣнадцати дочерей; младшія дочери соединили къ своей Азіяпской красѣ дары Европейскаго воспитанія, потому что Армяне-Кашолики въ послѣднее время сблизились съ Европейцами. Хотя опеческая предусприпелельность заставляла ограничивать воспитаніе сыновей свѣдѣніями нужными для Конспаншинопольскаго *серафа*, но дочерей своихъ Армяне старались воспитывать подобно Франкамъ. Впрочемъ изученіе Французскаго языка и музыка не могли искоренишь въ молодыхъ Армянахъ насѣдственныя предразсудковъ религіи.

Въ слѣдующемъ разсказѣ найдемъ прогнательный примѣръ силы этихъ предрасудковъ.

Вероника, младшая дочь Тенкирь-оглу, была рядкой красоты, и съ умомъ живымъ и пріятнымъ; ей было четырнадцать лѣтъ, и ея родные шелько два недосыпанка находили въ ней: она была легка, тонка и высока, что по мнѣнію Армянъ, неприспешельно для женщины, брови ея не довольно сходились надъ носомъ, и было необходимо продолжашъ ихъ къ кончю, а главное — она была еще слишкомъ рѣзва, между шѣмъ, какъ въ свои лѣта дѣвушка должна пріучашъ къ неподвижной жизни Армянокъ, доколѣ оны сидѣнія располсѣвешъ до того, что вовсе не будешъ двигашъ съ угла своего дивана. Тенкирь-оглу жилъ въ Эмирлянъ, одномъ изъ красивѣйшихъ предмѣстій на Босфоръ: на гранишней набережной нѣсколько красивыхъ домовъ, дошомъ у берега широкая поляна, обсаженная пальмами и раздвоенная рѣкою, черезъ копорую перешагнула дуга легкаго мостика; во внутренности берега горы, одѣшны садами, распущились, члнобы обняшъ въ свои цѣпущія объшнія глубокую и свѣжую долину, въ копорую капашомъ оны нхъ ручьи, какъ лю-

двухъ Боспанджи, спорожей сулпанскихъ льсовъ. Здѣсь ожидалъ ее Князь, въ походномъ плащѣ, вооруженный, съ чепырьмя Турками преданными ему. Турецкое мужское платье было гашово для молодой Армянки; она переодѣлась, спряшала свои длинные волосы подъ Персидскою шалью, копорая окушала небрежною чалмою ея хорошенькую головку, и на лихомъ конѣ, и на крыльяхъ любви полетѣла вмѣстѣ съ своимъ любовникомъ и съ вѣрною спражею въ опдаленный кваршалъ Сшамбула. Черезъ нѣсколько дней они обвѣнчались въ деревенской церкви.

Родители Вероники бесполезно суешились, чтобы узнатьъ куда исчезла ихъ дочь, доколѣ исповѣдь спарой няни не ошкрыла имъ начала ея любовнаго романа; но спаруха сама не знала кто былъ похишитель; послали ея къ ворожеѣ; и между Армянками водяпся ворожей, копорья ааслѣдовали, можешъ бытъ, всѣ древнія шанспва своей соопечеспвенницы Медин. Ворожея, къ чеспи своей науки, а можешъ бытъ, и по примѣшамъ, какія могла ей дашь спарая няня, объявила имя похишителя. Это было громовымъ ударомъ для родителей: если бы похишитель

былъ лѣшій, оставалось покориться своей судь-
 бѣ, и служить поминки; если бы Турокъ — это
 было бы не впервые; Турки счишаютъ себя впра-
 вѣ похищать хорошенькихъ дѣвушекъ не у од-
 нихъ Армянъ, и правосудіе въ этомъ случаѣ
 нѣмо, какъ predetermined. Но видѣшь дочь
 свою оболъченную Хрисіаниномъ Греческаго
 исповѣданія, знаешь что она, усердная Каполич-
 ка, (я забылъ сказать, что домъ Тенкирь-оглу
 принадлежалъ къ Западной Римской Церкви) долж-
 на изъ обѣщаній еретика перейши прямо въ вѣч-
 ный огонь, и шерпѣшь при томъ подобное оскор-
 бленіе, которое оставалось неизгладимымъ паш-
 номъ не только на ихъ домъ, но на цѣломъ Ар-
 мяно-каполическомъ племени — это было не-
 шерпимо. Они подняли на ноги всѣхъ тяжело-
 вѣсныхъ своихъ соопечеспвенниковъ, и случись
 это при тысячи лѣтъ тому назадъ, все ихъ
 племя вооружилось бы, и пошло войною отбить
 свою красавицу, какъ Греки подъ Троию. Къ не-
 счаспію они не могли узнать, въ какомъ закол-
 дованномъ замкѣ скрывалась Вероника, попому
 что она не была вмѣстѣ съ своимъ супругомъ.
 Молодой Князь жилъ по прежнему въ домъ на-
 значенномъ для него опъ Порпы, и всѣ поиски

Армянь, все шпіоны посланные къ нему, все золото, издержанное на подкувленіе его слугъ, не могли доставить имъ положительныхъ свѣдѣній о мѣспребываніи его супруги. Извѣстно только было, что онъ дѣлалъ частыя оплочки, и иногда принималъ у себя шайныя посвященія. Припомъ ежедневно Тенкирь-оглу получалъ извѣстія, что молодая женщина, или Турокъ, весьма похожій лицомъ на его дочь, показывались то на Княжескихъ Островахъ, то въ Скушари, то въ Перъ, то въ какомъ нибудь изъ предмѣстій; часно даже разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ; старшій Армянинъ шерялъ голову, или начиналъ подозрѣвать, что дочь его сдѣлалась въ самомъ дѣлѣ колдунейо съ своимъ ерепикомъ, и думалъ уже опказаться опъ преслѣдованій. Но это дѣло было уже народнымъ дѣломъ его единоплеменниковъ, и въ него вмѣшалась религія. Духовенство Армянскихъ Каполикковъ соединяетъ всю неперпимость каполицизма съ необразованностію и сребролюбіемъ Констаншинокольскихъ Армянъ, и кромъ оскорбленнаго самолюбія за побѣгъ хорошейкой овцы изъ набожнаго спада, оно подспрекалось опасеніемъ, что если эноптъ примѣръ, первый въ льтописяхъ Армяно-каполиче-

ской Церкви, найдешь подражанельницъ, а дурные примѣры всегда находятъ — ихъ казна потеряла бы доходы многихъ богатыхъ свадебъ.

И такъ, вѣзвъ съ своимъ Епископомъ, Армане, въ день шесшвіа Сулшана въ мечеть, подали *арчохаль*, ш. е. жалобу, въ кошорой призывали Султанское правосудіе прошиву похищенія Вероники. Въ этой жалобѣ было сказано, что онъ насиліемъ увезъ ее, и колдовствомъ скрываетъ. Тенкирь-оглу управлялъ въ это время монешнымъ дворомъ, и имѣлъ связи въ Сераля*. Его просьба обратила на себя все вниманіе Сулшана, и хопя князь, призванный къ допросу, объявилъ, что онъ женатъ на Вероникѣ, и законъ ни въ какомъ случаѣ не опнмаетъ жены у мужа, Султанъ однако рѣшилъ изслѣдовать это дѣло, и если окажется, что въ самомъ дѣлѣ употреблено насиліе и колдовство, освободить Веронику отъ колдуна.

Что не было употреблено насилія въ похищеніи Армянки, мужъ ея легко могъ доказать

* Есть особый Директоръ Монешнаго Двора — *Зарабъ-хане-эмини*; но Армянскіе банкиры, по своей опытности во всемъ что относится до драгоценныхъ металловъ, отъ жиническихъ процессовъ до оборота ихъ, исключительно управляютъ его дѣлами.

свидѣтельствовомъ чепьрехъ своихъ оруженосцевъ и двухъ Боспанджи, кошорые видѣли, какъ она сама прибѣжала, шайкомъ омъ няни, и брессилась въ его объашія. Но на щель колдовства — совсѣмъ другое дѣло.

Констаншинополскій Кади, надѣвъ предва- рительно на себя нѣсколько палисмановъ, и послѣ долгихъ заговариваній спараго дerviша, призвалъ эшаго опаснаго чelовѣка, и велѣлъ ему доказать, что онъ не упошребилъ другой магіи, кромѣ магіи, преподаваемой молодымъ людямъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ религій крылашымъ мальчикомъ-колдуномъ, извѣстнымъ болѣе подъ именемъ Эрoша. Молодой чelовѣкъ ошвѣчалъ, что онъ женашъ на Вероникѣ, что она его любилъ, и что кадіи могъ лично удостовѣриться, ошвѣтами его супруги, въ шомъ что она не заколдована, а на пропивъ шого въ самомъ двѣшущемъ здравіи, и шакъ хороша, что можентъ однимъ взглядомъ околдовать даже спараго судію, и живешъ съ нимъ въ полномъ благополучіи. Армяне шого шолько и желали, чтообы Вероника была призвана къ допросу. Кадіи былъ радъ шому что дѣло рѣшишся обоюднымъ согласіемъ, основываясь на собственныхъ показаніяхъ Вероники, что онъ

избавишься ошъ шруда произносишь приговоръ, и даромъ получишь плашу за процессъ; и шакъ рѣшилъ, что Вероника должна была явиться къ суду. Тогда Тенкирь-оглу представилъ кадїю, что дочь его, находясь подъ вліяніемъ нечисшой силы, будешь говоришь при допросѣ не по что чувсшвуешь, и пошому шребоваль, что бы предварительно она пришла на шри дня въ опщовскїй домъ, въ коемъ имѣлись надежныя средсшва для разрушенїя чаръ; пошомъ обязывался онъ представить ее суду, и покориться его рѣшенїю.

Кадїй нашель весьма основательнымъ эшо шребованїе, основанное вѣроятно и на другихъ мешаллическихъ аргуменшахъ, и предписаль князю послашь супругу въ домъ ея опца для свиданїя съ родителями, объщая, что по испеченїи шрехъ дней она непременно явится въ судъ, и если подозрѣнїя въ колдовсшвѣ окажутся не основательными, она ему будешь возвращена. Князь не охотно покорился эшому рѣшенїю; впрочемъ былъ совершенно увѣренъ въ любви Вероники, и въ томъ что она сама знала, что разлученная съ нимъ, она не найдетъ жишья въ родительскомъ домѣ, и будешь несчастнѣйшимъ

въ міръ существомъ съ Армянами-изувѣрами. Но родители лучше его знали свою Веронику.

Когда она была къ нимъ привезена, и въ слезахъ бросилась къ ногамъ матери, прося, чтобы не разрушили ея блаженства, увѣряя, что она не будетъ жить безъ своего мужа, и говоря все что говорится въ подобныхъ случаяхъ, старшія ея сестры спали кругомъ, и начали курить ладаномъ и шепшашъ въ полголоса заклинанія и молитвы; потомъ взяли ее на руки, не говоря ни слова, опвели въ опидѣльную комнату, и подъ образомъ уложили на кровать, точно какъ покойницу, и на грудь ея положили большое распятіе. Нѣсколько часовъ читались надъ нею молитвы, и мать и сестры плакали при ней; потомъ обвѣсили ее талисманами, заперли въ этой шѣсной комнатѣ, которой окна и ставни были на глухо закрыты, и оставили ее на всю ночь, при слабомъ свѣтѣ лампы..... Будетъ упомянуто описывать всѣ средства, употребленныя родителями, чтобы воспламенить молодое воображеніе Азіятки, упитанное суевѣріями съ самыхъ нежныхъ лѣтъ, и потомъ убедить ее, что она наконецъ освободилась отъ чаръ. Старая няня сама клялась предъ нею, что

и она грѣшница была въ согласіи съ волшебникомъ, копорый шо являлся ей въ наспоющемъ своемъ видѣ — горбатымъ карломъ, шо принималъ пльнишельныя формы, коими успѣлъ оболѣспить мблодую дѣвушку; что она сама насешпывала ей, когда она спала, прокляшья слова, копорыхъ шеперь никакъ не можешъ произнеспи, подсыпала въ ея кушанье доставленные волшебникомъ порошки, клала ей подъ изголовье какія-шо земія и палисманы, копорые обрапились въ золу, когда окронили домъ свяшою водою. Вероника начала вспоминать, что со времени первыхъ ея любовныхъ свиданій она въ самомъ дѣлѣ почувспвовала въ себѣ удивительную перемѣну; особенно во снѣ спали ея шревожия шстранныя грезы. На шретій день, день копорый рѣшалъ ея участь, несчастная была убѣждена, что мужъ, безъ ума ея любимый, ея околдовалъ.

Считаю излишнимъ говорить, что вопросы, предложенные ей кадіемъ, были дикпованы ея безчеловѣчнымъ опцемъ, по наспоашельному шребованію коего, мужъ не долженъ былъ при-сущспвовашъ при эшомъ допросѣ, напоминающемъ инквизиціонныя судилища.

Вошь нѣкошорые изъ энихъ вопросовъ и отвѣшовъ:

— Гдѣ ты увидѣла въ первый разъ молодого Бейзаде*?

— Въ долину, у ручья, подѣ каштановымъ деревомъ.

(Замѣшимъ здѣсь, что это дерево и эшошъ ручей пользовались весьма дурною славою въ околоскѣ: въ старыя годы какъ-то въ сумерки пропаало здѣсь безъ вѣспи диня, и съ того времени воображеніе Эмиръянскихъ жипшелей населяло эшо мѣсто вурколаками** и злыми духами. Кади не упустилъ эшого обстоятельсва въ своемъ допросѣ, и оно было однимъ изъ аргументовъ его рѣшенія).

— Какіе знаки онъ тебѣ дѣлалъ?

— Его глаза меня смутили; онъ странно на меня сморѣлъ.

— Не было ли тебѣ жалъ распашься съ родителами, кошорые шакъ тебя любяшъ?

* Такъ называются дѣши господарей.

** Въмѣсто объясненія о Вурколакахъ, о коихъ повѣріе распространено между разными племенами Греческаго и Славянскаго поколѣнія обитающими въ Турціи, считаю лучшимъ указать читателю прелестную повѣсть Вампиръ, писанную по разсказу Лорда Байрона.

— Очень жаль; я долго плакала, но невольно должна была склониться на желаніе этого чловѣка; неодолима сила меня къ нему влекла, и теперь еще влечетъ.

Не оставалось никакого сомнѣнія: Кади рѣшилъ, что она была заколдована, и должна была оспаваться у родителей для совершеннаго своего исцѣленія. Когда впустили влспровоженнаго мужа, который хотѣлъ разуверитъ кадія, и вырвать свою супругу изъ насильственныхъ рукъ изувѣровъ-Армянъ, Вероника, при первомъ взглядѣ на него, всныхнула всемъ пламенемъ своей спраски, забыла всѣ свои глупыя опасенія, и бросилась въ его объятія. Но это въ глазахъ кадія показало новымъ несомнѣннымъ доказательствомъ силы колдовства. Вероника была насильственно вырвана изъ объятій мужа, и ея родители, не уваживъ, но крайней мѣрѣ того, что она могла паодъ своей любви, на другой же день посадили ее въ канкъ, послали въ Азію, и послѣ долговременнаго пущи по ея пустынямъ, она достигла неизвѣстнаго, далекаго городка, гдѣ несчастная жертва безчеловчія и суевѣрія должна была принять одежду смиренія въ Армянскомъ женскомъ монастырѣ. Судьба ея оста-

лась въ неизвѣстныхъ: можетъ быть еще досель помнишь она любовію, можетъ быть изувѣрки монахини Армянскія успѣли ее вполне удосповѣришь, что она въ самомъ дѣлѣ была въ объятіяхъ какого нибудь дракона, или самага сапаны, и она долгими годами раскаянія искупаетъ крапкія мгновенія перваго и единственнаго привѣта любви и жизни.

Когда я былъ въ послѣдній разъ въ Константинополь, семейство Тенкиръ-оглу было въ крайней бѣдности; оно недавно возвратилось изъ ссылки; мнѣ не удалось получить никакихъ свѣдѣній о судьбѣ Вероники, копорую я знавалъ диллянью; копорой приключенія возбудили потомъ во мнѣ самое живое участіе. Только въ прогулкахъ моихъ въ долины и въ рощѣ Эмиръ-яна прегатительный ея образъ придавалъ новымъ прелестямъ эстамъ въсхлипательнымъ ландшафтамъ и сохраннымъ мною воспоминаніямъ давнишнихъ годовъ.

Послѣ романтической Вероники мы должны поспѣшить древнее племя Израильскихъ: оно въ Константинополь, какъ и во всѣхъ городахъ Турціи, и во многихъ Христіанскихъ городахъ, не живетъ по разнымъ кварталамъ, среди друг

гихъ племень, но соединилось въ отдѣльномъ предмѣстїи, въ Хасъ-къон, во глубинѣ залива Золопатаго рога, и сославилъ здѣсь цѣлый Жидовскій городъ, съ 70,000 жителей, который можетъ почесаться всемірною столицею Израиля. Можно подумать, смотря на поспоянное спараніе Евреевъ собиравшихся въ одномъ углу города, и не смѣшивавшихся съ другими племенами, что эшимъ хопягъ они вознаградишь себя за свое разсвѣніе по землѣ. Но никакое воображеніе не предсказавишь себѣ картины отвратительнѣе ихъ Спамбульской столицы; неоприятность и зловоніе улицъ, дома обвѣшенные шряпками, группы маленькихъ Израильчанъ, которые, вмѣстѣ съ собаками, совершенно нагіе, ползаютъ по улицамъ, сухіе, вялые, желтые, какъ семьи гномовъ, спарыя Еврейки, которые съ миспическими знаками на головѣ, какъ колдуньи Махбеша, сидятъ у воротъ съ верешенами, или перекликающя изъ своихъ оконъ прощажными звуками, подобными погребальной пѣснѣ — все это заславивишь васъ изливши свою досаду на оффиціальное любопытство путешественника, которое ведетъ его не въ одни долины Босфора, но и въ Еврейское предмѣстїе.

Мужчинъ вы здѣсь увидите мало; они цѣлый день промышляютъ въ Стамбуль: и здѣсь какъ и вездѣ, они захватили въ свои руки всю мелкую торговлю. Изъ нихъ есть много богачей, много *саравовъ*, но большая часть ихъ племени пребываетъ въ нищету. И богача и нищаго Еврея узнаете среди базара по заботливости, сделавшейся привычною на его лицѣ и овладѣвшей всѣми его движеніями, по бояливой его походкѣ, съ взглядомъ и съ головою всегда опущенными къ землѣ, кошорою грязь впиалась, кажущаяся, въ его душу, во всѣ его мысли. Но ихъ можно узнать и по цвѣсамъ одежды; извѣстно что каждый народъ въ Турціи имѣетъ привилегированные цвѣта для своей одежды; Евреямъ Султанъ пожаловалъ голубой цвѣтъ; цилиндрическая суконная шапочка, обвязанная проспымъ плащомъ, широкіе кафшаны и шуфли — все это грязно-голубаго цвѣта; и дома ихъ вѣкрашены голубою краскою. Я забылъ выше сказать, что коришневый цвѣтъ принадлежитъ Армянамъ; черный носится Греками, какъ бы наследственный шрауръ отъ поколѣнія въ поколѣніе по пошерянной державѣ. Эти цвѣта строго соблюдаются въ обуви и въ наружной краскѣ до-

мовъ. Въ прежнее время считалось величайшею милостию, если Султанъ жаловалъ кому изъ *раія* привиллегію носить желшья шуфли; Фанаріюшскіе Греки и Армяне Дузоглу носили ихъ въ дни своей славы; шеперь считаешся особенною почестию надѣшь новый коспюмъ.

Не думайше, что Евреи, встрѣчаемые на Восшокъ, побрели сюда изъ своего древняго воспочнаго царства. Они пришли сюда съ Запада; они совершили, подобно пицамъ южныхъ климашовъ, срочный и широкій кругъ переселенія, и приблизились вновь къ своей родинѣ. Это потомки тѣхъ 800,000 Евреевъ, кошорыхъ инквизиція Фердинанда и Изабеллы безчеловѣчно изгнала изъ Испаніи въ XVI вѣкѣ*. Они оставили

* Вениаминъ Тудельскій, Испанскій Еврей, путешествовавшій въ XIII вѣкѣ, и посѣдившій почти весь извѣстный тогда земли, нашель въ Констанцинополѣ только 1000 своихъ единовѣрцевъ. Изъ Визаншійскихъ летописей видно, что они тогда занимали вывѣшнюю Галашу. Шашобрианъ помѣстиль въ своемъ *Itinéraire de Paris à Jérusalem* опись Еврейскаго народонаселенія, найденнаго тогда Вениаминомъ во всѣхъ извѣстныхъ городѣхъ. Это составляетъ приблизительно до 4,000,000 душъ. Ихъ народонаселеніе было впаперо болге при Веспасіанѣ. Въ эпоху осады Иерусалима Типомъ погибло 1,000,100 Евреевъ. Любопытно знашь въ шочности ихъ число въ настоящее время.

царство Фердинанда, какъ предки ихъ оставили царство Фарасовъ; но они не унесли съ собою добычи своихъ гонимелей; напрошивъ, благодаря хитрости Фердинанда, оставили въ Испаніи свои богатства*. Только языкъ романшической Каспильи остался имъ въ наследство отъ Пиррнейскаго полуострова, и гордый языкъ гидальговъ, изуроданный выговоромъ Леваинскихъ Евреевъ, не узнается болѣе, какъ бы слышась служивъ для меркантильныхъ дѣлъ и самыхъ униженельныхъ промышленностей — языкъ романсовъ и героическихъ дѣлъ.

Сыны Израиля, не находя убѣжища въ Капюлицеской Европѣ, прибѣгли къ госпепринимству Воспока, и нашли покровительство и вѣроптерпимость въ царствѣ Корана. Они здѣсь и теперъ болѣе довольны своею участію, нежели

* Известно, что сперва былъ изданъ указъ запрещающій вывозъ изъ Королевства денегъ и всякихъ драгоценностей, попомъ повелѣніе Евреямъ оставить Королевство; это былъ явный грабежъ; но оспроуміе Евреевъ въ эпоху запруденіи изобрѣло средство, коимъ спасена изъкоторая часть ихъ богатства: илорговля обязава Евреямъ и несправедливости Фердинанда векселями, коими успѣли они перевести изъ Королевства суммы, не деньгами и не драгоценностями, а шолько на бумагахъ и на коммерческомъ кредитѣ.

во многихъ Европейскихъ городахъ, и пользу-
ются одинаковыми правами со всѣми племенами
подвласными Туркамъ. Даже многія вѣрованія
и обряды ихъ закона сближаютъ ихъ съ Му-
сульманами; они также гнушаются свинины
какъ и Турки; также письмо ихъ идетъ опъ
правой руки къ лѣвой, также въ своемъ бого-
служеніи не покланяются образамъ, и ихъ ре-
лигія, подобно религіи Магомета, состоитъ въ
числомъ деизмѣ.

Не это племя злое и свирѣпое; нигдѣ не
обнаруживается до такой степени ненависть
ихъ къ Христіанамъ; мы видѣли какъ она вы-
разилась при казни Патриарха. Если кто изъ
нихъ обратится въ Христіанство, долженъ уда-
литься въ страну, куда его не могла бы на-
спигнуть мстительная рука Израиля; было
много примѣровъ подобнаго неизбежнаго мщенія.
Кромъ того, въ Константинополѣ носятъ ужас-
ные слухи объ обычаяхъ Евреевъ похищать дѣтей
Христіанъ для крови, требуемой ихъ Пасхаль-
нымъ агнцемъ. Еще недавно пропало безъ вѣспи-
дшия одного купца въ Перъ; красота его заста-
вила подозрѣвать, что оно похищено и прода-
но въ неволю; попомъ нашли въ морѣ его трупъ,

дипя было зарѣзано, и всѣ подозрѣнія пали на Евреевъ; шѣмъ болѣе, что это было въ эпоху ихъ Пасхи. Подобныя подозрѣнія были подтверждены книгою подъ заглавiемъ «Опроверженiе Еврейской вѣры, сочиненное Неофитомъ, монахомъ Греческимъ, прежнимъ Раббиномъ»; она была издава на Молдованскомъ языкѣ, въ 1803 году, въ Яссахъ. Еврей закупили тогда всѣ экземпляры, испребили ихъ, и огромною суммою, данною Господарю, предупредили ея новое изданiе. Но потомъ, въ 1818 г. она была переведена на Греческiй языкъ, и оная напечатана въ Яссахъ. Первая ея глава говоритъ о крови, ошнимаемой Евреями у Христiанъ, и о ея употребленiи. Послѣ ужасающихъ подробностей авторъ прибавляетъ: «Когда мнѣ совершилось тринадцатъ лѣтъ, отецъ мой ошкрылъ мнѣ шайну крови, по предварительной кляшвѣ моеи всеми стихiями, землею и небомъ, въ ея сохраненiи, и подъ угрозою предашь меня прокляшю, если ошкрою ее кому бы то ни было, даже роднымъ брашьямъ. Когда ты женишься, сказалъ онъ, и у тебя будетъ десятеро дѣшей, ты долженъ передашь эту великую шайну подъ шѣми же кляшвами одному изъ нихъ, которе покажетсл

тебѣ самымъ умнымъ и самымъ твердымъ въ вѣрѣ нашихъ отцевъ; употреба земли не применитъ предашеля, и пр.

Не знаю до какой степени заслуживаютъ вѣроятія слова Раббина, но они болѣе подкрѣпили въ народѣ слухи о закланіи дѣшей. Вспоминимъ, что въ первыя времена Христіанства Евреи обвиняли Христіанъ въ этомъ самомъ злодѣяннѣ.

Въ сосѣдствѣ съ городомъ Евреевъ, на широкомъ холмѣ, раскинулось ихъ кладбище; кладбища въ Констаншинополѣ составляютъ лучшее украшеніе города: это сады и рощи, среди коихъ образъ смерти является одышый всею поэзією природы; на каждомъ деревѣ найдешь гнѣздо перелетныхъ госпей весны; въ каждой пѣни воркуютъ голуби, и шайны любви ихъ соединились съ шайнами смерти. Но кладбище Евреевъ въ Хасъ-кьонъ безъ пѣни, безъ одного кустика; среди его пустыни расположились одни бѣлыя пята гробовыхъ мраморовъ, и отъ него вѣетъ холодомъ. Среди роскошныхъ карпинъ Констаншинопольскихъ предмѣстій, это кладбище покажется вамъ учаспкомъ Палестинской земли, съ коего гнѣвное слово Іеговы сняло одеж-

ду жизни и прозябенія. Можетъ быть Констан-
тиннопольскіе Евреи любящъ его нагошу, кото-
рая напоминаетъ имъ долину Иосафата и гробы
Царей Израиля.

Ежегодно нѣсколько спариковъ изъ Хасъ-къои
отправляются въ древнюю столицу ихъ племе-
ни, расстаются навсегда съ своими семьями,
разрываютъ все узы общежитія, и послѣ этой
самовольной моральной смерти, идутъ влачить
въ нищенствѣ горькій, безцвѣтный остатокъ
своихъ изгнаническихъ дней подъ святынею Ие-
русалима, чтобы шѣла ихъ успокоились въ до-
лину Иосафата. Есть что-то возвышенное и поэ-
тическое, есть можно сказать религиозное ге-
ройство въ этой прогашельной привязанности
несчастливаго, загнаннаго, презрѣннаго племени
къ той землѣ, которой воспоминанія и надеж-
ды создаютъ для него идеальную родину, ко-
торой набожно завѣщаетъ оно свои косши.

Г Л А В А VII.

Разряды Путешественниковъ. — Искатели приключеній. — Медики. — Медицина дервишгй. — Докторъ Бальи. — Кривительныя. — Медицина въ гаремахъ, и языки Турчанокъ. — Приключенія двухъ мичмановъ. — Министръ медицины, и его влияние на политику. — Анатомическія свѣдѣнія Турокъ. — Удивительный рыбакъ.

Въ Конспанпинополѣ есць всѣхъ родовъ путешественники; въ столицѣ Султана, какъ и во всѣхъ столицахъ, найдеша людей, кошорыхъ жизнь обрашлась въ продолжительное кочевье опъ какой-то безощетной пощребности перемѣняющъ мѣщпощребываніе; предъ ними свѣщъ распянулся безбрежный, какъ степь предъ Бедуиномъ; въ особенноти найдеша Англичанъ, кошорые вылечивающа опъ сплина, проклинающъ Турокъ и бросающъ гиней; есць люди, кошорые щрудящса надъ щочнымъ опредѣленіемъ мѣща, по коему галеры Магомеша были перенесены въ *Золотой Рогъ*, или хощящъ угадащъ, какимъ образомъ Босфоръ расщупился, щнобы дащъ проходъ водамъ Чернаго Моря, и ощавищъ Грекамъ преданіе о Девкалионовомъ пощопѣ; эщю ученые, кошорые сами щонущъ въ океанъ науки,

какъ тогда ушонулъ Архипелагъ; другіе хлопчущь какъ бы проникнушь въ шайны Серала и домашней жизни Сулшана; другіе — и это самый многочисленный классъ — скучающь, и отъ скуки надѣвающь Турецкіе *чекширы*, опращивающь бороду и курящь кальянъ. Но оставимъ ихъ въ мирной скукъ и въ миролюбивыхъ ихъ упражненіяхъ; я познакомлю васъ съ особымъ классомъ путешественниковъ; они не за шѣмъ пришли сюда чпобы вылечинься отъ болѣзни: здѣсь и здоровый не устоинтъ при встрѣчѣ съ черною гостію, которая, прибывъ изъ Африки вмѣстѣ съ пассажирами на купеческомъ бригѣ, такъ роскошно гуляешъ по берегамъ Босфора, и каждый годъ собираешъ жатвы нѣсколькихъ тысячъ Кіафировъ всѣхъ народовъ, собранныхъ въ столицѣ исламизма, — вѣрующихъ или нѣтъ въ предопредѣленіе. Они также не арписивы: Турки не любящъ арписивовъ, и считающъ нѣжкимъ грѣхомъ писать свои порписивы; они бояшся, что при преснавленіи свѣта, когда вся тѣла правовѣрныхъ вспанушъ изъ гробовъ, омыщущъ свои души, и чинно пойдущъ въ Магометовъ рай, какая нибудь правовѣрная душа, обманушая сходствомъ полонна съ особою преждяго

своего вмѣстѣлица, поселился въ полночь и забудеть шло въ опустѣломъ кладбищѣ. Правда, что Махмудъ не убоялся подобной ошибки и написалъ съ себя нѣсколько поршрешовъ, но наредъ его крайне упрямъ въ своихъ вѣрованіяхъ. Есть другой родъ спрашниковъ, гораздо многочисленнѣе, неспрѣе, предприимчивѣе, нежели всѣ вышеупомянутые: это люди, копорые гонятся за щаспемъ. Это искатели приключеній, копорымъ вся широкая Европа шьсна для полена ихъ генія, копорымъ всѣ обыкновенные пуни въ жизни кажутся грязными прощниками, копорые рѣшились проложивъ себѣ новую дорогу, во чшобы по ни спало, покинули родину и родныхъ, гоньшы выбришь голову и опказашься оиъ своей вѣры, чшобъ осуществивъ сонъ, вщпревожившій ихъ праздную лѣнь карпиною золоченнаго кіоска на берегу Босфора, ароматической атмосферы восшочнаго цвѣшника, раскинушаго, какъ узерчашая шаль на террасѣ сада, сладоспрашной нѣги гарема и круга пажей и нѣмыхъ рабовъ.

Французы въ этомъ отношеніи занимають первое мѣсто: можетъ быть по существующему у нихъ сочувствію къ Туркамъ и къ ихъ

образу жизни; можетъ быть — и это вѣрнѣе — по недоспашку религіозныхъ правилъ и по въспренности. Первое ихъ дѣло по прибытіи въ Константинополь — ишли на кладбище Дервишей пясуновъ въ Перъ, и поклонились огромному мрамору, украшенному шаринною Турецкою чалмою, и подъ кошорымъ почиваетъ прахъ славнаго ренегата, ихъ соотечественника графа Бониваля, прежде Австрійскаго генералъ-лейтенанта, сражавшагося противъ Турекъ подъ знаменами принца Евгенія, попомъ Турецкаго Паши и дервиша, и наконецъ безсмыднаго хопъ и оспроумнаго испорика своихъ походовъ.

Со времени преобразованія введеннаго Султаномъ въ военной системѣ, каждый корабль, идущій отъ береговъ западной Европы, доставляетъ въ его армію, или въ армію его врага Мехмедъ-Алія, будущихъ пашей изъ самой послѣдней сволочи Европейскихъ обществъ. Правда, что большая часть ихъ отъ неудачъ или по другимъ причинамъ скоро получаютъ обратеніе къ новому роду жизни: пробывъ нѣсколько лѣтъ на берегахъ Босфора и Нила, многіе изъ нихъ вспомнили свои родные берега, и уже возвратились пайкомъ во свояси; но многіе также,

разорвавъ всѣ узы родства, и боясь показаться въ опечесствѣ, гдѣ вѣроятно ожидается ихъ исправительный дождь за старыя прегрѣшенія, или шнорьма за долги, рѣшились пускнуться въ новую промышленность: они промѣняли шпагу на ланцетъ, сдѣлались *signori medici*, и дѣятельно спали залечивашъ подданныхъ Султана, которыхъ надѣялись прежде душишь другими средствами, въ качествѣ его сановниковъ и любимцевъ. Мнѣ случилось видѣть нѣсколько шакихъ побочныхъ дѣшей Эскулапа въ Кандіи, въ Смирнѣ и въ Дарданеллахъ. Многіе изъ нихъ сознаются безъ обиняковъ, что никогда не учились Медицинѣ, что даже для формы не знаютъ сколько-нибудь по-Лашыни, и увѣряють, что пракшикою узнали свойства человеческого шѣла, и что такимъ образомъ приобретають они болѣе свѣдѣній, нежели ихъ Европейскіе собратья, копшьющіе въ книгахъ. Они всегда составяшъ какуюнибудь сенпименшальную испорію своихъ пріключеній, принудившихъ ихъ оставишь Европу и сдѣлашъся докторами: по неудачи по службѣ, по преслѣдованія за благородство мыслей, заставили ихъ искашь убѣжища въ Турціи; а чаще всего измѣна любимой особы повле-

къ чувствительныхъ любовниковъ въ сирому,
 гдѣ шакъ жестоко оштрачивается коварному
 полу за все его легкомыслія въ оспальной Ев-
 ропѣ. Самые добросовѣстные изъ нихъ идушъ
 въ шармананы: они упоируютъ шолько не-
 винныя средства, и даюшъ за корошную цѣну
 своимъ пациентамъ екланочки съ водою, окра-
 шенною розовымъ, желтымъ, кофейнымъ цвѣ-
 томъ, пилюли изъ хлѣба съ какимъ нибудь не-
 значащимъ порошкомъ, и шому подобное. Дру-
 гіе не шакъ снисходительны, и лечатъ на убой.
 Русская по Турціи съ сумою наполненною лечеб-
 нымъ запасомъ, они иногда заслуживаютъ гром-
 кую извѣстность, особенно если насмѣшница судь-
 ба вздумаетъ имъ улыбнуться, и позволишь
 вымечить какое-нибудь высокое лице подъ ихъ
 надзоромъ. Тогда имъ открываются гаремы;
 они приобретаютъ полишинескій весь вліяні-
 емъ своимъ на вельможу или на его кадыню;
 виваются какъ пьлаки въ ихъ доверенность,
 просируютъ свои шиприги до самаго Серая,
 продаюшъ дорогою цѣною свое некровительство
 не шолько мелкимъ просителямъ, но пашамъ и
 господарямъ, и иногда расшлагаюшъ судьбою
 цѣлыхъ областей. Но большею часпю они дел-

жны довольствоваться весьма скромною промышленностью: я видѣлъ, какъ они десятицами отправляются каждый день изъ Перу въ Кочипантинполю, обходятъ самыя уединенныя улицы, и хриплымъ голосомъ исцеляють болѣзни, снѣжь коихъ несомнѣнная лекарствя хранятся въ ихъ коробкѣ, оканчивая всегда какою нибудь фразою въ восточномъ вкусѣ о своемъ врачебномъ всемогуществѣ. Положеніе ихъ незавидно, не смотря на возможность вдругъ выскочить изъ люди. Въ снранѣ, гдѣ царствуетъ вѣра въ предопредѣленіе, они имѣють опасныхъ соперниковъ въ шарыхъ деревняхъ, копорые лечатъ всѣ болѣзни шаманами; какое лекарство можеть быть дѣйствительнѣе одного снѣжа изъ Корана, одного изъ девяностя девяти именъ Аллаха, прошептаннаго на ухо больному извѣстное число разъ, въ извѣстную четверть луны? Азіяпское воображеніе воспламененное шаманскими изрѣченіями Корана, обрядами словія и мученичествомъ, копорому эти священики добровольно подвергаются, крѣпко вѣрившъ въ силу средствъ почерпнувшихъ въ самой религіи. Припомъ деревни имѣють ню преимущество предъ другими шаманами, что

въ случаѣ неудачи своего пользованія, могутъ шоржесшвенно объявить, что смерть была написана на скрижаляхъ судебъ — и что значагъ усилія челоуѣка предъ одною буквою предвѣчной книги?... А докшорамъ по званію нерѣдко до-сшаюгся палки по пягамъ, и были случаи, что какой-нибудь своенравный Пагша предлагалъ имъ или вылечить любимаго сына, или гошовишья къ висѣлицѣ въ случаѣ его смерти, и попомъ буквально сдерживалъ свое слово. Сверхъ шого въ странѣ безпрерывныхъ перевороповъ опасно связывагъ свою судьбу съ судьбою могучаго лица, копорое при первомъ гнѣвъ Сулпана, при вервой вспышкѣ мяшежа, можетъ сдѣлаться жершвою обшюашельсшвъ; всѣ помнягъ въ Кон-станшшинополѣ плачевную участь Англичанина, копорый былъ докшоромъ Сулпана Селима, и сдѣлался жершвою янычарской злобы въ своемъ загородномъ домѣ.

Въ Первъ еснѣ шеперь нѣсколько ученыхъ Еврпейскихъ врачей, но они служагъ почти исключительно для Еврпейцевъ, поселившихся въ эшомъ вредѣсшн Констаншшинополѣ: если случишся, что ихъ позовушъ къ Мусульманину, они должны только боршьясь съ непреодолимы-

ми предразсудками, и часпо всѣ ихъ убѣжденія
 безсильны передъ упрямымъ невѣжесивомъ Тур-
 ка. Недавно одинъ Англійскій докшоръ, желая
 познакомиться съ соспоаніемъ своей науки въ
 Конспаншинополѣ, рѣшилсѣ войти въ кофей-
 ный домъ, гдѣ Леваншскіе его собраты обык-
 новенно имѣюшъ свои засѣданія, и сыграшъ ко-
 медію подобно имъ. Онъ важно усѣлсѣ на скамьѣ,
 а его переводчикъ спалъ, по обычаю, исчисляя
 мнимые его подвиги. »На дняхъ, говорилъ онъ,
 »эшошъ достопочщенный *хекииъ* (мудрецъ), цвѣшъ
 »мудрецовъ (лекарей) Френкиспана, вылечилъ,
 »въ присущствіи многихъ свидѣшелей, почши
 »умершаго эфендія: онъ извлекъ изъ груди боль-
 »наго легкое, очисшилъ ошъ всѣхъ поврежденій,
 »положилъ назадъ, и на другой день эфенди былъ
 »въ вождѣленномъ здравіи, за что и щедро на-
 »градилъ его пяшью мѣшками золоша«. Слуща-
 шели, привыкшіе вѣришъ подобнымъ разсказамъ,
 шакже какъ чудесамъ »Тысячи одной ночи«, по-
 ложили въ уста палець удивленія. Одинъ восклик-
 нулъ: —»Нѣшъ божешва кромъ Бога!« другой
 прибавилъ: —»И Магоменъ пророкъ Бога!« шре-
 шій, вспавъ съ мѣспа, сказалъ докшору самымъ
 дружелюбнымъ голосомъ: *гель глуръ!* »Поди за

мною огнепоклонникъ*!» и повелъ его къ одному большому Пашѣ. Меджи всѣхъ націй, правоверные и неверные, осаждали посель спраждущаго, вмѣстѣ съ полною дружей, слугъ и рабовъ его. Главную дѣйствующую роль въ эпосѣ неспрошъ собраніи игралъ важный имамъ: онъ началъ консиліумъ слѣдующимъ экзордошъ:—»Аллахъ сошворилъ міръ для того, чтобы различить въ немъ свѣтъ исламизма. Господимъ нашъ, Магометъ-Избранный— да благословишь его Аллахъ, и да просвѣтлится онъ его!—получилъ благородный Коранъ изъ рукъ ангела Гавриила. Эта книга писана собственноручно Аллахомъ прежде всѣхъ вѣкъ, и на ея священныхъ страницахъ изображена вся мудрость богословія и природы. И пакъ всякое знаніе, почерпнутое изъ Корана есть только обманъ и печесніе.« Имамъ справлялся съ Кораномъ, и нашель было что слово »медъ« повшорилось въ немъ спюль-ко разъ, сколько дней продолжалась болѣзнь Пашши: слѣдовательно медъ былъ единспневнымъ опшъ ней лекаршвомъ. Воскъ входитъ въ составъ

* Известно что слово *гзуръ*, которымъ Турки величаютъ всѣхъ иновѣрцевъ, есть исковерканное ими Персидское *геберъ*, или *геверъ*, Гебръ, Гвевбръ, огнепоклонникъ.

меду: и такъ надлежало употребить воскъ. »Мудрецы, *хекимы!* продолжалъ онъ, возложимъ упование на Аллаха и дадимъ болящему должный приемъ воску. Онъ спраждетъ уже тридцатьшесть дней. *Иншаллахъ теалл*, если угодно всевышнему Аллаху, при благословеніи его Пророка — пусть онъ принимаетъ по тридцати шести капель воску черезъ каждые тридцатьшесть часовъ.« — Когда имамъ кончилъ эту рѣчь, слуги, рабы, друзья больного и правовѣрные хекимы превозгласили глубокую его премудрость, и кончили тѣмъ, что нѣтъ божества кромѣ Бога, и другаго лекарства кромѣ воска для *Его Благополучія, господина нашего, паши*. Никому не было позволено противорѣчить. Всякое свѣтское разсужденіе считалось бы нечестіемъ послѣ всеильнаго гаданія по Корану. Имамъ далъ каждому врачу по пяти цехиновъ: они раскланялись и оставили больного на произволь судьбы. Англичанинъ, который описывалъ попомъ эту комико-прагматическую сцену, выходя опъ паши, изъяснилъ свое удивленіе одному Армянскому врачу; тотъ, болѣе опытный въ подобныхъ обстоятельствахъ, съ осторожностью осмотрѣлся, и сказалъ ему на ухо: »Пашу хопяшъ оп-

равиль! Онъ завѣщаль всѣ свои богатства одной мечети.» Англичанинъ, для облегченія своей совѣсти, зашелъ опять въ домъ паши, и сказалъ одному изъ невольниковъ, чтобы онъ предостерегъ своего господина, что онъ умретъ, если приметъ лекарство. Но смерть паши была написана въ книгѣ предопредѣленія, и судьба его исполнилась.

Нѣчто подобное случилось съ Капшанъ-пашею, умершимъ въ 1830 году. Ахмедъ-Папуджи, по еспѣ Ахмедъ-Башмашникъ, до вспушленія въ должность Главнаго Адмирала Турецкой имперіи, или какъ его официально называли въ фирманяхъ, въ должность *опытнаго пловца среди острововъ и скалъ, храбраго воителя морей отъ одного горизонта до другаго*, занимался шипьемъ шуфлей въ одной изъ грязныхъ улицъ Галаши. Его пользовали Европейскіе докторы, но, при самомъ крипическомъ переломѣ болѣзни, былъ призванъ имамъ, кошорый, запретивъ всѣ лекарства невѣрныхъ, увѣрилъ больного, что нечистый духъ поселился въ его желудкъ, и спалъ его заговаривашъ. Неизвѣстно, какія средства употребилъ имамъ для изгнанія нечистаго, но попомъ всѣ невольники паши увѣряли, что онъ

извлекъ пять шпукъ чершей изъ шѣла верховнаго адмирала, связалъ ихъ, и положилъ на софу. Они скоро улепѣли. Разумѣлся, что за нечиспыми духами улепѣла и чистая душа его Превосходительства Ахмеда-Башмашника.

Французскій врачъ Г. Бальи, кошорый провель нѣсколько лѣтъ въ Констаншинополѣ по любви къ своей наукѣ, шакже насмотрѣлся на странныя приключенія съ докшорами, кошорые лечашъ Турокъ. Любопышенъ анекдотъ его съ славнымъ Гуссеинъ-пашею, испребителемъ Янычаръ, въ дни его величія, когда одно его имя приводило въ шрепешъ оробѣвшіе ошпашки дѣшей Хаджи-Бекпаша.

Гуссеинъ-паша сказалъ докшору Бальи, что прежде онъ спрадалъ какою-шо болью — будшо его шри иглы кололи по печени, и что эша боль наводила на него порой сильную лихорадку. — Эшо вѣрояшно онъ усшалосши послѣ неумѣреннаго движенія, или онъ какого нибудь удара, замѣшилъ докшоръ — «Нышъ, ошвѣчалъ паша: въ Варнѣ измѣнили мнѣ шри злодѣя; мнѣ не удалось ихъ наказашъ, и шогда зародилась эша болѣзнь. Шесшь мѣсяцевъ я сильно спрадалъ: пошомъ мнѣ посчалшвилосшь засшрѣлишь двухъ

изъ моихъ злодѣевъ — это меня облегчило. Боль
оснилась только въ одной нючкѣ, попому. Чпо
шрестій только «спасся.» — Докшоръ замѣчалъ
ему, что по этому его леченіе зависло болѣе
ошъ попсковъ полиціи нежели ошъ Медицины. —
«Я совершенно убѣжденъ, прибавилъ паща, что
вси боль пройдетъ, если шрестій изъ злодѣевъ
попадѣтся въ мои руки: но не можешь ли облег-
чить мое страданіе?» — Я совѣтую вамъ бышь
увереннѣе, если вы дорожите жизнью. — «Меня
и безъ того изломали годы! сказалъ паща со
вздохомъ. Чпо еслибы ты меня зналъ прежде,
когда голова у меня была желѣзная, умъ въ го-
ловѣ — огонь, а душа пороховая! Все во мнѣ
кипѣло шогда. Оспушился ли моя лошадь — пу-
ля ей въ лобъ! Разсердился ли меня непослуш-
ный рабъ — долдай ему голову!» — Васъ бы из-
лечила, сказалъ ему докшоръ, кровавая бинва
или новый Эшмейданскій дѣвъ. — При этомъ вос-
поминаніи о Янычаракъ лице Гуссейна загорѣ-
лось. — «Ты правъ, хекимъ, сказалъ онъ докшору:
ты угадалъ мою болѣзнь!»

Таковы Турки; въ пылу спростей своихъ
они не различаютъ болѣзней душевныхъ, жеснихъ,
непачисли, порывовъ честолюбія и жажды кро-
ви ошъ недуговъ шѣлесныхъ; а когда вмѣстѣ

съ нѣдесными силами попукающъ и спрасни ихъ, имъ оспасется одна шолько въра въ предовредѣленіе и въ Магоменовъ рай, и они умирающъ въ рукахъ имаговъ и дервишей. Болѣе всего досаждаютъ Турки своимъ докторамъ безпреспанными требованіями крѣпительныхъ, мандорукъ, необходимыхъ имъ при непомерной неведержности. Вся изобрѣченія кельжесвенныхъ и сладеспрасныхъ вѣковъ употребляюща до сей поры въ Цареградскихъ гаремахъ, для возбужденія чувственной любви въ преспыщенныхъ Османлы. Ихъ женщины, каковыхъ судьба значительна улучается, когда сдѣлаются онѣ матерями, убѣдаясь въ безсиліи всѣхъ употребленныхъ филлтровъ, обращаются также къ докторамъ, и просятъ у нихъ напашковъ, способствующихъ къ дѣтирожденію.

Вся одно, не считая залокъ и виселицы, преспавляетъ врачей въ весьма неприличное положеніе, но за то они щедро вознаграждены особымъ преимуществомъ ихъ званія, — правомъ входить въ завѣшныя двери гаремовъ. Визиты въ гаремы дѣлались прежде съ большими преспоружностями: всѣ невольницы, кадъны (барыни), посѣщительницы заирались въ особомъ

токов; евнухъ вель докшора къ постели больной, лежавшей подъ покрываломъ; если докшоръ хошълъ пощупашъ пульсъ, рука давалась подъ шонкою кисею, чшобы не осквернишь шъла прикосновеніемъ чужаго муцины; если онъ шребоваль языка, — шолько часшъ покрывала приподнималась, и онъ могъ видѣшъ кончикъ языка, не видя губъ красавицы. Въ наше время Турки возымѣли лучшее поняшіе, если не о нравшвенности докшоревъ Европейскихъ, по крайней мѣрѣ о правилахъ, Европейской медицины, и безпрекословно покоряющся всѣмъ шребованіямъ докшора даже въ гаремахъ. Мой приятель Докшоръ Г***, имѣль много случаевъ посѣщашъ Турецкіе гаремы въ Кѡнспаншинополѣ и въ Смирнѣ. Въ эшомъ послѣднемъ городѣ, сохраняющемъ гораздо спреже коренные Опшоманскіе обычаи, визишы дѣлающся еще съ какою-шо шаншвенностью, и окружены безчисленными предоспорожноспями; но въ Сшамбулѣ, гдѣ Европизмъ дѣлаешъ споль чувспшительные успѣхи, хошъ онъ и не облегчилъ, да и никогда не облегчилъ, учасши гаремныхъ запворницъ, въ эшихъ случаяхъ гораздо менѣе церемоній. Турокъ прехладнокровно вводишь докшора въ свои

пѣкон, показываешъ ему жену или дочь, и все вопросы, которые привели бы въ замѣшательство Европейскую даму, дѣлаюшся преспокойно въ его присутствіи. Въ этихъ визитахъ забавнѣе всего то, что все Турчанки гарема, въ покрывалахъ и безъ покрываль, поочередно подходятъ къ доктору, даюшъ ему пульсъ и показываюшъ языки. Въ первый разъ, мой пріятель, смущенный эшимъ обрядомъ, принялъ его за насмѣшку своему званію, и хотѣлъ удалиться отъ фигуръ, которыя окружали его съ разинушимъ ртомъ и пропянушими руками; но бывшій съ нимъ шарикъ переводчикъ, болѣе опытный въ обычаяхъ гаремовъ, поспѣшилъ объяснить ему, что необходимо пощупашъ у всехъ пульсъ и осмотришъ все языки, пошому что Турчанки увѣрены, что одно это дѣйствіе снабжаешъ ихъ здоровьемъ по крайней мѣрѣ на нѣсколько недѣль. Были даже случаи, что если не предувѣдомленный объ этой церемоніи докторъ отказывался отъ ревизіи двадцати здоровыхъ языковъ, оскорбленная невѣжесвомъ его Турчанки снимали шуфли и били его хоромъ по щекамъ, доколь онъ не соглашался надѣлать всехъ ихъ порціею здоровья.

Эти понятия, такъ способствующія развитію самаго дерзкаго шерламанства, и эти вольности, позволяемыя привилегированному классу врачей, подають иногда поводъ къ самымъ интереснымъ интригамъ. Такъ какъ одна только круглая шляпа на головѣ составляетъ въ глазахъ Турокъ авторитетъ медицинской академіи, то всякой кто ее носитъ, можетъ выдать себя за доктора, и подъ его именемъ нарушить неприкосновенность гаремной святыни. Этого рода самозванцы не довольствуются однимъ только возрѣніемъ на языкъ Мусульманокъ. Зная сильную ихъ склонность къ взвѣнъ и особенную привязанность ихъ къ франкамъ, о нравѣ которыхъ и обхожденіи съ женщинами ходятъ между ними весьма благоприятныя слухи, многіе изъ нихъ умѣли воспользоваться случаемъ, и зашъвали сношенія сопряженныя съ величайшими опасностями. Турчанки, не смотря на свою непомѣрную глупость, — слѣдствіе ихъ вѣчнаго злѣтворничества, — одарены какимъ-то природнымъ остроуміемъ въ назначеніи любовныхъ свиданій, и эти самозванцыя доктора стараются развиватьъ щастливое ихъ расположеніе, хотя нерѣдко оплачиваются догору, въ случаѣ

открытія. Не вообще смѣлость, съ колперю Турчанки пускаются въ приключенія, превосходящія въражіе. Во время пребыванія нашего въ Константинополь, двѣ изъ нихъ надѣлали шаную сумашоку, что вся Пера пришла въ волненіе.

Два восемнадцатилѣтніе мичмана Англійскаго военнаго корабля, стоявшаго на Босфорѣ, оба весьма привлекательной паружности, шли по одной изъ Перскихъ улицъ, и были подмѣчены гаремными зашворницами. Давный изъ за рзшетики знакъ остановилъ ихъ. Черезъ мнѣшпу отворяется калитка, и черная невольница приглашаетъ ихъ войти въ домъ. Они, не долго думая, бросились въ калитку, но къ нестасію сосѣды ихъ замѣтили, и дали знать на гауптвахту, занятую отрядомъ регулярнаго войска. Солдаты окружили домъ и ожидали выхода Англичанъ: они не смѣли обыскивать ихъ въ гаремъ, потому что полиція перемовъ не подлежишь вѣдѣнію ни какой другой власти кромъ мужицкой. Черезъ часъ молодые дженгелмены, которые знали уже о своемъ осажденіи, вышли съ обнаженными саблями. Шпыки загородили имъ дорогу; Турецкій офицеръ хотѣлъ ихъ арестовать, но они, упершись спиною въ стѣну, спали на

ханы саблями, въ пвердомъ намѣреніи не сдашь-ся. Солдашы сосшавили около нихъ полукружіе, но ашпаковашъ ихъ не смѣли: впечашлѣнія войны съ Россіею поселили въ нихъ страхъ ко всѣмъ Европейскимъ войнамъ. Англійскій консуль былъ увѣдомленъ о происходившемъ, и поспѣшилъ освободить молодыхъ шалуновъ. Онъ взялъ ихъ на свое поручишельство, съ условіемъ предсшавишь по воспребованію, но въ шощъ же вечеръ шайкомъ опсправилъ изъ своего дома обрашно на корабль, кошорый выгружалъ шогда у арсенала пушки, присланныя Сулпану изъ Англій. На другой день Капшпанъ-паша, споявшій на рейдѣ со всѣмъ флощомъ и начальспвующій надъ эшою частію города, получилъ донесеніе о происшешвіи. Хозяинъ гощепримнаго гарема былъ его любимый офицеръ, и Капшпанъ-паша рѣшился ушвщипшь его наказаніемъ преспупниковъ. Онъ послалъ къ Англійскому капшпану шребовашъ съ угрозами, чшобы виновники были выданы въ его руки. Англичанинъ опшвѣчалъ съ насмѣшкою, чшо онъ справлялся съ своими законами, но не нашель въ нихъ никакого наказанія за посѣщеніе гарема. Озлобленный Капшпанъ-паша велѣлъ схвашипшь двухъ первыхъ Англійскихъ офицеровъ,

какіе попадутся на берегу, и привесити ихъ къ нему. Случилось, что два офицера были тогда въ городъ: люди Турецкаго адмирала поймали ихъ на улицѣ. Капиданъ, узнавъ что два его офицера арестованы на Турецкомъ кораблѣ, поспѣшилъ объявить чрезъ своего министра Капиданъ-пашѣ, что за это оскорбленіе Великобританскаго флага онъ готовъ рѣшиться на все, чего только потребуешь отъ него долгъ чести и службы, и что если черезъ нѣсколько часовъ офицеры не будутъ освобождены, онъ присянется къ арсеналу, и сожжетъ все, хотя бы и самъ сдѣлался жертвою пламени. Капиданъ-паша не хотѣлъ вѣрить сполнѣ дерзкой угрозѣ, но когда Англійскій корабль приготовился сняться съ якоря, онъ освободилъ офицеровъ, копорыхъ можешь бышь собрался посадить на колъ за проказы вѣтренныхъ мичмановъ съ Мусульманками.

Судьба Турчанокъ осталась совершенно неизвѣстною.

Возвращаясь къ шарлапанамъ, не должно забывать, что въ Конспаншинополѣ есть главноначальствующій надъ шарлапанами, — министръ шарлапанства. Это хекимъ-баши, »глава мудрецовъ«, а по-Руски, лейбъ-медикъ, кошорый въ

поже время управляешь всею медицинскою частью, какъ это, впрочемъ, извѣстно даже и читателямъ романовъ. Признаюсь, существованіе его казалось мнѣ баснословнымъ, судя по сословію Стамбульской медицины, доколѣ я не имѣлъ удовольствія бытъ у него съ моимъ пріятелемъ докторомъ, чтобы лично осведомиться о сословіи его кейфа, и поздравить его съ отличною исправностію ввѣренной ему части. Глава мудрецовъ Бехджешъ-эфенди—Турокъ очень пріятельный, и одинъ изъ самыхъ любезныхъ *Османлы*. Онъ живетъ въ своемъ Босфорскомъ домѣ, предъ которымъ фрегатъ нашъ стоялъ на якорѣ. Бехджешъ-эфенди—человѣкъ лѣтъ пятидесяти, говоритъ довольно бѣгло по-Испански, но въ глазахъ Турокъ имѣетъ важный недоспашокъ, — онъ заикается, а это вредитъ мусульманской важности. Онъ былъ когда-то въ Европѣ, и болѣе всего любитъ говорить о политикѣ. Чтобы ослѣпить насъ всемъ блескомъ своихъ обширныхъ познаній, онъ сдѣлалъ намъ нѣсколько вопросовъ о Камчаткѣ и о нравахъ Алеутовъ: мы стали ему рассказывать какъ Шаманы лечатъ Камчадаловъ, надѣясь обратить разговоръ на его предметъ. Но онъ объ этомъ

мало заботился. Онъ ставилъ берега Босфора выше всего на свѣтъ, и любилъ свою безмятежную жизнь, которая есть не что иное какъ продолжительный кейфъ, при долговременной къ нему благосклонности падишаха: что касается до Медицины, то знаніе этой науки ни сколько не входитъ въ его обязанности.

Прежде это мѣсто было почешнымъ званіемъ; но Мустафа III (1768), по случаю смерти любимаго имъ Кызляр-аги; умершаго въ рукахъ одного шарлапана, подчинилъ всѣхъ Константинопольскихъ медиковъ придворному своему хекиму. Теперь должность этого министра Медицины состоитъ въ томъ, чтобы передъ весеннимъ равноденствіемъ разсылать всѣмъ султаншамъ и вельможамъ крѣпительныя, и продавать по червонцу дипломы на докторство всѣмъ желающимъ вписаться въ врачебное сословіе: безъ сомнѣнія, чѣмъ болѣе являешься шарлапановъ, тѣмъ для него лучше, потому что этои сборъ составляетъ его доходъ. Другой не менѣе значительный источникъ его доходовъ состоитъ въ томъ, что Султанъ имѣетъ обыкновение, въ знакъ особенной милости къ большому вельможѣ, посылать къ нему своего лейбъ-

медика — а эпи визишы обходящяся дорого и кармну и жизни осчашливленнаго подобнымъ вниманіемъ.

Нынѣшній хекимъ-баши бываетъ иногда приглашаемъ въ засѣданія Дивана, шо естъ, совѣща миниспровъ, какъ человекъ, кошорый знаетъ всѣ болѣзни, и кошораго мнѣніе, по эшому, очень важно въ случаѣ полишическаго недуга государшва. Такъ напримѣръ, въ пошъ кришическій день, когда рѣшилась судьба Опшоманской Имперіи, когда всѣ миниспры Сулшана, всѣ лица вмѣющія въсь при Дворѣ и въ народѣ, собрались въ домъ великаго Муфшія, чшобы подписаць уничтоженіе Янычаръ, послѣ рѣчи, въ кошорой верховный визиръ излагалъ вредъ нанесенный государшву эшимъ войскомъ, Бегджешъ-эфенди подавъ свое мнѣніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ. »Безпорядокъ естъ испорченная кровь, кошорая распроиваетъ организацію общешвеннаго шѣла, и кошорую должно извлечь ланцешомъ мудрости. Пущь же изложипъ намъ Реисъ-эфенди соспояніе нашихъ внѣшнихъ сношеній, чшобы мы могли, какъ опышные врачи, по разсмощрѣніи всѣхъ припадковъ недуга, предписашъ должное лекаршво«. Эшо напечапано

въ Испоріи испребленія Янычаръ, писанной государспвеннымъ испоріографомъ Эсадъ-эфендіемъ. Въ случаѣ опкрыпія войны или заключенія мира хекимъ-баши равнымъ образомъ подаешъ иногда свое мнѣніе, спараясь всегда прикрасить свои рѣчи учеными шерминами, въ родѣ приведеннаго образца его медицинскаго краснорѣчія.

Я посѣпилъ шакже Медицинскую академію, находящуюся при мечети Солиманіа. Въ прежнее время слава ея гремѣла по всему Воспоку: ее называли «обильнымъ испочвникомъ здравія на почвѣ мудроспи», и «свѣплюю планешю, копорой каждый лучъ возбуждаешъ жизнь», но въ послѣднее время эша планеша много пошеряла въ общемъ мнѣніи. Я нашель шолько довольно неопряшную комнапу, въ копорой сидѣло на коврахъ до десяти учениковъ, большею частію людей возмужалыхъ, а въ углу спарикъ ходжа, или учиншель, хриплымъ голосомъ объяснялъ имъ, кажешся, влияніе звѣздъ на здоровье человѣческое. Турки гораздо болѣе успѣвають въ Хирургіи: эшо происходитъ опгъ часпаго опыша намъ живыми людьми, а не опгъ изученія Анапоміи, копорая вспрѣчаешъ у нихъ непреоборимыя преграды въ опвращеніи Мусульманъ къ

разстѣванію шруновъ. По ихъ понятіямъ вещь позволительная раззать и разстѣкать людей живыхъ, но превозмочь этими операціями мертвеца, считаеиша ужаснымъ пресупудленіемъ. Были примѣры, что Султаны разстѣкали лажей своихъ, чтобы узнать кто изъ нихъ съѣлъ апельсинъ, или вынулъ его шербелью; на это даже закона, но законъ опрото запрещаетъ открывать человѣчскій шрупъ, «хотя бы въ немъ находился алмазь, не принадлежащій покойнику.»

Спаринные законы особенно способствовали развѣтнію хирургическихъ способностей Турецкаго народа; въ нихъ Моисеевъ законъ *око за око и зубъ за зубъ* былъ принятъ въ буквальномъ смыслѣ, и исполнялся надъ преступниками со всевозможною точностію. Кто вывихъ другому зубъ или два, долженъ былъ подвергнуться той операціи, но съ тѣмъ, что если исполнитель казни выдергивалъ лишній зубъ, самъ въ свою очередь лишался одного зуба. Тому же правилу слѣдовали при отнѣзціи руки, ноги, поврежденіи какого нибудь члена и ш. п. Впоследствии вѣроятно замѣтили, что съ умноженіемъ преступниковъ подданные Султана дѣлались уродами, и потому замѣнили буквальное исполненіе

закона денежною плато въ пользу пострадавшаго, и опредѣлили цѣну каждаго члена опнашаго или поврежденнаго, и цѣну самой жизни. мужчинъ, женщинъ, дѣтей, рабовъ. Эту называея въ Турецкомъ законодательствѣ «цѣною крови»; у Фохса можно видѣть любопытныя подробности о ней.

Относительно медицины религіозныя преданія Мусульманъ гласятъ только, что пророкъ Хлнукъ (Енохъ), за свою любовь къ предвѣщанью исполнилъ и за свое время къ «испичной вѣрѣ», Исламизму, получалъ отъ Бога тридцать ниблицъ, въ коихъ заключались опкровенія всѣхъ тайнъ медицины и астрологій, и много другихъ благородныхъ познаній. Судя по нынѣшнему сословію медицины въ Турціи, эти таблицы божь всоши пропали, и Медицина почтивается мистическою наукою. Дчелеби-эфенди, образованный и человеколюбивый вельможа царствованій Селима и Махмуда, движимый состраданіемъ къ несчастнымъ поклонникамъ, которые, тапашноу скляночками съ несомнѣнными лекарствомъ напешпованныхъ убійцъ Царьграда и амутепами деревней и имамовъ, соплими умирали на прудномъ пуши въ Меку, сочинилъ книгу

подъ заглавіемъ »Медицинскія наставленія поклонникамъ.« Онъ самъ нисколько не зналъ медицины, но въ сочиненіи своемъ пользовался наставленіями ученыхъ медиковъ. Религіозное назначеніе эпой книги доспавило ей извъспноспь и уваженіе между Мусульманами; она имѣла много изданій, и шеперь служишь у нихъ домашнимъ лечебникомъ.

Окончимъ эпоу длинную главу о проказахъ Спамбульской медицины забавнымъ анекдотомъ, кошорый доказываетъ, что въ Турціи не только наука правленія или морская наука внушающія безъ дальнихъ пригоповленій башмашникамъ и серальскимъ невольникамъ, пожалованнымъ въ Главные Адмиралы и въ Сераскиры, но даже и Медицина имѣетъ своихъ случайныхъ избранниковъ. Спрогая наука Гиппократа и благородной каспы Асклепадовъ развращилась въ Спамбуль, въ обществѣ искашелей (приключеній), и сама безспыдно иногда имъ улыбаешся, и ея капризы непоснижимы.

Всѣ превозглашали въ Спамбуль опытноспь и врачебное искусство докшора Н*** и его въсп при Дворѣ, и богашспва накопленные имъ въ эпомъ благородномъ званіи; а вошь что шепша-

ла сплѣшница-молва объ эпомъ удивительномъ чело-
 ловкѣ: При Султанѣ Селимѣ любимая кадыня опа-
 сно захворала, и Селимъ, при всей своей кротости
 и мягкосердіи, въ порывѣ спрасивой любви за-
 былъ свои приязанія на Европеизмъ, и какъ на-
 стоящій Султанъ, облеченный всемогущесвомъ
 Всемірнаго Халифа, повелѣлъ своему Кызляръ-агѣ,
 чпобы кадыня была спасена во чпобы то ни ста-
 ло, или онъ головою ошвѣщитъ. Несчастный вель-
 можа-евнухъ призвалъ встѣхъ кудесниковъ Сшамбу-
 ла, и заставилъ ихъ загѣваривашъ больную, обвѣ-
 сить ее шалисманами — а ей все шпановилось хуже
 и хуже; призвалъ Греческихъ и Армянскихъ по-
 новъ, даже Еврейскаго раббина; и заставилъ ихъ
 чпшашъ надъ нею молишвы; наконецъ созвалъ
 цѣльный полкъ докшоровъ Перы; и обѣщалъ имъ
 кучи золота за ея исцѣленіе, оставляя имъ подѣ-
 разумѣвашъ, чпо они все будутъ посажены на
 колъ, если кадыня умретъ въ ихъ рукахъ. И
 шалисманы и молишвы разныхъ религій и меди-
 цина не могли пересилить болѣзни. Весь Дворъ
 еуепился и Кызляръ-ага шерялъ голову.

Въ это время въ Неохори; одномъ изъ Бос-
 форскихъ предмѣшій, жилъ рыбакъ; Грекъ ум-
 ный и распорошый, женатый на молодой вѣшрѣ-

ницѣ. Проказы жены навлекли на нее супружескую опалу и побой. Жена, можешъ бытъ по собшвенной, женской изобрѣшашельности, можешъ бытъ по наущенію своего любовника, придумала весьма зашѣйливое средство, чшобы избавишься опъ ревниваго мужа. Она отправилась въ Сераль, и пошребовала аудіэнціи у Кызляръ-аги, говоря чшо она владѣешъ секретомъ, чшо бы спасши кадыню. Кызляръ-ага ее принялъ; она, упавъ къ нему въ ноги, и поцѣловавши его шуфлю, объявила ему, чшо у нея ешь мужъ, кошорый подъ видомъ безшалавиаго рыбака скрываетъ много шайныхъ познаній и владѣешъ наукою исцѣляшь всѣхъ родовъ недуги, но по варварскому капризу не хочешъ упошребляшь свои познанія къ пользѣ чловѣчешва. Она прибавила, чшо сама недавно была больна именно пою болѣзнію, кошорою шпрадала кадыня, и онъ по любви ее исцѣмилъ, шпрого запрешивши обшпомъ кому нибудъ говоришь. Для Кызляръ-аги было довольно: онъ послалъ за рыбакомъ, принялъ его ласково, и объявилъ ему какія награды ожидали шасишеля кадыни. Рыбакъ долго не понималъ о чемъ идешь дѣло; вельможа выдалъ ему нѣсколько мѣшковъ шасшровъ, надѣлъ

на него собственную свою богашую шубу, употребилъ всѣ возможные убѣжденія, чтобы склонить его приняться за леченіе, и видя, что онъ упорно отказывался и призывалъ всѣхъ Сивамбульскихъ рыбаковъ въ свидѣтели, что все его искусство состоитъ въ рыбной ловлѣ, — Кызляръ-ага велѣлъ своимъ невольникамъ разложить его, и дать ему пятьдесятъ палокъ по пятамъ. Рыбакъ перенесъ боль, продолжая божиться, что онъ ничего не смыслилъ въ медицину. Кызляръ-ага далъ ему два часа на размышленіе, и потомъ возобновилъ ему свои предложенія, и опшипалъ ему еще сто палокъ; послѣ чего далъ ему еще два часа, и объявилъ съ хладнокровною рѣшимостію Турецкаго вельможи, что по истеченіи этого срока ему дадутъ двѣсти палокъ и въ заключеніе посадятъ на-колѣ. Когда настала роковой часъ послѣдняго испытанія, рыбакъ видя, что дѣло идетъ не на шушку, объявилъ Кызляръ-агѣ, что онъ рѣшается лечить кого угодно, хотя бы самаго Султана. Тотчасъ явленіе переменилось: новый докторъ, котораго едва могъ держаться на распухшихъ своихъ ногахъ, былъ осыпанъ ласками, наряженъ въ докторскій

костюмъ*, и введенъ во внутренніе покои къ больной кадынь. Онъ засталъ ее въ болѣзненномъ усыпленіи; собрался съ духомъ, оправился какъ могъ, и долго щупая ее пульсъ и на удачу спрашивая о симптомахъ ея болѣзни, размышлялъ о томъ, какъ бы сыгралъ сподъ новую для него роль. Наконецъ, какъ бы вдохновенный общаанною рѣшимостію, велѣлъ выбросить вонъ все декоратива, которыя давались ей въ одно время отъ разныхъ докторовъ, и вынесши изъ комнаты все вазы съ цвѣтами, отъ конхъ атмосфера была напитана тяжелымъ ароматомъ; имѣлъ даже довольно смѣлости чшобы приказать наперешъ ей руки и ноги крѣпкою горчицею, хотя Кызляръ-ага замѣшилъ, что она больна головою а не ногами.

Выходя отъ кадыни рыбакъ былъ встрѣченъ съ почестями; богашій кадыкъ и невольники были въ его распоряженіи, и Кызляръ-ага ласково возобновилъ ему свои десныя обѣщанія, увѣривъ его, что онъ будетъ совершенно свободенъ, но шолько съ шѣмъ чшобы два вѣрныя

* Такъ какъ все сословія узнаются по формѣ шапокъ, докторъ носилъ собольи высокія шляпы; имъ дозволяется также носить желшныя шуфли и яркіе цвѣловъ кафшаны.

раба его сопровождали, чтобы онъ возвратился на другой день. Но нашъ рыбакъ уже не думалъ бѣжать; онъ рѣшился испытать свое счастье, и хотѣлъ онъ былъ твердо убѣжденъ, что въ случаѣ смерти кадьяни его ожидала висѣлица или колъ, но хотѣлъ насладиться своимъ новымъ родомъ жизни пока кадьяня не умирала. Онъ обѣщался приготопить лекарство, и всю ночь съ своими спорежами ходилъ по горамъ собирая на удачу разныхъ травъ, изъ коихъ составилъ пилюлю для больной. На другой день кадьяня почувствовала облегченіе, и черезъ нѣсколько дней она совершенно оправилась, къ чеспи новаго докшора, коего весь курсъ медицинны сосполялъ въ соннѣ палочныхъ ударовъ, и къ чеспи профессора Кызляръ-аги, подарившаго Спамбулу эшаго «мудреца» съ апешшапомъ на раснухшихъ пятахъ. Щедрошы Сулшана излились на него, и онъ рѣшился продолжать новое поприще начатое, хотѣя подъ палками, но споль счастливо. Онъ имѣлъ довольно совѣсши, чтобы не морить довѣрчивыхъ людей, и потому взялъ къ себѣ въ помощники хорошаго аптекаря, ввѣрилъ ему пайну своей науки, и уступая ему часпъ своего сбора, учился у него граммощъ и

лапинскимъ выраженіямъ, необходимымъ въ кон-
силіумахъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ сдѣлался
въ самомъ дѣлѣ однимъ изъ лучшихъ докто-
ровъ Сшамбула, или по крайней мѣрѣ пользова-
лся въ своихъ леченіяхъ посшояннымъ щасшіемъ.

ГЛАВА VIII.

ПОПРИЩЕ ИСКАТЕЛЕЙ ПРИКЛЮЧЕНІЙ.—КЛОССО, ПИВОВАРНЯ И СУЛТАНСКАЯ ЛОШАДЬ.—ПЕРА И ЕЯ НАСЕЛЕНІЕ И ЕЯ НАЦІИ.—КАТОЛИКИ-ИЗУВЪРЫ И АББАТЪ ЖАНСОНЪ.—ЛЪТНІЕ ВЕЧЕРА И КЛАДВИЩЕ.—ДЕРВИШИ МЕВЛЕВИ.—ИХЪ РЕЛИГІОЗНЫЯ ПЛЯСКИ.—ИХЪ ПОПОЙКИ.

Врачебное поприще остаётся послѣднимъ средствомъ существованія для Европейцевъ, которые играютъ со слѣпымъ счастьемъ въ жмурки въ обширной Имперіи Султана; они берегутъ эшотъ родъ шарлашанства на худой конецъ. Самые швердые и предприимчивые оспались въ военной службѣ; многіе сдѣлались ренегатами—не по необходимости, а по вкусу, потому что Султанъ не пребуентъ эшого опъ своихъ Европейскихъ офицеровъ. Послѣ графа Бонивала, о коемъ мы упомянули, другой Французъ, баронъ Дешотъ, при Селимѣ, вступилъ въ Турецкую службу, и открылъ математическое училище въ Адмиралтействѣ; онъ жаловался попомъ, по возвращеніи своемъ въ Европу, на упрямое невѣжество своихъ учениковъ. Онъ образовалъ впрочемъ для Турецкаго флота нѣсколько офицеровъ свѣдущихъ въ начальныхъ правилахъ геометріи, и

способныхъ измѣришь секстанпомъ высоту солида. Пошомъ это училище было совершенно забыто, и правовѣрные флоты совершали свое годовое плаваніе по Архипелагу безъ ухищреній Европейской мореходной науки. Султанъ Махмудъ въ первомъ порывѣ своихъ преобразованій возобновилъ морское училище, и въ твердой волѣ сдѣлать своихъ подданныхъ математиками и астрономами, заставилъ много молодыхъ людей также усердно заниматься геометрическими фигурами, какъ регулярные полки маневрами. Старые ученики Дешопа сдѣлались профессорами, и принялись опять за забытыя проблемы кашешовъ и гивошенузы; нѣсколько Европейскихъ офицеровъ поступили къ нимъ въ помощники; но эта часть нововведеній чувствительнѣе описана опъ всѣхъ другихъ, по общему невѣжеству учащихся и учащихся.

Послѣдователи графа Бонивалл и барона Дешопа занимають теперь разныя должности въ Султанской арміи. Между ними наиболѣе извѣстны генераль Болле и баронъ Болле, образователи генеральнаго штаба, и полковникъ Калоосо. Походженія послѣдняго весьма любопытны. Онъ родомъ изъ Піэмонты. Подъ Наполеоновскими

орлами онъ дослужился до чина ротмистра въ Ишало-галлическомъ войскѣ Принца Эвгенія Богарнэ, и когда Французская Имперія распалась, вступилъ шѣмъ же чиномъ въ армію возстановленнаго Савойскаго дома. Въ продолженіе шестилѣтняго всеобщаго мира военная жизнь въ полкахъ Сардинскаго Короля показалась ему скучнѣе монашеской: припомъ же онъ не имѣлъ другой перспективы, какъ вѣкъ служилъ капитаномъ и умереть въ томъ же чинѣ.

Надѣясь на повышеніе въ другомъ порядкѣ вещей, онъ принялъ участіе въ бунтѣ 1821 года; но вся комедія Піэмонша кончилась ровно въ мѣсяць; Австрійскія войска поспѣшили на помощь съ старому Королю Виктору Эммануэлю, и карбонари принуждены были спасаться бѣгствомъ. Калоссо, блуждавшій изъ города въ городъ, пріѣхалъ наконецъ въ Констанцинополь. Тогда еще не было рѣчи о преобразованіяхъ; чувство военной чести не позволяло ему сдѣлаться *signor medico*; вся его наука состояла въ верховой ѣздѣ и въ командованіи эскадрономъ, — и эта наука была совершенно бесполезна среди вѣчно пѣщей, торгующей толпы его соотѣчественниковъ, поселившихся въ Перъ. Нѣсколько времени Калоссо

жилъ скудными ихъ подаваніями, скипался полубосый по грязному предмѣстію, и ожидалъ опкрытія ваканціи прикащика въ какой-нибудь конпоръ. Наконецъ какой-то Швейцарецъ, большой прожекшёръ, вздумалъ удесяперить свой капиталъ опкрытіемъ поршернаго завода на Босфоръ, и взялъ Калосо въ прикащики. Бывшій рошмиспръ «великой арміи» занялся усердно разливаніемъ поршера въ бупыки. Къ несчастію, ихъ поршеръ оспавался въ совершенномъ небреженіи у жипелей Сшамбула. Прожекшёръ имѣлъ въ виду единспвенно шонъ спихъ Корана, кошорымъ запрещается правовърному упошребленіе вина, и былъ швердо убѣжденъ, что вопреки Пророку, непредвидѣвшему его запѣи, онъ спанешъ поишь до-пьяна мусульманъ любимымъ напишкомъ Англии и Германіи, и что они съ воспоргомъ примушь Вакхическую сиешему съвера, — а шого не расчипалъ, что Турки избалованы шербешами и сласпями, и что горечъ поршера будешъ имъ вовсе не по вкусу. Дѣйспвишельно, шѣ изъ нихъ, кошорые рѣшились опшвѣдашь Европейскойбузы, сдѣлали гримасу шоржеспвенно объявили, что она никуда не годишся. Что касается до Европейскихъ моряковъ, на кошо-

рыхъ шакже полагагася предпріимчивый Швейцарець, шо они шѣмъ шолько и блаженны подѣ могучимъ скипешромъ Сулпана, что могутъ досыща за безцѣнокъ напивашься сладкими винами, и ихъ папріопизмъ вовсе не просшираешся шакъ далеко, чтообы предпочишашь невинный поршеръ проклятому Тенедосскому и Самосскому винамъ. И шакъ, поршерный заводъ, расположенный въ Терапъ, въ самомъ живописномъ мѣсположеніи Бесфора, скоро былъ включенъ въ списокъ несостоятельныхъ спекуляцій, и Калоссо оняшъ осшадся безъ мѣспа. Но въ Конспаншинополѣ уже наступала эпоха проекшовъ, важнѣе и прибыльнѣе пивоварни.

Одна изъ Сулпанскихъ лошадей долго не давалась сѣдокамъ. Калоссо вызвался ее выѣздишь: эшимъ онъ сѣмался извѣспнымъ Сулпану и обрашилъ на себя его вниманіе, когда Махмудъ началъ формировашь первый кавалерійскій эскадронъ своей гвардіи по Европейскому образцу. Обученіе эскадрона было ввѣрено Наполеоновскому офицеру. Вскорѣ самъ Сулпанъ рѣшился научишься ѣздишь по-Европейски, на маленькомъ сѣдлѣ и на длинныхъ спременахъ. Онъ взялъ себя Калоссо въ учители. Сулпанъ Махмудъ счи-

стался однимъ изъ лучшихъ вѣдоковъ своей Имперіи на старинный Турецкій манеръ, и шенерь онъ вѣдѣлъ прекрасно въ гусарскомъ сѣдлѣ; но въ одномъ изъ первыхъ уроковъ Европейской вѣзды, когда Калоссо заставилъ его скакать въ манежѣ на неосѣдланномъ конѣ, онъ захошѣлъ слишкомъ рано выполнить какую-то эволюцію, показанную ему училелемъ, и съ непривычки, потерявъ равновѣсіе, владыко правовѣрныхъ неминуемо упалъ бы на-земь безъ распорочности Калоссо, который его подхватилъ и спасъ отъ приключенія, сопряженнаго съ ужасными послѣдствіями. Надо знать предрасудки Турокъ и то, какое впечатлѣніе сдѣлало бы на умы царедворцевъ, войска и народа это незначашее обстоятельство, чтобы вполне цѣнить заслугу Калоссо. Съ той минуты онъ сдѣлался однимъ изъ любимцевъ Махмуда, — пожалованъ въ полковники; награжденъ значительными подарками и содержаніемъ, — и его образованность, его любезность, запятанные прежде подъ рубищемъ несчастія, и вдругъ блеснувшія въ немъ, вмѣстѣ съ богатымъ гусарскимъ мундиромъ, а болѣе всего частые случаи видѣнья съ монархомъ, доставили ему уваженіе первыхъ вельможъ: мно-

гіе даже изъ членовъ дипломатическаго корпуса Перы ищуть его дружбы.

Безъ сомнѣнія подобный прыжекъ изъ пивоваровъ въ кавалерійскіе полковники, въ любимцы Султана, можеть сильно воспламенить воображеніе искашелей счастья, но, къ досадѣ, милость Падишаха рѣдко достаеися незваннымъ госпямъ, и Европейцы, прїѣзжающіе сюда опредѣляясь въ службу, большею частію валяющіяся въ Перотской грязи, кошорая гораздо неоприятнѣе грязи всѣхъ Европейскихъ столицъ.

Но все это только второстепенные эпизоды въ картинѣ, кошорую представляесть вся Пера съ толпою праздношашающихся поней Европейцевъ, даже съ песпрымъ своимъ народонаселеніемъ, кошорое ведесть свой родъ опъ Генуэзцевъ, владѣвшихъ эшимъ предмѣспіемъ при Византійскихъ Императорахъ, хоша генеалогія его весьма темна и сомнительна, и съ каждымъ днемъ песпрѣесть еще болѣе опъ поспояннаго спеченія выходцевъ всѣхъ народовъ. Забавно смотрѣшь на эписхъ людей, когда они въ чудныхъ своихъ нарядахъ, составленныхъ изъ смѣси Европейскаго съ Азіятскимъ, и надушые двумя огромными спѣями, Европейскою и Азіятскою,

расхаживающъ по улицамъ, суешаяся по базарамъ, важничаящъ по крикливымъ приспанямъ и гуляющъ по кладбищамъ.

Предспавыше себъ десящъ, пящънадцащъ или болъе разнохаракшерныхъ купъ, кошорыя избражающъ сполько же Европейскихъ племень, перемъшанныхъ и образующихъ родъ винегреша на холмъ Перы, и кошорыя при всякомъ «важномъ полишическомъ событіи», какъ шо, пріѣздъ новаго посланника, аудіенціи у Визиря, шабельномъ праздникъ, или балъ въ посольспвахъ, опдѣляющся однъ опъ другихъ, чшобы соспавишь шакъ называемыя «націи Перы». А націею въ Перъ называется сословіе всѣхъ подданныхъ какой нибудъ Хрисціанской державы, живущихъ здѣсь и въ другихъ мѣсцахъ Имперіи подъ непосредспвеннымъ вѣдомспвомъ своего посольспва, и управляющихся своими законами. Не должно думащъ чшобы эщи пящънадцащъ націй соспавляли по крайней мѣрѣ большую часщъ народонаселенія Перы; онъ всъ вмѣстѣ — едва десящая доля жшшелей предмѣспія, въ кошоромъ сщшпаешся до пящидесящи шысячъ душъ обоого пола. Но онъ шакъ шумящъ, шакъ чванящся шѣмъ, чшо не признающъ надъ собою власши

Султана, что могутъ безнаказанно смѣяться въ глаза всѣмъ Турецкимъ кадіямъ, и что ихъ пяпы недоспунны палкамъ Боспанджи-баши, что вы скорѣ примете ихъ за вашугу Крестноносцевъ, идущихъ на завоеваніе Востока и случайно оспановившихся въ Визанціи при ея Императорахъ, нежели за мирныхъ иносстранцевъ, пользующихся только правомъ госпепріимства въ чуждой имъ державѣ. Конечно это нисколько не мѣшаетъ усерднѣйшимъ мусульманамъ честишь ихъ, по старой привычкѣ, невѣрными, огнепоклонниками и даже собаками, но эти слова уже потеряли свое значеніе для народа, и при всѣхъ его религіозномъ презрѣніи къ Европейцамъ, въ немъ проглядываетъ страхъ, внушаемый гяурами. За это Европейцы, живущіе въ Константинополѣ, должны бытъ благодарны оружію Русскихъ и Задунайскимъ ихъ подвигамъ; но они не благодарятъ ихъ ни мало, и большею частію дѣлаются усердными Турецкими папріошами.

Значительнѣйшую часть коренныхъ жилищей предмѣстія составляютъ каполики — и каполики не на шупку: ужъ не попадайся имъ ерешикъ. Они предпочитаютъ Турка Хрисціан-

скому иновѣрцу, и въ фанатизмъ не уступаютъ самимъ Армянамъ Сшамбула. Теряя постепенно, со времени своего поселенія въ Перъ, свою національную физиономію, они замѣнили любовь къ забытымъ родинамъ привязанностію къ догматамъ предковъ, выражаемою преимущественно жестокою ненавистію ко всемъ другимъ исповѣданіямъ.

Опъ времени до времени пылкой миссіонеръ католическаго Запада приходитъ поджигать новымъ факеломъ ихъ рвеніе. Недавно былъ въ Перъ извѣстный французскій аббатъ, Жансонъ-Форбенъ, на возвращномъ пути изъ Іерусалима. Эпощъ проповѣдникъ, вмѣсто того, чтобы у гроба Спасителя научиться смиренію, першности и кротости христіанина, воспламенялся шамъ несповымъ негодованіемъ на «ереси.» Увлеченный жаромъ своего воображенія или реакціею за заблужденія бурной юности, онъ разшевелилъ проповѣдями своими въ здѣшней католической церкви всю ненависть здѣшнихъ католиковъ противу грековъ и протестантовъ. Главнымъ предметомъ своихъ проповѣдей избралъ онъ опасность всякихъ сношеній, особенно кровныхъ связей; Римскихъ католиковъ съ

христіанами другихъ исповѣданій; и такъ какъ всякое краснорѣчіе согрѣшное воображеніемъ и направленное миссионерствомъ сильно дѣйствуетъ на пылкій умъ женщины, то слѣдствіемъ его возгласовъ были безчисленные семейные раздоры. Многія матери семействъ этой Церкви, которыхъ мужья были протестанты или греки, пробудились съ религіознымъ испугомъ, и ихъ долготѣпнее домашнее счастье показалось имъ продолжительнымъ грѣхомъ: разрывая священныя узы семейной жизни, онѣ вдругъ покинули своихъ супруговъ и дѣтей, чтобы раскаяніемъ купить свое спасеніе. Въ Смирнѣ поведеніе Жансона было еще преступнѣе. Въ этомъ городѣ нацѣль онъ совершенный миръ между христіанами: когда проповѣди его начали превозносить, протестантскій паспортъ вснушилъ съ нимъ въ богословское и нравоучительное прѣніе, не о догматахъ вѣры, а о вредѣ и соблазнѣ, происпекающихъ отъ подобныхъ раздоровъ въ спрадѣ магомешанской. Благоразуміе прѣбовало производить такія прѣнія вшайнѣ, чтобы не возжигалась взаимной ненависти приверженцевъ шой и другой церкви; но аббатъ въ одной изъ своихъ громовыхъ проповѣдей показалъ нисьма, пи

санныя по этому предлогу протестантскихъ настоятелей, началъ со злобою инвертять слова мира, и до того воспламенилъ своихъ слушателей, что фанатическая толпа, всплывъ въ церковь, бросилась въ домъ исповра, чтобы расперзаныя сретника. Къ счастью, вонуда лопали дщера, исповра успѣлъ спастись на крышу соседняго дома, и поспѣшилъ оповѣстить городъ.

Можно себя предсказать, какое значительное производятъ подобныя соблазны надъ умомъ Турокъ, копорыхъ замотъ, не смотря на свою непереносимость, допускають однако браки между магометанами и христіанками. Въ одинъ змотъ день Смирскіе мусульмане болѣе восклицали — гауръ! и — собака! жежели вся османская Турція въ теченіи нѣлаго послѣднѣго вѣка.

Въ прежнее время каверы иногда носыщали Турцію; теперь носыщаютъ ее сенсимонисты. Надъ червьями Турки смѣлись, но сенсимонистовъ они не шерняютъ, потому что проповѣдуемая ими свобода женщины вовсе не согласна съ ихъ выгодами и можетъ побунтовать вся гаремы.

Кромѣ домашнихъ церквей посланниковъ, капольки, какъ владычествующая касна въ Цервь,

имѣющъ двѣ церкви, имѣющъ своиѣ Капуциновъ и Езуитовъ и исключительное право звонить въ два хришчяе колокола, которыя, какъ извѣстно, уничтожены во всѣхъ Турецкихъ земляхъ, чшобы не будить ангеловъ, пѣчивающихъ на куполахъ мечешей.

Дѣломъ высшее общество Перы, ея дипломатическій кругъ и семейства богатыхъ банкировъ живутъ на Босфорѣ, въ Терапъ и Буякдере, въ деревнѣ Санъ-Стефано и на Княжескихъ Островахъ. Однимъ только купеческій классъ всѣхъ націй наполнился въ базарахъ Галашы и одушевляетъ своей суевливостью длинную улицу, выходящую вдоль всего предмѣстия. Но теперь весь холмъ Перы гремитъ оглушающимъ шумомъ пожара. Пожаръ 1831 года превратилъ это богатое предмѣстие въ кучу пепла. Этого пожара былъ одинъ изъ ужаснѣйшихъ, какіе только въ памяти у Константинопольскихъ жителей, привыкшихъ впрочемъ стипать тысячами дома, испребляемые попеременно энимъ бичемъ Константинополя. За то они приучились спроситься съ неизвѣрною скоростію; земля еще не остыла отъ пробѣжавшаго по ней пламени, и среди кучъ золы поднимаются новые

домы въ три этажа, также деревянныя, также прилѣпленные одинъ къ другому, и со всеми удобствами, чтобы сдѣлаться жертвами новаго пламени.

Пойдемъ лучше, по здѣшнему обычаю, подышать вечернимъ воздухомъ на одномъ изъ кладбищъ Перы. Ихъ бѣлые мраморы и вѣчнозеленыя кипарисы обложили съ разныхъ сторонъ красивую мозаикою погорѣлое предмѣстье, какъ-будто для того, чтобы заключить въ раму неизмѣннаго покоя смерти и постоянства гробоваго бытїа карпину судорожной дѣятельности чело-вѣка на пепелищѣ его города.

При вечерней прохладѣ группы жителей Перы всѣхъ сословій, всѣхъ народовъ, всѣхъ вѣроисповѣданій, группы пестрыя, причудливыя, странныя, блуждаютъ въ Кючюкь-Мезарлыкъ, или «Маломъ Кладбищѣ», и сидятъ между надгробными мраморами, со всемъ безспасиѣемъ, какое только внушается привычнымъ сближеніемъ со смертію въ спираніи чумы, пожаровъ и вѣчныхъ кровопролитій. Мусульмане по крайней мѣрѣ сохраняютъ и здѣсь свою ненарушимую важность, на которой, какъ и на всей ихъ жизни, отражается спокойствіе гробницъ; но вы невольно

ощущаете неяркое впечатлѣніе при видѣ болшливыхъ Перошовъ и Перопокъ, которые сходясь по вечерамъ сюда съ хлопотливою веселостью своего Леваншскаго нрава, со всеми шлепнями своихъ шѣсныхъ круговъ, шумно цолкуютъ о своихъ оборотахъ, рассказываютъ свои продѣлки, разсыпаютъ свой мелкій жишейскій бытъ на величій могильномъ, или въ завѣщный часъ сумрака назначаютъ любовныя свиданія среди обширнаго поля смерти. По праздникамъ жиды скоморохи забавляютъ гуляющихъ: шаманская ихъ музыка, обильныя возліанія Вакху, шумное веселіе гуляющей шодпы немилосердо шревожатъ докой мершвецовъ. Я не могу объяснить себѣ, какимъ образомъ Турки, имѣя споль спрогія понятія о неприкосновенности гробницъ и спокойствіи усопшихъ правотѣрныхъ, допускаютъ подобныя оскверненія могильной святыни, ненарушимой у всѣхъ другихъ народовъ.

Одно шолько кладбище дервишей Мевлеві, расположенное кругомъ *теккіе*, или монастыря эшихъ опшельниковъ, въ одномъ изъ лучшихъ мѣстоположеній Перы, свободно опъ гуляющихъ. На немъ воздвигнутъ надгробный памятникъ славному Халедъ-эфенди, о кошоромъ мы

уже имѣли случай говорить. Кроме своего ма-
зоеля, Халенгъ-эфенди оставилъ эшмиъ дерви-
шами, къ сословію которыхъ принадлежалъ онъ
самъ, богатую библиотечку и разные вклады.
Онъ также обновилъ и украсилъ шеккиё, въ ко-
шоромъ совершаются ихъ мистическія пляски.
Дважды въ недѣлю жишели Перы могутъ ви-
дѣть это спрванное зрѣлище, но въпорникать и
по яшишицамъ въ первомъ часу по полудни.

Созерцательная жизнь дервишей Мевлеви одно-
образно протекаетъ на возвышеніи, съ кото-
раго ихъ взоръ обнимаетъ сполнцу, Босфоръ
и окрестности, — весь эшопъ обширный ше-
ашръ, гдѣ шакъ быширо развиваются въ гла-
захъ внимательной Европы проекши преобразо-
вашеля Турецкой Имперіи.

Но Мевлеви не принимаютъ въ нихъ участія:
ни перемѣны костюмовъ, ни усширойство регу-
лярнаго войска, до нихъ не касающся. Сохраняя
свои высокіе оспроконечные колваки и небрежно
драпированныя маншин, они врисущисшбуютъ какъ
безспрасштные зриштели въ великой драмѣ Мах-
муда; блуждаютъ по Сшамбулу среди непознае-
мой шолпы населенія, одвшато имъ въ однооб-
разное платье, и по прежнему соблюдаютъ по-

музыкальные обряды своего ордена. Они всегда были известны своей зрелищностью, а нынче составляют ряд анжурейской сцены между опротивевшими последователями Корана, любить застольное веселье, и, после утомительных перерывов, которыми добиваются просвещения свѣта, съ удовольствіемъ плянуть «ночную влагу» въ ночномъ уединеніи.

Я нѣсколько разъ былъ зрителемъ ихъ религиозныхъ плясокъ. Толпа любопытныхъ людей народовъ каждый разъ ожидала у рашепки, нова опирокота ихъ свѣтальце. Входъ въ мечети болѣе или менѣе воспрещенъ иностранцамъ, но въ ихъ шеккѣ позволено бывашъ Христианамъ, и даже Евреямъ. Женщины всегда составляли большую часть этой толпы. Турецкія семейства, кадыни, ихъ дѣви и невольницы, были расположены на правѣ или на мраморныхъ ступеняхъ предверій храма. Затворническая жизнь Турчанокъ заставляла ихъ жадно вскашъ зрѣлицъ, которыя придаютъ сколько небудь разнообразія ихъ быту. Широкіе фереджѣ (фериан, илиши) закрывали все ихъ шило; головы ихъ были закутаны въ бѣлую кассю, предоснававшую

любопытству нашему только черные их глаза и часть ланишь, которыхъ блѣдно-машова бѣлизна можешь быть цвѣтомъ ушюмленныхъ страшей юга, но не согрѣша его солнцемъ. Армянки были одѣшы такимъ же образомъ, и ошличались только цвѣтомъ плашня и непріятнымъ оппечашкомъ грубой, вялой, сидячей жизни своего племени: онѣ пакъ рано толстѣють, чпо вся широта плащей не можешь скрышь ихъ лѣнивыхъ формъ; брови ихъ соединяюшся природою или кѣсшю въ дугу между глазами. Гречанокъ почти не было. Кромѣ цвѣша ферязей и шуфлей, нравственныя разносши полагали еще больше различія между предшавишельницами разныхъ исповѣданій: Турчанки рѣдко благоволили обрашшь рѣчь къ Армянкамъ и Жидовкамъ: въ ихъ рѣзкомъ и опривисшомъ шонѣ опзывалась вся гордосшь владычествующаго племени. Армянки съ покорносшю опускали взоры предъ женскимъ аристокрашизмомъ мусульманокъ, и презришельно опдѣлялись опъ Жидовокъ, кошорыя сосшавляли опдѣльную группу. Даже дѣши разныхъ религій держались другъ опъ друга въ какомъ-шо недружелюбномъ раз-

стойнии, опасаясь въ своихъ играхъ всякаго прикосновенія съ иновѣрцами.

Когда открылся шеккѣ, желшья шуфли Турчанокъ, красныя шуфли Армянокъ и синія шуфли Жидовокъ вдругъ пришли въ движеніе! Женщины вмѣстѣ съ дѣшми заняли назначенную для нихъ галерею, обведенную рѣшешкою, и сдѣлались невидимками: только изрѣдка лучъ чьего-нибудь взгляда мгновенно мелькалъ сквозь таинственную рѣшешку. На другой открытой галереѣ, кое-какъ сложивши ноги, усѣлся я среди Мусульманъ, расположенныхъ на полу, въ старой цыновкѣ.

Внутренность шеккѣ чрезвычайно проста. Архитектура его представляется Кипайскій многоугольникъ подъ оспроконечною кровлею; нѣсколько деревянныхъ колоннъ и рядъ перилъ отдѣляютъ зритель отъ мѣста, гдѣ совершается обрядъ. Надъ дверьми, въ небольшой галереѣ, находится оркестръ, составленный изъ нѣсколькихъ восточныхъ флейтъ и лилавръ, и хоръ поющихъ дервишей. Огромнаго размѣра Арабскія надписи изъ Корана украшаютъ стѣну съ восточной стороны. Зеленая подушка для наспояшеля ордена и нѣсколько цыновокъ для

браным, — вошь все внутреннее убранство. Сре-
дняя зала, назначенная для круженія, полиро-
вана какъ стекло.

Наспопыхалъ, сухой сваракъ скелетнаго цвѣ-
та, въ зеленой машинѣ и съ зелеными шорба-
нами на огромномъ деревянномъ полкѣ, си-
дѣлъ на подушкѣ въ восточной споронѣ залы,
обратясь къ зрителямъ и неподвижно какъ ис-
ступанъ. Три сваракъ дерева сидѣли на сто-
решамъ, сложивъ руки, понушивъ взоры и не-
измѣняя спокойнаго выраженія въ лицѣ. Тутъ
вошло принадлежанъ другихъ деревней въ парад-
номъ платьѣ ордена, — узкихъ деломанѣхъ и ни-
ракой драпировкѣ изъ сукна самыхъ яркѣхъ цвѣ-
товъ, перешагнувшей ремнемъ кругомъ пояса и
выскачей до земли. Они сѣли въ средній кругъ,
въ ровномъ рядѣ одинъ снъ другого разстоянїи. Но-
двѣжностъ ихъ взгляда, опущеннаго долу, бо-
лѣзненная блѣдостъ лицъ, высокіе колпаки,
длинные сѣдые бороды и разщепленная одежда
самаго фанатическаго покроя придавали имъ
невыразную манисивенностъ: въ мозгъ вооб-
раженїи бродили балладные мерзавцы.

Хоръ протѣлъ выспѣвъ съ музыкую свое-
Аллахъ иль Аллахъ; вошемъ наспопыхалъ про-

извѣсь пропѣжнымъ несомнѣнъ голосемъ молни-
 ву, при копорой всѣ деревни снами на колѣ-
 ни: опть времени до времени они клали земныя
 поклоны, и согласно издавали глухой звукъ, —
 Гу! — (Онь!), выходящій какъ-будто изъ вну-
 тренности ихъ груди. Нѣсколько минуць на-
 спивовало глубокое молчаніе. Хоръ началъ про-
 пѣжное и пѣное пѣніе, сопровождаемое пѣльми
 чувъ слышимыми вздохами испруменщювъ. Дер-
 винни проходили кѣрными шагами передъ насно-
 ливелемъ, оспанавливались, поклонались ему до
 земли, и начинали свое круженіе на пѣпяхъ, —
 сперва медленно и сложивъ руки на груди. Му-
 зыка носпешенно дѣлалась громче, хоръ издавала
 восклицанія во славу Аллаха, и круженіе дерев-
 ний сивановилось живѣе. Они пропѣнули руки.
 Пѣлы ихъ широкой дращировки подыались на воз-
 духъ, и образовали огромные вертѣвщіеся круги,
 среди копорыхъ блѣдные деревни казались вер-
 тѣвщимися куколками. Музыка пѣніе и восклица-
 нія хора слились наконецъ въ дикій, оглуши-
 тельный гулъ; шумъ и воспороженное круженіе
 деревней кривели, казалось, шекіе въ содроганіе.
 Но — среди самой большой суматохи — знакъ,
 давшій невидимо, невзначай оспановить разомъ

и музыку и дервишей. Они очутились въ пѣть же разсплюснѣхъ одинъ опъ другого, шакъ при началъ представленія, — онаясь недвижные и блѣдные какъ мершвецы.

Невозможно себѣ представившь, какой сильнѣй эффектъ производивъ это мгновенное прерваніе музыки, пѣсень, пляски. Ихъ дикая гармонія шакъ овладѣла нами, что мы находились какъ-будшо подѣ вліяніемъ волшебной силы: превращаясь всякъ существомъ въ зрѣніе и слухъ, мы нечувствительнаго упились эпною фаншасмагоріею, и шеккіе съ своего спранноу аршинеклу-рою, и эпи кружащіяся вихри, и судорожные звуки эпой музыки, и чудныя восклицанія спарцевъ, слились было для насъ въ неразгаданное видѣніе. И вдругъ это все прекратилось, омершвѣло, — какъ-будшо съ послѣднимъ шрескомъ оркестра лоннула пружина огромной машины. Я невольна содрогнулся, когда послѣ продолжительной, поспешенно возрасшавшей бури, сдѣлалась вдругъ глубокая шинаина, и все какъ-бы окаменѣло. Послѣ крашпаго опдыха дервиши начали онаясь пляску прежнимъ порядкомъ. Это возобновлялось шри раза, и каждый разъ ихъ круженіе дѣлалось быспрѣе и продолжительно-

нѣе; музыка также издавала звуки болѣе рѣзкіе, унылый голосъ воспочныхъ флейтъ (*ней*) усиливался до самыхъ дикихъ и раздражающихъ слухъ гуденій, глухое спенаніе лишавръ и барабановъ обращалось въ спрашные, разорванные удары грома, пѣніе Дервишей разбивалось въ бѣшенныя, дрожащія восклицанія.

Плясуны кружились безоспановочно и съ немовѣрною скоростью около двадцати минушъ; потъ ллся съ нихъ градомъ; блѣдность ихъ лицъ опѣнялась желтыми и синими опливали; но когда они оспанавливались, ни малѣйшее движеніе успалоспи не измѣняло ихъ глубокому смиренію: глаза также были опущены и почти закрышы, руки также недвижно сложены на груди, даже дыханіе не спановилось сильнѣе и грудь не приподнималась. Во все продолженіе пляски начальникъ ихъ шеккіе ходилъ между ними, по всемъ направленіямъ, мѣрными, почти незамѣпными шагами; и въ самомъ изспупленномъ ихъ круженіи, когда круги, очерченные на воздухъ прошынушыми руками и длинными полами плашья, почти дошпрогивались одинъ къ другому, эшопъ шаинспвенпый спаричекъ, сгорбленный и въ

ихъ пляски и музыки; они ихъ подозреваютъ даже въ тайномъ ученіи, не совсемъ согласномъ съ догматами исламизма, но ирской народъ ни-нашегъ къ нимъ большое уваженіе; во всякомъ шурецкомъ городѣ найдете или гробы деревяшней, служащія предметомъ всеобщаго благоговѣнія, или даже живыхъ святошъ и кудесниковъ, которые выводятъ сильное вліаніе на умы черни и иногда играютъ значительную роль въ политическихъ событіяхъ. Турецкая исторія наполнена подобными примѣрами, и нередко могущественные султаны, по собственному ли суеврѣю, или властью данъ народному суеврѣю, оказывали инициамъ деревяшкамъ знаки глубокаго уваженія и даже терпѣли отъ нихъ упреки.

Орденъ деревяшней Мевлеви болѣе всѣхъ другихъ уважаешся въ Турціи; внимъ онъ обязанъ памяти основателя своего славнаго Мевлана, ирзваннаго Молла-Хункяромъ и жившаго въ Иконіи при Эрзогруль. Слава о его святошини наполняла тогда всю Анаполию; Султанъ ипрорсилъ его благословенія сыну своему Осману; Молла-Хункяръ предсказалъ молодому князю блистательную судьбу его племени и его народа, и прибавилъ что щасіе шурецкаго оружія

и величіе его преемниковъ будущъ прочны, до-
коль они будущъ пишашъ къ попомсшву его ша-
кое же уваженіе, какое оказывалъ ему султанъ,
его опецъ. Попомсшво Молла-Хункяра и ше-
перь пользуется уваженіемъ султановъ, и пре-
бываетъ въ Иконіи, гдѣ находится и главный
шеккіе дервишей Мевлеви; старшій въ родѣ его
постоянно облеченъ званіемъ гросмейспера или
начальника эпихъ дервишей, и даже носитъ
шишло султана. При возшествіи на престолъ
Махмуда онъ былъ приглашенъ въ Конспанцино-
поль и опоясалъ Султану наследственный мечъ;
а эпошъ обрядъ, совершаемый въ Эюбской ме-
чети, замѣняетъ у мусульманъ обрядъ въичанія.

Къ чести дервишей Мевлеви должно сказать,
что они ведутъ жизнь спокойную и добродѣ-
тельную: они выше бѣшеннаго фанатизма, ко-
шорымъ славяшся другіе дервиши. Они усердно
пляшутъ во славу Аллаха, но не вырываютъ
себѣ всѣхъ зубовъ, какъ это дѣлаютъ Іеменскіе
опшельники, въ память Пророка, кошорому вы-
шибли два зуба въ бившѣ, не привязываютъ
себя за волосы къ спѣнъ, чтобы не уснуть всю
ночь, и не перзаютъ своего шѣла раскаленнымъ
железомъ. Неблагопріятный слухъ, кошорый но-

силса въ прежніе годы объ употребленіи ими
непозволишельныхъ напишковъ теперь не опа-
сенъ, пошому что самъ намѣстникъ Пророка,
великій халифъ, разрѣшилъ правовѣрнымъ питье
вина, какъ увѣряють злые языки, собственнымъ
примѣромъ. Впрочемъ, законъ, воспрещающій
хмельные напитки, никогда не былъ такъ стро-
го соблюдаемъ въ Турціи, какъ о томъ думали
въ Европѣ: вопервыхъ Турки, такъ же какъ и
другіе народы, умѣють поковать законы, а
во-вторыхъ и оправданіе, въ случаѣ явнаго на-
рушенія этой статьи, не сопряжено съ боль-
шими трудностями: оно болшею частію со-
стоитъ въ томъ, чтобы виновный прочиталъ
передъ кадіемъ то мѣсто Корана, котораго ви-
но вредящся анаемъ. Ежели онъ въ состояніи
исполнить это какъ-нибудь, то, при помощи не-
большой взяжки, не считающся пьянымъ. Одинъ
даже изъ ихъ богослововъ-законодательей пре-
буетъ, чтобы, для обвиненія кого въ пьянствѣ,
онъ былъ не въ состояніи различить мужчину
отъ женщины. Да сверхъ того, на турецкомъ
языкѣ есть книга, подъ заглавіемъ — «Оспрошы
Ходжы Насиръ-эддина», которая составляетъ
любимое чтеніе низшихъ сословій, и гдѣ значи-

лиельная часть анекдотовъ относится къ пьянымъ кадиямъ.

Вкусу мистическаго сословія Мевлеви къ созерцательнымъ удовольствіямъ должно способствовать много и самое мѣстоположеніе ихъ монастыря. Онъ вѣнчаетъ вершину холма Перы и обладаетъ однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ видовъ Константинополя; кругомъ его раскинулась шель нѣсколькихъ пламатовъ, и шонкіе кинарсы поднимаются среди узорчатыхъ гробовыхъ мраморовъ. Суешная Пера, шорговая Галаша, Арсеналь, Аршилерійскія казармы заняли капризные уклонности полуострова. Съ другой стороны опирается взору широкое кладбище, которое шраурною обвязкою обшянуло городъ. Христіане и Магометане улеглись въ немъ ошдѣльными семьями, какъ они жили въ Спамбуль, вѣчно раздѣленные. Пошомъ голая гора, которая еще болѣе поражаетъ своею дикостію въ близкомъ сосѣдствѣ многолюднаго города, распанулась длиннымъ шатромъ до Еврейскаго предмѣстія и до Босфора.

Это все на первомъ планѣ необъятной панорамы, ошкрывающейся съ высокихъ оконъ дервишскаго шеккіе. Босфоръ разыгрался у оконеч-

ности Серали, и кинулся какъ рѣзвое дитя въ Мраморное Море, открывшее ему материнскія объятія. Романтическій замокъ дѣвы (Кызъ-Кулеси) съ чистою бѣлизною стѣнъ, омываемыхъ со всѣхъ сторонъ волнами, и съ яркозеленою пирамидальною кровлею, лежущъ какъ букетъ бѣлыхъ розъ на голубой маншіи Босфора. Зеленые пригорки и рощи расположились кулисами на Азіатскомъ берегу, и промежь нихъ видѣются уюшныя долины, по конимъ какъ змѣи вьющія живые ручьи. Дома и кіоски розовые, бѣлые и желтые, привилегированная жилища правотѣрныхъ, являющіяся вдоль береговъ, и одѣвають Босфоръ фантастическимъ вънцемъ своей восточной Архипекшуръ. Мраморное Море любовно львещъ мирную семью Княжескихъ Оспирововъ, шаря стѣны Византіи и дворець Сулпановъ. Сады, занимающіе промежутки Серальскихъ зданій, покрыты панисштвенною ивѣнью вѣчно-зеленыхъ деревъ, копорыя ревниво закрываютъ опъ самаго солнца пѣвныя красы гарема, и набрасываютъ дымку зеленоватого ошлива на бѣлыя какъ снѣгъ стѣны меланхолическихъ кіосокъ.

Пошомъ открываешя обширный Спамбулъ;

мозаика пѣсныхъ домовъ облѣпила семь его холмовъ; широкіе куполы Свяшой Софін, Сулпанъ-Ахмеда и множества другихъ мечешей опдыхающъ на массивныхъ зданіяхъ, и минарѣшы кажушся шовкими ливіями висящими на воздухъ. Европа и Азія какъ двѣ царицы сидятъ на Босфорѣ, смотряшся въ живое зеркало его водъ, и туманными объятіями сладострастно обхватили на горизонтѣ Мраморное Море и одѣли его роскошною драпировкою синихъ и фіолетовыхъ горъ.

Свѣтъ южнаго солнца какъ жизнь обливаетъ эту величественную каршину, шо полуденнымъ золотомъ дрожитъ на ней, шо набрасываетъ на нее розовое покрывало вечера, шо въ прозрачномъ туманѣ ушра рисуешь пошеряныя ея формы.

Нѣсколько разъ я наслаждался этими несравненными видами съ высоты дервишскаго шекіе, и благославлялъ память первыхъ опшельниковъ его строителей.

Г Л А В А IX.

Старина. — Сила воспоминаний. — Колонна Константина и греческаго искусства въ плѣну. — Колонна дѣвы и предаче. — Колонна въ Серафѣ. — Θεодосіева колонна. — Статуя Юстиніана и выставка головы. — Дворецъ Велисарія. — Вуколеонъ и эгиптское воспоминаніе. — Влахеры. — Богословское совѣщаніе. — Обувь. — Св. Софія и предаче. — Архитектура религии. — Торжество Юстиніана и послы св. Владиміра. — Нѣгота мечетей. — Театральное освѣщеніе. — Конь Магомета.

Часто въ моихъ прогулкахъ въ Конспаннинополѣ любилъ я оставлять на время Спамбулъ, городъ Сулпановъ, и переносился воображеніемъ въ Византію, надъ копорою еще послылся колоссальныя стѣны Греческихъ Императоровъ. Впечатлѣнія настоящаго займутъ васъ своею новостію, своимъ разнообразіемъ, но иногда вы почувствуете холодную усталость въ этомъ чудномъ калейдоскопѣ, въ копоромъ какъ-будто нарочно собраны рукою капризнаго художника всѣ спранности, всѣ предразсудки, всѣ суевѣрія сполькихъ спранъ и племенъ, обспавлены алымъ грунпомъ крови, освѣщены заревоиъ пожара, и среди нихъ раздаются только спонъ спрадальца и ревъ фанатика.

Можетъ быть и прошедшее Констанцино-
 ля чаще представишь карпины праура нежели
 веселыя карпины; естъ люди копорые видяшъ
 въ лѣщописяхъ всѣхъ спранъ одно грустное по-
 въсшивованіе вѣчныхъ бѣдъ чловѣчества, и лю-
 бяшъ обращаешъ свѣшильникъ исторіи въ погре-
 бальный факель. Но если Творецъ въ благости
 своей одарилъ наше воображеніе ушѣшитель-
 ною силою удерживашъ изъ прошедшихъ лѣтъ
 нашей жизни болѣе воспоминаній пріятныхъ, не-
 жели воспоминаній грустныхъ, если краткія
 мгновенія прошедшей радости могутъ длиться
 очарованіемъ памяти, какъ веселыя радуги, надъ
 горизонтомъ долгихъ лѣтъ шоски, если одна
 улыбка новой радости, какъ волшебница, разру-
 шаетъ тяжелыя зданія скорбей, подъ коими,
 казалось, намъ суждено было изныть — то пре-
 имущественно въ спранъ, гдѣ зрѣлище народ-
 ныхъ бѣдъ раздраешъ душу, мы обращаемся
 къ прошедшему, прося у него ушѣшительныхъ
 воспоминаній, шакъ какъ въ часъ печали мы
 вспоминаемъ дѣшскія радости.

Нѣсколько изувѣченныхъ колоннъ, развалина
 одного дворца, Христіанскіе храмы, обращен-
 ные въ мечети и въ звѣринцы, водопроводы и

тысячелѣтнія стѣны Константинополя — вопъ-
тно осмалось оупъ столицы Святаго Констан-
тина, вмѣспѣ съ семью ея холмами, копорые
брошены Провиднїемъ на зягоупъ прекрасный
берегъ, какъ-будто въ предзнаменованїе того,
что на нихъ долженствовала воцариться сто-
лица преображеннаго міра, преемница семихол-
ной столицы Тибра.

На пренѣемъ холмѣ Константинополя, на
древнемъ форумѣ, называемомъ нынѣ Таукъ-ба-
заръ, спомнѣ колонна Константина Великаго,
перенесенная имъ изъ Рима, и имѣющая 90 футъ
вышыны. На ней былъ Фидіасовъ Аполлонъ, увѣн-
чанный лучами, съ надписью: «Константину сіяю-
щему подобно солнцу». Колонна составлена изъ
восьми кусковъ Египетскаго порфира, и мѣдныя
обручи, въ видѣ вѣнцевъ, покрываютъ швы ея
часпей. Мышо видѣлъ въ нихъ изображенїе цѣней,
копорыми Аполлонова колонна окована у варва-
ронъ, какъ геній искусства въ плѣну. Аша Ко-
нина говоритъ, что спашуа и верхъ колонны,
поврежденной землятресенїемъ, ушли оупъ вѣн-
ра, и въ ея время искусства былъ въ степь-
жалкомъ состоянїи, что новой спашуа уже не
воздвигли, а колонну доопровли небольшоими

плитами камня, какъ и теперь видится. Она теперь называется «погорѣлая колонна», пошому что отъ пожаровъ вся почернѣла.

На четвертомъ холмѣ, недалеко отъ мечети Султана Мехмета, стоитъ колонна Марціанова, или «колонна дѣвы»; такъ называли ее въ древности, такъ называютъ ее и Турки: *Кызъ-тасы*. Можеть быть это названіе происходитъ отъ того, что на ней была статуя Венеры; но преданіе приписывало ей чудесную силу избавлять преступныхъ дѣвъ. Она Коринтскаго ордена, изъ одного куска бѣлаго мрамора въ 75 фунтъ вышины. Еще недавно она принадлежала какому-то Турку, и запиралась въ его саду; но все сгорѣло кругомъ ея, и колонна дѣвы доступна любопытнымъ.

Среди кипарисовъ и минаретовъ Серая стоитъ еще древняя колонна, о которой ничего положительнаго невѣдомо, и которую можно видѣть только съ моря. Папріархъ, ученый изслѣдователь Константинопольскихъ древностей, полагаетъ, что это та колонна, которую посетилъ Феодосій Великій (581 г.) въ память покоренія Готтеовъ и царя ихъ Апанарика, и что на ней сохраняется надпись: *Fortunæ reduci ob*

devictos Gothos. Какіе полки объ этой надписи ходятъ между двумя Сераля?

Опть славной Θεодосіевой колонны, соперницы колоннъ Адріяна и Траяна, оспался только пьедесталь, вышиною въ три сажени, и въ коемъ продѣлана лѣстница. Она имѣла 110 фуговъ высоты, была изъ бѣлаго мрамора, внутри пущая, и обвивая спиралью рельефовъ, въ кошорыхъ Аркадій изобразилъ победы своего опца Θεодосія надъ Скѣами. На ней стояла статуя Θεодосія, вылипаная изъ серебра, въсомъ въ 7,000 фунговъ. Разспроенные финансы Юстиніана заспавили сплавить ее для украшеній Софійскаго храма. Анаспасій ноставилъ потомъ свою статую на ней. Примѣчанія доспойно, что эпопъ побѣдный памятникъ служилъ въ Констанцинополѣ для казни пресупущиковъ, какъ шарпейская скала въ Римѣ: съ ея высоты Тьерри де Лозъ, одинъ изъ Кресповыхъ полководцевъ, бросилъ Алексѣя Мурзуфла, убійцу Алексѣя Комнина и похищителя престола. Эпа колонна, извѣспная еще подъ именемъ «исторической», стояла до начала XVIII вѣка, но, поврежденная опть пожаровъ и землетрясеній, она грозила паденіемъ, и чтобы предупредить раз-

давленіе окрестныхъ домовъ, была разрушена по повелѣнію Дивана. На пьедесталѣ ея сохранились только чешыре орла и геніи, несущіе лавровыя вѣнки*.

Никакого слѣда не осталось отъ Юстиниановой колонны, величайшаго изъ памятниковъ Константинополя; на ней была мѣдная ея статуя на конѣ. Она еще стояла въ роковой день паденія Константинополя, и ей было суждено нести главу послѣдняго изъ Константиновъ, выспавленную въ зрѣлище народу, между шѣмъ какъ на ея высотѣ еще стоялъ шоржесивующій всадникъ**.....

Изъ всѣхъ Императорскихъ дворцовъ Византіи остался только дворецъ называемый у Турокъ »Текюръ-серай«***. Это развалина, въ коей

* Венеціанскій живописецъ Джентиле Беллини съ позволенія Магомеша II снялъ рисунки рельефовъ этой колонны; они сохранены въ твореніи Бандури, и хотя ошзываются испорченными вкусомъ вѣка, но превосходятъ все, что произвела скульпшуря въ Константинополѣ. Виллардуанъ говоритъ о Теодосіевой колоннѣ: *Cette colonne était des plus hautes et des mieux ouvrees de marbre, qui onques fut vue d'oeil.*

** Лукасъ.

*** Канлемиръ полагаетъ что Текюръ происходитъ отъ испорченныхъ словъ *тод хуріов*, т. е. государя; такъ Турки называли Греческихъ Императоровъ.

шеперъ укрывается незначашій спекляный заводъ. Греки называютъ ее дворцемъ Велиссарія, основываясь не знаю на какомъ преданіи. Онъ построень Консванпиномъ Великимъ, и примыкаетъ къ крѣпостной стѣнѣ, недалеко отъ Адрианопольскихъ воровъ. Зданіе довольно обширное, въ шри эшажа, изъ правильныхъ плишъ камня, сохраняющее еще нѣкопорые мраморные полясы и двуглавый орелъ его строишелей; нижняя его часть ушла въ землю; кровли нѣтъ; смощря на него вы вспомните двуспишіе, произнесенное Магомешомъ II, когда онъ вспушилъ во дворець Греческихъ Имперашоровъ:

Паукъ распянулъ свою шкань во дворець царей, и ночный голось совы раздаешся въ его башняхъ.

Но это не шопъ дворець, кошорый напомнилъ завоевашелю, въ минушу его поржества, элегическое двуспишіе Персидскаго поэта: большой дворець Имперашоровъ на Гипподромѣ былъ почти развалиною въ эпоху взятія города. Славный Вуклеонъ, въ кошоромъ распочалось все великолѣпіе Имперашоровъ, поражавшее воображеніе пословъ сосѣдственныхъ народовъ и вассаловъ приходившихъ на поклоненіе, былъ уже обвѣшпалымъ колоссомъ, кошорый напоминалъ

Только прежнев величіе его обитателей, такъ какъ цѣлая Имперія представляла тогда развалину, которой огромные размѣры говорили еще о древнемъ ея могуществѣ. Въ немъ было пребываніе Французскихъ Императоровъ Конспанпинополя: воспоминанія Крестоныхъ походовъ и Западныхъ рыцарей сошлись въ немъ съ воспоминаніями Воспощныхъ монарховъ. Послѣ крестоносцевъ Палеологи не были уже въ состояніи поддерживать древній блескъ Вукелеона, и Магометъ, довершая начатое временемъ, разрушилъ его до основанія. Судя по мѣстностямъ, онъ шлеулся слишкомъ на одну версту вдоль всего Гиподрома до Пропонпиды*. Нынѣшній Сераль построенъ Магометомъ изъ его обломковъ, и украшенъ оспапками его украшеній; но это все недоступно для взора любопытнаго изыскателя старины: одни серальскія дѣвы и сперегущіе ихъ евнухи и толпа серальскихъ невольниковъ могутъ видѣть почтенное наслѣдіе Конспанпиновъ.

Древніе путешественники Вильгельмъ Тирскій и Веніаминъ Тудельскій съ воспоргомъ го-

* Мечеть Султана Ахмеда, многія казармы и часть Серала занимають теперь это пространство.

ворящъ о красотѣ и богатствахъ Влахерискаго дворца, построеннаго Марціаномъ и Пульхеріею и замѣнившаго Вуколгоу; оупъ него оспался шолько небольшой укрѣпленнѣй з мокъ Византійской постройкѣ, на живописномъ возвышеніи, во глубинѣ залива Золотаго Рога. Въ этомъ замкѣ защищался еще Ношарасъ съ своимъ злополучнымъ семействомъ, когда городъ былъ взятъ Туркамъ.

Въ такомъ состояніи шеперь всѣ памятники величія Византійскихъ Императоровъ; перейдемъ къ памятникамъ оспавленнымъ религіею; они болѣе удѣлѣли, хопя на нихъ волумѣсящъ замѣнилъ крестъ Спасителя; пакъ и сама религія, шпоржествуя надъ всѣми гоненіями, между шѣмъ какъ величіе Кесарей оспалось въ пыли хроникъ и въ пыли развалинъ, возносишъ еще свои шоржественные гимны у угнѣбленныхъ алшарей, и одна поддерживаешъ еще духъ изнемогающаго народа.

Весьма шрудно даешся позволеніе посѣшнить мечепи; для эшаго нуженъ Сулшанскій фирманъ; народъ не любитъ чшобы невѣрные входили въ его храмы, особенно въ шѣ, копорые прежде принадлежали Христіанамъ; Турки думаютъ,

что мы можем тайно молиться въ нихъ, припоминая прежнее ихъ предназначеніе, а я говорилъ уже какое понятіе имѣютъ Турки о нашей молитвѣ. Леди Монтегю рассказываетъ, что она три раза посылала къ Каймакаму, или намѣстнику города, за фирманомъ, и что онъ созвалъ всѣхъ законоучителей и Муѣшій, и спросилъ у нихъ: можно ли дать гауркѣ позволеніе войти въ мечети? — Опшоманскіе богословы нѣсколько дней разсуждали объ этомъ важномъ предметѣ.

Вице-адмиралъ Рикордъ вышребовалъ у Поршпы нужный фирманъ, и я воспользовался этимъ случаемъ для посѣщенія мечетей. Мы проночевали въ Перѣ, и съ разсвѣтомъ отправились въ Спамбуль. Всякій изъ насъ имѣлъ съ собою пару шурецкихъ *мештовъ*; это родъ сафьянныхъ полчулковъ, сверхъ коихъ надѣваютъ Турки туфли или сапоги, оставляемые обыкновенно у порога, предъ входомъ въ жилые покои. Безъ этихъ *мештовъ*, кошорые надѣвали мы входя въ мечети, пришлось бы намъ скидывать сапоги для удовлетворенія нашего любопытства, потому что Турокъ никогда не позволилъ, чтобы вы вошли въ его храмъ въ вашей обуви.

Въ Византійской исторіи найдеша много подробностей о Софійскомъ соборѣ, объ этомъ храмѣ Небесной Мудрости, воздвигнутомъ сперва св. Константиномъ, потомъ обновленномъ въ большемъ размѣрѣ Феодосіемъ старшимъ, и наконецъ построенномъ въ настоящее его видѣ Юстиніаномъ. Имена трехъ величайшихъ государей Восточной Имперіи, какъ при генія славы, ондыхали на его чудесномъ куполѣ, когда рука другаго, бурнаго генія пришла водрузить надъ нимъ поржешвуюющій полумѣсяцъ. Судьба этого храма неразлучно была связана съ судьбами Имперіи; издревле народъ питалъ къ нему особенную набожную привязанность, и привыкъ видѣть въ немъ палладіумъ своей столицы. Юстиніанъ его выстроилъ въ этомъ колоссальномъ объемѣ, и обогатилъ всемъ что могли создать искусства въ его время, всемъ что могло быть заимствовано изъ языческихъ капищъ въ Христіанскій храмъ, единственно чтобы утѣшить народъ, упавшій духомъ послѣ того дня, въ который 35,000 мятежниковъ были изрублены въ столицѣ полководцами Велисаріемъ, Мундомъ и Наркисомъ, а храмъ Софіи и полгорода сделались жершвою пламени. Все пророчества, кошо-

рыми столько въковъ помялся народъ Византіи, какъ тайнымъ предчувствіемъ, о паденіи Восточнаго Царства, соединяли судьбу царства съ судьбою Софійскаго храма; и когда сбылись эши пророчества, народъ въ своемъ несчастіи искалъ утѣшенія въ другихъ повѣріяхъ объ эшомъ храмѣ, и теперь еще всѣ его надежды, всѣ его ожиданія шремятся ко дню, когда въ немъ онъ услышитъ свою лишургію. Самый уныиженный, самый безграмотный Христіанинъ Констаншинополя знаешъ судьбу Софійскаго храма, сохранившаго доселѣ свое имя (и Турки его называютъ *Ая-Софья*), и можешъ бытъ, одна его святыня продлила въ народѣ воспоминаніе объ утраченномъ престолѣ; а эшо воспоминаніе шакъ живо, и до шого шревожитъ ово подозрительный Диванъ, что въ послѣдніе годы вышелъ въ Констаншинополѣ фирманъ, запрещавшій Грекамъ даватъ своимъ дѣшамъ при св. крещеніи имя Констаншина.

Суевѣрный народъ рассказываетъ чудесное преданіе о храмѣ св. Софіи. Извѣстно, что во время послѣдняго присшупа народъ плакалъ и молился у своихъ алтарей, и духовенство, въ полномъ облаченіи, въ ожиданіи чуда или мучени-

ческой смерти, служило послѣднюю литургію въ своихъ соборахъ. При освященіи даровъ въ алтарь св. Софін, когда зашворились Царскія врата, и хоръ провъль: »Господи, да не прошию своею обличии мене, ниже гнѣвомъ своимъ накажеши мене; помилуй мя Господи, яко немощенъ есмь.« — плачь бѣгущаго народа прервалъ священнослуженіе; Турки были въ городѣ. Народъ вѣринъ, что нюгда невидимая рука заперла двери того пришвора, въ коемъ служилъ Пашріархъ со многими Епископами, и святишители продолжаютъ досель молиться въ немъ, и кончашъ литургію, когда Христіанское воинство возьметъ обратно городъ и освободитъ храмъ отъ Турокъ. Фальшивая дверь, выдѣланная для симметріи на мраморъ стѣны одного изъ пришворовъ, подала поводъ къ этому сказанію, къ кошорому прицели еще тысячу нелѣпостей; между прочимъ и то, что при Сулпана въ разныя эпохи вышались сломать паинстввенную дверь, и при первомъ ударѣ молота о мраморъ невидимая рука шакъ тяжело падала на голову присущствовавшаго Сулпана, что его голова оспавалась обращенною лицемъ къ спишь, доколь не призывали въ Сераль Пашріарха для

проченія молитвы надъ спраждающимъ монархомъ.

О построеніи и объ архитектурѣ этого храма, огромнѣйшаго въ мірѣ изъ древнихъ памятниковъ, сохраненныхъ въ цѣлости, такъ много писали, что боюсь повторять сказанное и пересказанное. Три архитектора заслужили безсмертіе эпитимъ колоссомъ*, и архитекторы Римскаго собора св. Петра съ удивленіемъ и съ завистію смотрѣли на многія его части. Куполъ его есть самое смѣлое созданіе рукъ человѣческихъ, и своею необъяшностію и легкостію достойно выражаетъ мысль перваго архитектора, раскинушаго это полушаріе надъ молящимися Христіанами, въ видѣ неба. Подъ нимъ двѣ почти также необъяшныя ниши удваивающъ для глазъ его широту. Потомъ, какъ воздушныя мосты, какъ небесныя радуги, дивныя арки перешагнули отъ пиластръ въ пиластръ; переломанныя вѣнцы архиправовъ, небольшіе куполы и ниши, своды и полусводы, сославили какой-то воздушный

* Анемія Трульскій и Исидоръ Милетскій строили его отъ 535 до 538 г; но въ 559 г. отъ сильныхъ землетрясеній большой куполъ упалъ, и былъ вновь выстроенъ другимъ архитекторомъ Исидоромъ, племянникомъ того Исидора.

лабиринтъ, висящій надъ вашей головою, но легкій, покойный, гармоническій, какъ симфонія небесныхъ духовъ надъ Христіанскимъ алтаремъ; среди его галлерей хоровъ выюхся тонкими, едва замѣшными линіями, какъ миспическія дорожки. Шесъдесять огромныхъ колоннъ убѣжали въ высоту, и среди эпихъ чудесъ оспановились надъ другими колоннами, какъ тонкія спирьлы; промежъ нихъ, изъ двадцапи чепырехъ оконъ льющся во внутренность храма золотыя волны небснаго свѣта, и рисуютъ широкія пѣкни другихъ граничныхъ; порфировыхъ и мраморныхъ исполеновъ, копорые такъ легко поддерживаютъ это чудесное зданіе въ недосыгаемой высотѣ.

Если вы спонше у колонны, если увидите надъ собою всю ея массу, вы почувствуете себя будшо раздавленнымъ ею, и васъ успрашитъ безконечная пуспота, копорая виситъ надъ вами; но вы почувствуете все оппическое могущество архипекшурь, когда, по мѣрѣ того, какъ вы опдалаетесь опъ каменныхъ массъ, онѣ видимо уменьшаются, сливаясь въ общую гармонию зданія, и если вы однимъ взоромъ обвинете всѣ части храма — а шолько этому храму дано показывать въ одно время взору всѣ

свои очарованія — его воздушныя чудеса представлялись вамъ одною могучею мыслию, которая одѣлась въ гранитъ и въ мраморъ, и раскинулась надъ вами, необъяшная, въ царственномъ ожиданьи; тогда вы чужды того неприятнаго ощущенія, которое невольно спягонитъ и давитъ душу среди пущины колоссальнаго зданія; здѣсь душа на волѣ, какъ подъ куполомъ неба.

Человѣкъ благоговѣющъ предъ религіею, которая воздвигла подобныя памятники, даже въ эту эпоху, когда искусства были въ совершенномъ упадкѣ; религія была однимъ архитектуромъ, однимъ создателемъ Софійскаго собора. Но упадкѣ искусства грустно проглядываешь въ исполненіи многихъ частей этого зданія. Юстиніанъ долженъ былъ его соорудить изъ обломковъ другихъ зданій; Греція, Малая Азія, Римъ и Египетъ послали дань своихъ архитектурныхъ памятниковъ для его сооруженія. Колонны изъ зеленой яшмы взяты отъ Эфесскаго храма Діаны, восемь порфировыхъ колоннъ отъ храма солища, сооруженнаго въ Римѣ Авреліаномъ; другія изъ Александровой Трои, изъ Афинъ, отъ Циклады, изъ Мемфиса и Александрии; но онѣ

или потеряли свои прежнія капищели, или сохраняютъ ихъ подъ фризамъ и архиправами совершенно различнаго вкуса. Яшма, порфиръ, бѣлый и цвѣтный мраморъ одѣваютъ весь свѣтлы храмъ; проспанный куполъ покрытъ золотистою мозаикою, въ которой было изображеніе Саваоа посреди, а по чепыремъ споронамъ Херувимы. Турки покрыли иштукатуркою мозаику купола, разво и множество другихъ изображеній, за исключеніемъ чепырехъ Херувимовъ, которыхъ однако проспанными глазами трудно разглядывъ. Спорожа храма промышленяютъ продажею Европейскимъ путешественникамъ кусковъ мозаики; вшбываемыхъ ими опть св. образовъ.

Полъ покрытъ Египетскими ковцами и коврами; полагаютъ, что подъ ними сохранены на многихъ мраморахъ Греческія надписи, двуглавые орлы и кресны, шакъ какъ подъ иштукатуркою сохранилась мозаическая живопись; можно подуматъ, что Турки на время только посвятили своей религін эшошъ храмъ, сохранили его названіе и на время прикрыли его свящія эмблемы.

Мы говорили уже, что Юстиніанъ не пожалѣлъ серебряной конной спашуи Θεодосія для

украшенія Софійскаго собора; строеніе его поглощало все источники богатствъ Имперіи; даже Науки принесли ему свою дань, и профессоры всѣхъ академій были нѣсколько льстѣ на половинномъ жалованьи. Софійскій соборъ былъ плодомъ усилій послѣдней эпохи величія Всемирной Имперіи, которая, какъ бы предчувствуя свою судьбу, свое грядущее изнеможеніе, поспѣшила воздвигнуть себѣ эпоху колоссальный памятникъ, завѣщанный вѣчности. Самая архитектура его эпохи, уже сосварѣвшаяся, слилась пышностію замѣнить свое древнее изящество, и красовалась въ серебро и въ золото и въ драгоценные камни. Четыре золотыя колонны поддерживали надъ олтаремъ линоію изъ серебра балдахинъ (ciboire), надъ коимъ возвышался огромный золотой шаръ и золотой крестъ осыпанные алмазами*.

Говорятъ, что когда Юстиніанъ увидѣлъ совершенно оконченнымъ эпоху храмъ—пред-

* Примѣчая достойно, что для этого балдахина было употреблено серебро Θεодосіевой сѣстуні, такъ какъ для балдахина св. Петра папа Урбанъ Барберини употребилъ бронзу Пантеона, и заслужилъ эпиграмматическій латинскій каламбуръ: *quod non fecerunt Barbari, fecerunt Barberini.*

менъ долготыпнихъ его усилій и помысловъ, когда вступалъ въ него при его освященіи, упоенный воспоргомъ при видѣ великолѣпнаго своего созданія, воскликнулъ: »О Соломонъ, я побѣдилъ тебя!« — Выѣшитъ съ нимъ шоржесипво-вала негда вся Христіанская Церковь; это было первое зданіе, сооруженное ею и достойное ея; дошолъ или обращались въ ея храмы языческія капища, созданія совершенно прошивоположнаго ей генія, или дѣлались только слабыя попышки, въ новомъ родѣ архишскптуры, пребуемомъ ею. Но Софійскій соборъ наводитъ еще и другія воспоминанія, дорогія для всякаго Русскаго; изъ него лучъ Христіанской религіи проникъ въ Сѣверъ, чтобы преобразить полъ-міра; въ немъ язычки Сѣвера просперлись предъ незнакомымъ еще имъ величіемъ Христіанскаго священнослуженія. Когда гармонія хора лилась въ эпомъ моръ сводовъ и куполовъ, когда свѣтъ милліона огней, среди облаковъ ѳиміама, пашнсивенно сливался съ волосами лучей падающихъ изъ подъ купола, когда Цареградскій монархъ, окруженный всѣмъ блескомъ своего Двора, простирался ницъ, со всѣми земными величіями предъ величіемъ молитвы, и среди благоговѣйнаго молчанія

столькихъ тысячъ народа, открылся елшаръ въ сіяніи золота и свѣта, и предъ нимъ торжественно явился священнослужитель съ даромъ — что почувствовали тогда послы Владиміра въ этомъ новомъ для нихъ мірѣ?... Сколько мы видимъ примѣровъ, что Христіанская Церковь однимъ спрогимъ величіемъ своихъ обрядовъ и своею пышностію поразила воображеніе людей, непрічастныхъ ей таинствъ! Въ ней было уже не то мистическое величіе Египта и Греціи, которое пугало только суевѣрное воображеніе язычниковъ, не извлекая слезъ умиленія, но ославляя грозное впечатлѣніе на всю жизнь; кто держалъ совѣщанья съ прорицателемъ Трофонія уже навсегда терялъ улыбку, и народъ видѣлъ въ немъ мученика, осужденнаго помыши подъ бременемъ откровенія.

Магометъ исключилъ изъ своей религіи все обряды язычества и все обряды Христіанства; общая молитва, одинъ поспѣ и два при праздни- ка въ году — вошь все внѣшнее его богослу- женіе; и въ храмахъ его даже самая простота, которую приняли нныя Христіанскія секты; когда вы входите въ Магометанскій храмъ, особенно въ просторную мечеть, близки и на-

юна ея свѣтъ обладаютъ вѣсь хѣмѣмъ; ничто
 не говоритъ въ ней что это домъ молитвы,
 домъ изліянія чистѣйшихъ нувствъ и ввари предъ
 Создателемъ, что въ немъ дышетъ алтарь, кошо-
 рый у всѣхъ народовъ, окружавшихъ его пеп-
 ломъ вѣрою, красился вѣсьмъ что естъ для чело-
 вѣка драгоценнѣе изъ его земныхъ богатствъ.
 Имя Аллаха начертанное надъ мѣстомъ алтаря,
 нѣсколько массивныхъ канделябровъ по обѣимъ
 его сторонамъ, возвышенное мѣсто для Султан-
 на и его приближенныхъ — вошь все что можно
 видѣть внутри Софійской и всякой другой ме-
 чети; только для вечерняго освѣщенія развѣ-
 шаны фестоны изъ безчисленныхъ разноцвѣт-
 ныхъ ламъ, и пропущены по вѣсьмъ направле-
 ніямъ, подъ куполами и сводами и между коло-
 нн. Эфеситъ ихъ безъ сомнѣнія должны бытъ вѣсь-
 ма красивы, но въ немъ что-то шапральное,
 подобное освѣщенію Кіа-Кинга въ большемъ раз-
 мѣрѣ, и представляють опранныую проповѣдо-
 ложность спрогому величію архитектуры, раз-
 дѣлой оны всѣхъ своихъ древнихъ украшеній.
 Турки, хотя такъ спрого воспрещаютъ Хри-
 спіанамъ входъ въ мечети, но во-все не оказы-
 ваютъ къ нимъ шого благочестиваго уваженія,

которое мы питаемъ къ нашимъ церквамъ. Они спятъ и объѣдаютъ въ своихъ меченяхъ. Въ мечняхъ непосроенныхъ Магометанами, но завоеванныхъ оружіемъ ихъ, ямамъ произносишь какую-то молитву опираясь на саблю, пошому что сабля неразлучна съ Кораномъ, и завѣщена Магометомъ какъ знаменіе его религін.

Наружность Софійскаго храма представляеть тяжелую массу, изуродованную опъ множества приспоекъ разныхъ эпохъ. Извѣстно, что при Юстиніанѣ уже онъ получилъ поврежденіе; потомъ, въ шрнадцати-вѣковое свое существованіе, опъ землетрясеній падали разныя его части. При Василіи II Волгарокиновъ*, унала даже часть большаго купола, и была имъ возобновлена. Андроникъ старшій воспроелъ конпрфорсы къ сѣверной стѣнѣ, которая грозила паденіемъ. Каншакузинъ и Іоаннъ Палеологъ возобновили разныя части храма. Между тѣмъ какъ Имперія сама распадалась опъ вѣхости, импе-

* Т. е. Болгароробъ; опъ крестилъ элныя племны за нечестивыя свои жестокости съ Болгарами. Его звршво дошло до того, что онъ ослвилъ вѣсколько тысячъ плѣнныхъ, и далъ имъ одноглазаго проважшаго для возвращенія ихъ на родину. Онъ усердно строилъ храмы.

раторы упошребляли послѣднія усилія для поддержанія своего собора, и усшарѣлыя искусства Византіи еще находили силы, чшобы продлишь существованіе своего лучшаго памятника. Магомешъ, при взятіи города, собшвенноручно разсѣкъ голову солдапу, который въ порывѣ фанатизма ломалъ мраморъ Софійскаго храма. Чшо же касается до сказанія, чшо онъ въѣхалъ верхомъ въ храмъ, и кормилъ своего коня у олшаря — эшо кажешся преувеличеннымъ сказаніемъ побѣжденныхъ. Извѣстно шолько, чшо онъ сидѣлъ на олшарѣ и раздавалъ милосши и награды шолпѣ своихъ фанатиковъ. Магомешъ, обративъ храмъ въ мечешъ, приспроилъ къ нему чешыре минареша; преемники его сдѣлали шакже много приспроекъ, и имѣли архишекшуру его образцемъ во всѣхъ воздвигнушыхъ ими мечешахъ.

ГЛАВА X:

Древніе храмы.—Гробъ Анны Комниной. — Звѣринецъ, и леопарды защитники Визаншіи. — Арсеналь, Римскіе орлы и знамена Крестовосцевъ. — Церковь крови. — Гипподромъ. — Овельскъ. — Дельфійская колонна. — Колонна Порфирогенита. — Венеціянскіе кони, — Мѣдныя статуи и ихъ судьба. — Воспоминанія. — Глadiatorъ.

Еще нѣсколько большихъ Христіанскихъ храмовъ Констаншинополя сохранились до нашихъ дней. Магомешъ II, великодушный варваръ, оспаривалъ въ своемъ шоржествѣ нѣкоторыя изъ нихъ богослуженію Грековъ, но его преемники, поспешенно онягчая свое иго надъ побѣжденнымъ народомъ, не могли перенести, чтобы въ столицѣ Исламизма величественныя зданія были посвящены Христіанской вѣрѣ. — Бросимъ быстрый взглядъ на другіе храмы, болѣе заслуживающіе любопытство посѣпителя по древности и красотѣ архитектуры, или по историческимъ воспоминаніямъ.

Фатиге-джамисы*, былъ храмъ во имя Бого-

* Т. е. мечеть завоевателя; Магомешу II дано прозваніе *фатигъ*, завоеватель, побѣдитель.

родицы, построенный Михаилом Дукою. Въ немъ покоились пѣла многихъ Императоровъ и Императриць дома Комниновъ и Палеоловъ. Гробъ Анны Комниной былъ въ дорогомъ саркофагѣ, подъ Императорскими орлами. Здѣсь былъ и гробъ послѣдняго князя изъ дома Палеологовъ, Фомы Деспота Морейскаго, убѣжавшаго въ Римъ еще оружія Магомеша, и попомъ возвратившагося подъ великодушное его покровительство. Когда эпошь храмъ былъ обращенъ въ мечеть, останки Императоровъ были выброшены изъ него. Анна Комнина, копорая и въ дни упадка Императорскаго престола поэпически мечпала о древнемъ его блескѣ, эта Византійская Аевнлика, копорая въ классической своей гордоспи опказывалась писать въ своей краснорѣчивой льпюписи варварскія имена бароновъ и князей Запада, могли предчувствовать, что другіе варвары будутъ ругаться надъ ея прахомъ?....

Эмиръ-ахоръ-джамисы,—древній храмъ Іоанна Креспипеля, возобновленный Конспаниномъ Палеологомъ, и примѣчательный по прекраснымъ Коринескимъ колоннамъ изъ зеленого мрамора, копорыя видимо принадлежатъ языческой древности.

Ключюкь-Ая-Софья-джамисы (маленькій Софійскій храмъ) — такъ прозванный чернію не по сходству его архипектуры съ Софійскимъ храмомъ (онъ имѣетъ видъ ропонды, и восемь небольшихъ куполовъ опоясывающъ средній куполь), но по богатству его украшеній и по красотѣ колоннъ, зеленыхъ мраморныхъ и порфировыхъ. Онъ построень Юстиніаномъ Великимъ недалеко отъ Гиподрома, вѣроятно изъ остатка матеріаловъ собранныхъ для Софійскаго собора; онъ былъ посвященъ святымъ Сергію и Ванху.

Будрумъ-джамисы; эта мечеть была женскимъ монастыремъ, въ коемъ приняли одежду смиренія многія Императрицы.

Кехріэ-джамисы — храмъ Спасителя, построенный Юстиніаномъ, и обновленный въ настоящемъ видѣ при Комнинахъ. Въ послѣднюю осаду Константинополя молящійся народъ вынесъ изъ дворца чудотворный образъ Богородицы, писанный св. Лукою, въ эту церковь, которая прилежала къ стѣнамъ болѣе грозимымъ отъ Турокъ.

Ходжа-Мустафа-паша-джамисы — древній великолѣпный монастырь Андрея Первозваннаго, построенный Аркадіею, сестрою Феодосія млад-

шаго. Муснафа, копюраго онъ носишь шеперь имя, обратилъ его въ мечеть при Селимъ I. Онъ вмѣстѣ съ Солиманомъ дѣлалъ славный походъ въ Родось; попомъ замыслилъ опложивъсь и получилъ снурокъ. Въ этой мечети возбуждаешъ общее любопытство цѣпь, кошорая обшягиваетъ кипарисы обсаженные кругомъ, и о кошорой всѣяпся различныя преданія.

Въ эпихъ Христіанскихъ храмахъ шеперь моляпся правовѣрные; въ храмъ Іоанна Богослова, построенномъ при Царь Иракліи, содержатся дикіе звѣри, львы и шигры Африканскихъ степей; онъ называется *асланъ-хане*. Прежніе Султаны всегда любили имѣшь въ своей столицѣ дикихъ звѣрей, и иногда давали народу зрѣлище ихъ боя. Это водилось и при Императорахъ; даже въ льшописяхъ Крешовыхъ походовъ находимъ, что когда крешноосцы ашпаковали городъ при Алексѣ Комнинѣ, были приведены изъ своихъ норъ львы и леопарды на защиту города, и Западные рыцари имѣли дѣло съ незнакомыми дошолъ врагами, какъ герон старинныхъ балладъ. Имъ казалось, что сверхъестественныя силы поднялись тогда за воспочную столицу, и Воспокъ предсавлялся Ломбардскимъ баронамъ со

всѣми чудесажи, которыми одѣвало его младенческое воображеніе Европы.

Другаго рода оскверненіе постигло храмъ св. Ириніи, въ коемъ соединился соборъ священителей Восточной Церкви въ царствованіе Феодосія: огнь обращенъ въ арсеналь, и заключается внутри серальскихъ стѣнъ, недалеко отъ монетнаго двора. Въ немъ множество любопытныхъ и драгоценныхъ для археологій древнихъ оружій и осадныхъ машинъ. Нѣсколько знаменъ Западныхъ рыцарей, оспавленныхъ по ихъ изгнаніи изъ Константинополя, перемѣшаны въ немъ съ орлами Римскихъ легионовъ, съ знаменами Восточныхъ Императоровъ. Французскій инженеръ Дешонъ, которому въ войнѣ съ Россією, при Мушашъ III, было препоручено укрѣпиль Босфоръ и Гелеспонъ, получилъ позволеніе порыться въ этомъ арсеналѣ, и нашелъ многіе остатки самой глубокой Римской древности. Побѣдные орлы Сципионовъ и Кесаря, свидѣтели долгихъ бѣдъ созданной ими Имперіи, какъ плавные профети, лежатъ въ пыли серальскаго арсенала.

Мы видѣли состояніе нынѣшнихъ Греческихъ церквей Константинополя. Одинъ только небольшой храмъ съ куполомъ оспавленъ досель Гре-

кавъ; его Турки называютъ *канъ-кисесы*; и. е. церковь крови, отъ того что въ немъ полилась кровь послѣднихъ защитниковъ города. Кантемиръ говоритъ, что онъ оставленъ Грекамъ въ награду за услуги одного архиепископа, посстроившаго Турецкія мечети. Скудное наслѣдіе искусства и въ самомъ плъпу облегчало гоненіе Грековъ.

Можетъ быть всѣ упомянутыя древности не въ одинаковой степени возбуждаютъ любопытство путешественника; но кто не поставитъ Аппейдана, древняго Гипподрома, обезображеннаго, ограбленнаго въ различныя эпохи, едва с;храняющаго слѣды своего величія?... Среди широкой площади поднимается необъятная масса Софійскаго собора; тяжелая мечеть Султана Ахмеда закрыла значительную часть этой площади — единственной большой площади древняго и новаго Константинополя. Крутомъ расположились мелкіе деревянные дома, которыхъ безобразная полоса обшянула древнюю площадь шріумфовъ и народныхъ празднествъ поясомъ изъ лоскутьевъ. Мѣстами недавній пожаръ оставилъ широкія пятна изъ золы.

Три памятника разныхъ вѣковъ остались на Гипподромѣ: обелискъ Египетскій, колонна Дель-

фійскаго храма и чешырегранныя колонна Константина Порфирогенета. Египеть, Греція и Римъ пославили себѣ здѣсь надгробныя памятники, и на каждомъ изъ нихъ сохранилась печать народа и эпохи. Обелискъ изъ одного куска гранита* покрытъ весь гѣроглифами мистическаго Египта, весьма многосложными и красивой оцѣлки. Чешыре мѣдныя куба поддерживають его на высокомъ мраморномъ пьедесталѣ; а на этомъ пьедесталѣ вырѣзаны эмфатическія надписи, и изображень на чешырехъ его споровахъ Императоръ Θεодосій, шо сидящій на престолахъ вмѣстѣ съ Царицею и съ дѣтьми Аркадіемъ и Гоноріемъ, шо принимающій поклоненіе покоренныхъ народовъ, шо предсѣдающій въ играхъ, шо несущій въ рукахъ Императорскую коронну. Какъ будто нужно было предсавить здѣсь, подъ суровымъ величіемъ Египта, нѣсколько карпинъ суецкаго величія Визаншій, и подъ шайнствеными и нѣмыми письменами древней науки и аллегорической религіи — панегирическія надписи Кесарей**. Что касается до изваянія барель-

* Онъ имѣеть около 60 футовъ высоты.

** Надписи двѣ: Греческая и Латинская; вошь содержаніе первой:

ефовъ — изъ нихъ видно только, что въ эту эпоху былъ уже невозвратно поперянь древній рѣзецъ, и уже образовался Византійскій вкусъ, съ своею недвижностію, съ своимъ безжизненнымъ спокойствіемъ, съ условными позами и драпировкою, — вкусъ болѣе извѣстный намъ по школь Византійской церковной живописи, а на мраморъ представляющій только досадный анахронизмъ въ искусствѣ, болѣе принадлежащій, за исключеніемъ правильности формъ, въ ку перехода Египетской скульптуры въ Грецію, нежели въ ку богатому неподражаемымъ произведеніямъ Афинъ и Коринѳа.

Турокъ строгой наружности сидѣлъ на площади, недалеко отъ Египетскаго обелиска, и предъ нимъ былъ огромный поднось съ дѣтскими игрушками. Его важная наружность представляла смѣшный контрастъ съ этимъ предметомъ промышленности; можетъ быть лице его приняло мрачное выраженіе отъ того что фигуры съ такимъ любопытствомъ осматривали

Только Царя Θεодосія воля могла воздвигнуть эпопей чашырегранный столпъ, вѣчное бремя земли, и, по его велѣнію, Прокль въ шрицапъ два дня его здѣсь поставилъ. Эпопей Прокль былъ Эпархомъ или правителемъ столицы.

обелискъ, который по его понятіямъ, есть одинъ изъ шалисмановъ Сшамбула, и обезпечиваетъ владычество въ немъ Турокъ. Это общее повѣріе Сшамбульской черни, которая иначе не можешь растолковать себѣ, къ чему служишь огромный камень среди площади, и что означаютъ живописныя, пишицы и люди изсѣченныя на немъ; а она привыкла почитать шалисманами все, чего не смыслитъ, и прилегла ко всякому памятнику Константинополя какое-нибудь чудесное сказаніе.

Я обратился къ Турку съ вопросомъ, что онъ думаетъ о спранныхъ вещахъ вырѣзанныхъ на камнѣ? — Онъ не удостоилъ меня отвѣтомъ; онъ сидѣлъ молчаливый предъ обелискомъ, съ каменною недвижностію сфинкса, который все видишь и ничего не говоришь.

Между наслѣдіемъ Фараоновъ и колонною Константина Багрянороднаго стоитъ небольшой мѣдный столпъ, составленный изъ шрехъ змій свишыхъ вмѣстѣ. Головы этихъ змій, вѣнчавшія его фантасмическою капишью, давно потеряны. Сказываютъ, что Магомедъ II шопоромъ отрубилъ одну изъ головъ, чтобы показашъ свою силу; другія двѣ были опломаны

и украдены ночью, въ началѣ прошедшаго вѣка*.

Эпо пошъ самый споупъ, кошорый поддерживаль въ Дельфійскомъ храмѣ золотой преножникъ, посвященный Аполлону Греческими республиками изъ добычи, оставленной имъ послѣ лучшаго дня древней Эллады, дня увѣнчаннаго Плашейскими лаврами. Геродотъ и Павзаній упоминають о немъ. Конспаншинъ Великій, разрушивъ храмы Греціи, перевезъ въ свою столицу ея статуи, разжалованныя изъ боговъ языческихъ храмовъ въ декораціи Гипподрома, и вмѣстѣ съ идолами поэпической религіи, ошнאלъ у Греціи и профен ея древнихъ поржестивъ. Эпоупъ памятникъ Греческихъ республикъ, среди разрушеннаго величія столицы Греческой Имперіи, эши обезглавленные змѣи на плѣнномъ гипподромѣ, предспавляють сполько спранныхъ сближеній, сполько воспоминаній. Но мысль Конспаншина — посспавить среди обширнаго респалища, окруженнаго колоссальными зданіями, небольшое внутреннее украшеніе Дельфійскаго храма, объясняеть сполько безвкусіемъ вѣка. Вѣкъ

* Съ спочностию когда неизвѣстно; но пушешественики видѣли ихъ въ первыхъ годахъ прошедшаго вѣка.

его, получивъ богатое наслѣдство древнихъ искусствъ, но уже испощенный и безсильный произвести что-либо новое, приличное своему величію, наряжался безъ разбора въ убранства древности, шакъ какъ въ самой архитектурѣ своей, промѣнявъ изящество Греціи на колоссальность Римскихъ и Азіатскихъ зданій, оставилъ намъ спранные памятники, безъ гармоніи, безъ единства, смѣсь вкусовъ всѣхъ вѣковъ, видимо слѣпленные изъ обломковъ другихъ зданій.

Столпъ Порфирогенета имѣетъ формуobeliska, но несравненно выше и тяжелѣе его*. Онъ составленъ изъ небольшихъ граничныхъ плитъ, скрѣпленныхъ пиронами; былъ одѣтъ золоченною мѣдью, но по взятіи Константинополя Турками, мѣдь съ него содрана, и онъ остался голый среди Ампейдана, какъ колоссальный скелетъ, и грозитъ паденіемъ. Надпись на мраморномъ его подножіи сравниваетъ «это четырехгранное диво» съ колоссомъ Родосскимъ, хопя между ними ничего общаго не было кромѣ мешалла.

* Онъ имѣетъ 94 футовъ вышины. Изъ надписи сохраненной на немъ видно, что Константинъ Порфирородный не былъ его основателемъ, но только обновилъ его.

Эпо единственныя древности Гипподрома; въ цвѣтушіе вѣки Имперіи здѣсь спояли многія пысячи драгоцѣнныхъ спашуй, множество Императорскихъ памяшниковъ. Но эпой злоплучной Имперіи было суждено шакое продолжишельное бореніе со смершію, что она пережила не шолько свою славу, но и самыя памяшники свои, завѣщанныя вѣкамъ. Здѣсь спояли между чудесами древнихъ искусствъ и безсмершныя кони Лизиппа, копорые долго были символомъ побѣдъ и спутниками славы; они изъ Коринѣа, вмѣстѣ со славою Греціи, перешли въ Римъ, чшобы украситъ шріумфальныя врата Императоровъ*. Констаншинъ перенесъ ихъ въ новую сподицу міра, и поставилъ на высокой мраморной галлерей Гипподрома. Помомъ Венеціанцы по взяшій Констаншинополя (1204 г.) принесли эшихъ коней ко льву св. Марка, и поставили какъ пѣшный шрофей, надъ входомъ своего собора. Но вольные кони Коринѣа, постолнно уска-

* Они были поставлены на шріумфальныхъ вратахъ Нерона, помомъ Траяна; помомъ ихъ перевесли въ храмъ солнца. Мнѣніе, что они были изъ Коринѣа, заслуживаетъ болше вѣроятія, хотя безименный летописецъ времени Комниновъ, говоритъ, что они были взяты изъ Хіоса.

живая изъ побѣжденныхъ городовъ, умчались въ день паденія республики за колесницею завоевателя въ Парижъ, проспоили въ Тюлерійскомъ дворцѣ, на триумфальныхъ врапахъ, въ бышшрый періодъ триумфовъ Франціи, и когда улетѣли Наполеоновскіе орлы, возвратились опять ко льву старой царицы Адриатики. Кажется, что они одни были сбережены на эту удивительную судьбу изъ всѣхъ богатствъ Гипподрома. Когда Крестовое войско овладѣло Константинополемъ, статуи Греческихъ боговъ и памятники Византійскихъ Императоровъ были обращены въ деньги на жалованіе полудикихъ ордъ Запада. Эта несчастная судьба постигла вообще металлическіе памятники древности, кромѣ немногихъ случайно сбереженныхъ вѣками. Варварство тогдашнихъ Европейцевъ оправдываетъ уничтоженіе дорогихъ памятниковъ Гипподрома, но кто бы повѣрилъ, что въ Италіи, въ избранной землѣ художествъ, въ Неаполѣ, недалѣе какъ въ срединѣ прошедшаго вѣка (1740 г.) прекрасная статуя Неспора была сплавлена и обращена въ медали для какого-то ученаго общества; видно что кровь Вандаловъ лилась въ жилахъ ученыхъ Неаполитанцевъ.

Эта голая площадь Апмейдана была въ древности опоясана стѣною и ступенями для многихъ тысячъ зрителей; Гипподромъ былъ Коллизеумъ новаго Рима; его началъ строить Септимъ Северъ въ Византіи, когда она не была еще соперницею вѣчнаго города. Помпій Конспаншинъ далъ ему колоссальныя размѣры Римскаго амфитеатра, и самъ одержалъ въ немъ первую побѣду на бѣгѣ колесницъ. Галлерей его были одѣты мраморомъ; надъ поршикомъ изъ двадцати чешырехъ колоннъ было мѣсто Императорскаго семейства. Гипподромъ украсился всѣми богатствами искусствъ древней Греціи, и каждый Императоръ ославлялъ въ немъ какой нибудь памятникъ; до нашествія Крестоносцевъ, говоритъ Мишо, онъ имѣлъ болѣе статуй Боговъ и Императоровъ нежели теперь жителей.

Былъ поздній часъ вечера, когда я продолжалъ еще мою прогулку въ Апмейданъ. Никакого шума въ немъ не было; въ окрестныхъ домахъ изрѣдка свѣтился огонь, и лунная ночь покрыла своею таинственностію молчаливый Спамбуль. Апмейданскіе памятники казались тогда исполнскими призраками прошедшихъ лѣтъ, одѣтые туманомъ ночи какъ саваномъ, одинокіе,

неподвижные на опущенномъ кладбищѣ; а эта площадь, въ которойдесять вѣковъ суетилось блѣдное величіе Всемирной Имперіи, уже давно была кладбищемъ древняго міра. Вѣчныя имена Египта, Греціи и Рима неизгладимо начертаны на ея гробовыхъ доскахъ, надъ коими замолкъ послѣдній отголосокъ эпическихъ магическихъ именъ, заключившихъ весь кругъ развитія древняго міра. Храмъ св. Софіи и мечеть Ахмеда возвышаются надъ нею свои необъянные куполы, какъ эмблемы двухъ идей—Христіанства и Магометанства, которыя воздвигли зданіе новыхъ вѣковъ изъ развалинъ вѣковъ прошедшихъ. Но надъ шпѣмъ куполомъ, гдѣ сіялъ крестъ преображеннаго міра—освященъ теперь блѣднымъ свѣтомъ полнаго мѣсяца полумѣсяцъ Османа.....

Сколько сбѣжалось сюда могучихъ воспоминаній! Какъ сильно выразилась здѣсь каждая эпоха съ своими повѣртіями, съ своими спрашаніями, съ своими событіями! Исторія Гипподрома можетъ быть исторіею цѣлыхъ государствъ; эпо каменная льщаница Константинополя, видѣвшая всю судьбу столицы и царства.

При Туркахъ ее одушевляли воинственные забавы наѣздниковъ, и въ ней рѣшались крова-

вья распри, коими начались и заключились многія царствованія; еще недавно раздался въ ней послѣдній, удушенный вздохъ фанатиковъ оджака, и ее покрыли трупы. Тоже было и при Визаншійскихъ Императорахъ. Здѣсь собирався безпокойный народъ, по превозглашашъ своихъ Императоровъ, поднимая ихъ на щиптъ, какъ прешоріянцы Рима, по безспрасно глязъшъ на междоусобіе двухъ искапелей преспола, по съ оспервененіемъ проливашъ свою кровь на эшой прагической сценѣ, предназначенной его увеселеніямъ. И въ дни своего упадка Греки были спрасно привязаны къ эшой площади, копорая напоминала имъ пѣ вѣки, когда упоенные своимъ величіемъ, владѣшли Воспока и Запада, они могли безнаказанно предаваться въ ней буйству своихъ спрасей. Здѣсь рѣшались распри *голубыхъ* и *зеленыхъ*, и потрясалось спокойствіе цѣлой Имперіи мелочною ненавистію двухъ паршій двора и народа, въ соперничествѣ коихъ заключилось все рыцарство Восточной Имперіи, вылилась вся сила народныхъ спрасей и папшріопизма, чшобы оспавить послѣ въ эшой дряхлой сполицѣ безжизненную массу народа, какойшо трупъ, издавшій шолько вопль опчалнія подѣ-ножемъ завоевашелъ.

Но все еще были видны въ этомъ народѣ слѣды его происхожденія опъ двухъ первыхъ народовъ — опъ Грековъ и Римлянъ: изнеможенный геній Греціи сохранилъ полько свои софистическія шонкоши, безъ древняго блеска, и разсыпался въ богословскія прѣнія, въ пылкіе споры о словахъ и выраженіяхъ; а возвращенное мужество Рима измѣнилось въ бои ристалища.

Удалимся еще въ разнохарактерную перспективу вѣковъ, оставившихъ свои слѣды на камняхъ Гипподрома; мы увидимъ наконецъ первыхъ переселенцевъ Рима жадныхъ и въ новой столицѣ шѣхъ отвратительныхъ зрѣлищъ, которыми шѣщили ихъ въ Колизеѣ. Какъ приятно по крайней мѣрѣ слѣдишь, среди постояннаго возвращенія великаго народа, шоржесство Христианской религіи, кошорая омыла сердца опъ звѣрскихъ наклонностей вѣка Антониновъ и Веспасіана. Бои гладіаторовъ повпорились и въ Гипподромѣ, но уже перестали давать людей на пожраніе шиграмъ, и по мѣрѣ шого какъ правы смягчались подъ вліяніемъ религіи, вывелись и кровавыя зрѣлища гладіаторовъ. Воспоминаніе о нихъ смлось въ моемъ воображеніи съ несравненнымъ спансомъ Чальдъ-Гарольда, и при свѣ-

пѣ луны могучая карпина Римскаго колізея перенеслась въ блѣдный Гипподромъ:

Вижу гладіатора распросшертымъ предо мною; онъ оперся на свою руку; его мужественное чело соглашается на смерть, но онъ побѣждаетъ смертное бореніе, и его ослѣпленная голова поспешенно опускается къ землѣ. Последнія капли его крови медленно выпадаютъ изъ широкой раны въ его бедра; онъ капающъ тяжело, одна за другою, какъ въ пору грозы первыя капли дождя. Вокругъ него плаваешь въ шуманъ огромный амфишепатръ. Онъ умираетъ — а восклицанія гремятъ еще привѣспшвіями побѣдшело его: — онъ слышишь эши голоса, и презираетъ ихъ. Онъ не думаетъ ни о жизни, кошорая его покидаетъ, ни о наградѣ побѣдшело. Его глаза и его сердце шеперь въ шой хивинъ на берегу Дуная, гдѣ варваренки, его дѣши, играютъ между собою при Дадіавкѣ, ихъ мапери. — А онъ, ихъ ошець, хладнокровно умерщвленъ для пошѣки Римлянъ. Предъ нимъ все изчезаетъ съ испокомъ его крови. — Умрешъ ли онъ неопшщевный? — Возстанъше Готѣы, идите насыпшпть вашу яросць!

КОНЕЦЪ ВТОГОЙ ЧАСТИ.